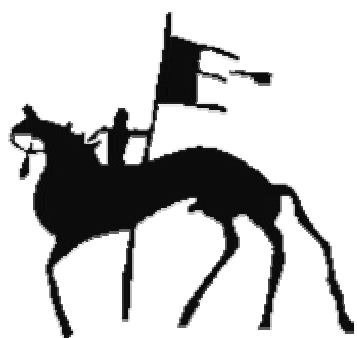

К.Т. ЛАЙПАНОВ, И.М. МИЗИЕВ

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ**

www.turklib.uz
www.turklib.ru
www.turklib.com

оглавление страницы : 1.Предисловие
2.Краткие сведения о тюркских народах
3.Концепции о происхождении тюркских народов
4.Волго-Уралье — родина прототюрков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происхождение тюркских народов и их этнокультурных традиций является одной из наименее изученных проблем науки. Ее неразработанность объясняется не столько слабостью научной базы, сколько предвзятым отношением к ней многих ученых, в особенности иранистов. Индоевропеисты диктовали и продолжают диктовать тюркологам пути и методы исследования этногенеза и других проблем истории и лингвистики тюркских народов. При этом некоторые из них сознательно искажают, а порой просто игнорируют их историко-культурное богатство. В плену у языковедов-иранистов оказались скифолог Б. Н. Граков, М. И. Артамонов, А. П. Смирнов, И. Г. Алиев, В. Ю. Мурзин, многие другие добросовестные археологи, которые по археологическим, этнографическим и иным данным знают, что андроновцы, скифы, саки, массагеты, сарматы, аланы не являются иранцами, не раз лингвисты «доказали» их ираноязычность, то они вынуждены признать эти племена ираноязычными. Образовался своеобразный замкнутый круг: некоторые археологи приняли как научную истину принятую языковедами-иранистами версию об ираноязычности названных племен, а лингвисты, в СБОЮ очередь, основываются на результатах, добытых археологами при раскопках: как только те находят предметы «скифского типа», их тут же объявляют принадлежащими ираноязычным племенам (Гейбуллаев, 1991, с. 288),

Как известно, для отдаленных от нас по времени эпох, по которым мы не можем располагать никакими

прямыми лингвистическими свидетельствами, археологический материал наряду с палеоантропологическим остается единственным источником для реконструкции этнической истории населения определенного региона в древности. Но прямое этническое истолкование археологических источников «неизбежно встречается с рядом труднопреодолимых препятствий, и, следовательно, применение их в этногенетическом аспекте очень затруднено» (Арутюнов, 1989, с. 11). Со времени появления письменности письменные источники, данные языка имеют огромное значение для определения этнической принадлежности древних племен, но они изучены крайне недостаточно и зачастую толкуются односторонне. Нужно учесть, что и древний письменный источник по самой своей природе не может быть вполне объективным, так как отражает позицию автора (Там же, с. 10).

Выступая на III Всесоюзной тюркологической конференции, состоявшейся 10-12 октября 1989 г. в Ташкенте, крупнейший татарский тюрколог профессор М. З. Закиев говорил о том, что языкопой материал тюрков дохуннского периода — скифов, саков, сарматов,

кушанов и других — изучался главным образом иранистами, и «в результате их активных стихологических изысканий скифы, саки, сарматы, тохары и некоторые другие группы племен признаны в основном ираноязычными. Признание скифов и их соседей ираноязычными до сих пор лежит в основе некоторых этногенетических теорий. Отсюда археологические культуры Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья, Западной Сибири, Средней и Центральной Азии, Казахстана и Алтая отнесены к иранскому этносу» (Закиев, 1986, с. 23),

С точки зрения иранистов, тюркские народы на этих территориях оказались не аборигенами, а пришельцами. И вполне законен вопрос: откуда, как и зачем "пришли в эти регионы многочисленные тюркские племена, которые к началу I тысячелетия н. э. занимали огромную территорию от Охотского моря до Центральной Европы?

На этот вопрос трудно ответить до тех пор, пока, как считает ученый, не исследованы прежде всего

4

А, швыряемые элементы языков тюркоязычных скифов, из сарматов, массагетов, алан, исхитов, тохаров и других древнетюркских племен, пока тюркские элемен-

ты их языков не будут тщательно проанализированы

сравнением с современными тюркскими языками, по-

скольку в этнические данные не будут рас-

пределены в системе выводов смежных наук: лингвистологии, археологии, истории, этнографии,

иначе Лишь, после комплексного анализа данных

лингвистических наук должна быть сформулирована та или

какая-то этногенетическая теория (Там же, с. 23-24).

1) генетический подход к истории тюркских народов

... в официальной науке давние корни. Так, в

записках Императорской Академии Наук говорится о том, что тюркские народы «никогда не бу-

дут занимать высокого места в мировой истории»

Человек записки, 1855, с. 714),

! Некоторые ученые и в советский период продолжали считать прошлое тюркских народов. Например, Т. В. Мкртичян и Вяч. Вс. Иванов, авторы удостоенного

Ленинской премии огромного труда «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984), даже не

указали места хотя бы вскользь упомянуть о контактах

* взаимовлиянии древних индоевропейцев и древних народов в эпоху неолитического расселения древнейших

народов в I-III тысячелетиях до н. э.

Об устойчивости традиционных представлений о древнейшей истории и этногенезе тюркских народов свиде-

тельствуют и капитальный труд «Эпоха бронзы лесной зоны СССР» под общей редакцией акад. Б. А. Рыбакова, изданный Институтом археологии АН СССР в

1987 г. В нем перечислено множество племен, но не названо ни одно тюркоязычное племя.

Вот какой при-

говор выносят этим народам авторы названного труда:

Видимо, уже в бронзовом веке на юге Восточной Сибири — в районах, лежащих в основном к югу от Байкала, жили предки нынешних тюркоязычных и

финноязычных народов, однако их активное участие в этнической истории Сибири и Восточной Европы падает на более поздние времена, уходящие за пределы III тысячелетия до н. э.

бронзы (выделено нами. — Авт.), а, следо-

вательно, и за рамки настоящего тома». Таким

образом, у тюркских народов, занимавших в бывшем ССРСР второе место по численности, нет своей истории в эпохе бронзы. Такая позиция ученых Института археологии Академии Наук СССР (ныне Российской академии наук) не может не вызвать недоумения. Создается впечатление, что в основе этой антинаучной позиции лежат скорее политические установки, чем объективное изучение научных фактов. Нет сомнения в том, что в свое время подобные установки давали ученым сверху партийные идеологи.

Приведем лишь два примера. В 1960 г. археолог С. С. Черников выпустил в Москве интересную книгу «Восточный Казахстан в эпоху бронзы», в которой, базируясь на добытом им археологическом материале, высказал «крамольные» мысли: носителей андроновской культуры, которых было принято считать ираноязычными, он справедливо назвал предками тюркских народов. На С. С. Черникова тут же обрушились с жесткой критикой некоторые археологи, плененные идеей об ираноязычности андроновцев. Еще более показательна история с книгой известного казахского писателя и ученого О. О. Сулейменова «Аз и Я» (Алма-Ата, 1975), в которой объективно показана прогрессивная роль тюркских народов в развитии всей мировой культуры. Руководство Академии Наук СССР признало ее необъективной и даже вредной, и ее изъяли из обращения. Ни для кого не секрет, что такие меры применялись раньше лишь по приказу сверху.

В условиях командно-административной системы науку, даже древнейшую историю, направляли в нужное для руководства русло. Те ученые, которые отклонялись от утвердившихся научных стереотипов и «позволяли себе» иметь собственное суждение, подвергались давлению и преследовались за научные убеждения. Мало кто осмеливался открыто выступать против произвола партийной цензуры, но такие ученые были. Назовем хотя бы С. Е. Малова, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, А. Н. Бернштама, Л. Н. Гумилева, А. С. Аманжолова, М. Ш. Ширалиева, А. А. Иессена, М. З. Ямпольского, М. З. Закиева, Л. Р. Кызласова, М. А. Хабичева, С. С. Алирова, А. М. Щербака и

б

др. Академик М. Ш. Ширалиев и профессор С. Г. Асадуллаев еще в 1970 г. писали: «Как известно, с древнейших времен тюркские народности жили в соседстве с индоевропейскими, финно-угорскими, семитскими, китайскими народами. Отсюда понятно, что между их языками осуществлялось взаимодействие и взаимовлияние. Считалось, например, что во всех случаях только лишь «культурные языки», а к ним относили индоевропейские, могли влиять на тюркские. Обратный процесс, т. е. влияние тюркских языков на эти языки, оставался неизученным, если не считать некоторых работ русских дореволюционных и также венгерских тюркологов, а в советское время — работы Н. К. Дмитриева» (Ширалиев, Асадуллаев, 1970, с. 9).

Примеров искажения - истории тюркских народов можно привести еще множество, но вряд ли в этом есть необходимость, так как читатель, интересующийся историей народов бывшего СССР, когда речь заходит о тюркоязычных народах, повсеместно наталкивается на такие искажения, если не сказать резче.

Сознавая создавшуюся ситуацию, авторы данной работы, много лет посвятившие изучению древней истории и культуры тюркских народов, решили, не откладывая в долгий ящик, опубликовать хотя бы в тезисном порядке свою концепцию их этногенеза. Мы хотим привлечь к поднятой нами теме внимание объективно мыслящих ученых, с тем чтобы они своими исследованиями помогли установить научную истину.

Основные положения нашей работы, видимо, трудно оспорить, но некоторые из них могут вызвать возражения. Мы сознательно идем на это, так как дискуссия всегда являлась движущей силой науки. Мы призываем своих коллег к плодотворной научной дискуссии по волнующей нас проблеме.

Пользуясь случаем, мы благодарим рецензентов книги, других коллег, оказавших нам помощь дружескими советами и рекомендациями.

Кази Лайпанов, Исмаил Мизиев

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ

Тюркоязычные народы относятся к самым многочисленным народам земного шара. Большая их часть издавна проживает в Азии и Европе. Они живут также на Американском и Австралийском континентах. Тюрки составляют 90% жителей современной Турции, а на территории бывшего СССР их насчитывается около 50 млн., т. е. они составляют вторую по численности после славянских народов группу населения (Ежегодник БСЭ, с. 10).

В древности и рением средневековье существовало множество тюркских государственных образований: скифское, сарматское, 1уннское, болгарское, аланское, хазарское, западное и восточное тюркские, аварский и уйгурский каганаты и т. д." Из них до настоящего времени сохранила свою государственность только Турция. В 1991—1992 гг. на территории бывшего СССР тюркские союзные республики стали независимыми государствами и членами ООН. Это Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан. В составе Российской Федерации обрели государственность Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия). В форме автономных республик в составе Российской Федерации имеют свою государственность тувинцы, хакасы, алтайцы, чувашаи.

В состав суверенных республик входят карачаевцы (Карачаево-Черкесия), балкарцы (Кабардино-Балкария), кумыки (Дагестан). Свою республику в составе Узбекистана имеют каракалпаки, в составе Азербайджана — нахичеванские азербайджанцы.

Суверенную государственность в составе Молдовы провозгласили гагаузы.

8

До настоящего времени не восстановлена государственность крымских татар, не имеют государственности ногайцы, турки-месхетинцы, шорцы, чулымцы, сибирские татары, караимы, трухмены и некоторые другие тюркские народы.

Не имеют своих государств и тюрки, проживающие за пределами бывшего СССР, за исключением турок в Турции и турок-киприотов. В Китае проживает около 8 млн. уйгур, свыше 1 млн. казахов, 80 тыс. кыргызов, 15 тыс. узбеков (Москалев, 1992, с. 162). В Монголии проживает 18 тыс. тувинцев. Значительное число тюрков проживает в Иране и Афганистане, в том числе около 10 млн. азербайджанцев. Число узбеков в Афганистане достигает 1,2 млн., туркмен — 380 тыс., кыргызов — 25 тыс. человек. Несколько сот тысяч турок и гагаузов живут на территории Болгарии, Румынии, Югославии, небольшое количество караимов ' — в Литве и Польше. Представители тюркских народов проживают также в Ираке (около 100 тыс. туркмен, много турок), Сирии (30 тыс. туркмен, а также карачаевцы, балкарцы). Тюркоязычное население имеется в США, Венгрии, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Австралии и некоторых других странах (Языки народов СССР, 1966, с. 8-12).

Тюркоязычные народы с глубокой древности оказывали значительное влияние на ход всемирной истории, внесли- существенный вклад в развитие мировой цивилизации. Однако подлинная история тюркских народов еще не написана. Немало неясного остается в вопросе об их этногенезе, многие тюркские народы до сих пор не знают, когда и на основе каких этносов они образовались.

В данной работе авторы высказывают ряд соображений по проблеме этногенеза тюркских народов и делают некоторые выводы, опираясь на новейшие исторические, археологические, лингвистические, этнографические и антропологические данные.

При освещении того или иного вопроса рассматриваемой проблемы авторы исходили из того, что, в зависимости от эпохи и конкретной исторической ситуации, какой-то вид источников — исторических, языковых, археологических, этнографических или ант-

9

ропологических — может иметь более или менее существенное значение для решения проблемы этногенеза данного народа. Однако ни один из них не может претендовать на принципиально ведущую роль. Каждый из них нуждается в перепроверке данными других

источников, и каждый из них в каком-либо конкретном случае может оказаться лишенным реального этногенетического содержания. С. А. Арутюнов подчеркивает: «Ни один источник не может быть решающим и преимущественным по сравнению с другими, в разных случаях разные источники могут иметь преобладающее значение, но в любых случаях достоверность выводов зависит прежде всего от возможности их взаимной перепроверки» (Арутюнов, 1989, с. 13-14).

При исследовании проблемы происхождения тюркских народов мы старались сопоставлять данные смежных наук и на этой основе делать научные выводы, хотя подобные сопоставления не всегда возможны из-за отсутствия достоверных источников по тому или иному аспекту вопроса в той или иной науке.

КОНЦЕПЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Не зная прошлой истории народов, в особенности их этногенеза, невозможно понять и современную их историю. Как отмечалось выше, проблема происхождения тюркских народов до сих пор остается спорной.

О тюркских племенах и народах писали многие древние и средневековые авторы: Гекатей, Гесиод, Геродот, Страбон, Плиний, Помпоний Мела, Птолемей, Мовес Хоренаци, автор «Армянской географии» V в. Ананий Шираки, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин, Хордадбех, Абу-л-Фида/ Ибн Хаукаль и др. Однако одним из первых научных исследований по истории тюркских народов являются научные труды шведского офицера Ф. И. Табберт-Страленберга, служившего в 1713-1722 гг. в Сибири. Он был одним из создателей так называемой алтайской теории происхождения тюркских народов (Кляшторный, 1964, с. 5). Описывая легенды тюрков-аринцев (хакасское племя) об их борьбе со змеями с: человеческими головами и сравнивая ю

их с легендой о войне скифского племени невров со змеями, описанной Геродотом в IV книге его «Истории», Страленберг писал: «Не можем ли мы думать, что эти народы из числа потомков тех первых скифов, которые перешли из Азии в Европу, где они жили во времена Геродота» (Страленберг, 1888, с. 3-4).

В изучение истории и этнографии тюркских народов внесли свою лепту знаменитые ориенталисты и путешественники XVIII в. И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, Г. Ю. Клапрот, оставившие весьма ценные сведения о быте, религии, языке и нравах многих народов, в частности карачаевцев и балкарцев (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974). В 1829-1830 гг. Крым, Карачай и Балкарию посетил известный венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс (Беш), занимавшийся изучением этногенеза и древней истории венгров. Он считал, что карачаево-балкарцы и венгры происходят от одного общего предка. В своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829-1830 гг.», изданной в Париже на французском языке (переводами отдельных глав мы обязаны В. К. Гарданову), он писал: «Никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дигоры» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 333). Академик Э. И. Эйхвальд первым научно обосновал положение о том, что тюркские племена жили в Европе задолго до нашей эры. Он писал: «К скифам причисляемы были нередко и разные турецкие поколения... Есть бесчисленные доказательства тому, что под скифами могли разуместь и турецкие племена... Геродот упоминает Тюррагетов и Турков (кн. IV, 21)... Вверх по Днестру Геродот помещает Турков, живущих охотой... Тирас или Тюрас (Днестр) до сих пор у турков называется Тур... Во всех изданиях имя их пишется иурки-юрки вместо турки... Племя тюрков упомянуто Плинием и Помпонием Мелой, у Страбона — Тюррагеты... У Страбона встречается племя — ур-ги. Это не встречается ни у одного древнего автора и, следовательно, неправильно переписано переписчи-

•11

ком. Описка могла быть в написании слов тюрки и урки» (Библиотека для чтения, с. 56-

60, . 63, 75-78). На этих же позициях стоял другой российский академик А. Н. Аристов, который отмечал: «Весьма возможно, что часть скифов Геродота и других древних авторов принадлежала тюркскому племени, как полагают многие из новейших исследователей» (Аристов, 1896, с. 400).

Мнение Эйхвальда, Аристова и многих других авторов XIX в. о тюркском характере языка и культуры скифов разделяют и подкрепляют новыми фактами ряд последующих исследователей (Л. аппо-Данилевский, 1887, с. 361; Мищенко, 1884, с. 50 и след; Ямпольский, 1966, с. 62-64; 1970, с. 10, 13; 1971, с. 35-36; Мизиев, 1990, с. 55; 1991, с. 41-49). О том, что среди скифов были тюркоязычные племена, писал во второй половине XVI в, первый русский переводчик геродотовской «Истории» А. Лызлов (См.: Чистякова, 1961, с. 117 и след.).

Эта точка зрения базируется на том, что почти все древнегреческие и римские писатели — и среди них Гомер, Гекатей, Эсхил, Пиндар, Геродот, Гиппократ, Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Птолемей — в один голос называли скифов и сарматов «конееда-ми», «доителями кобылиц, пьющими кумыс», «из кумыса сыр едящими» и т. п. (Латышев, 1890, 1896, 1904, 1906). Это был своего рода этнокультурный паспорт выданный им древнегреческой и латинской (римской) традицией при первом же знакомстве с ними. Ясно, что потомкам древних индоевропейцев бросились в глаза совершенно чуждые им элементы культуры, Еще бы! Ведь ни один индоевропейский народ не сохранил ни единого из перечисленных элементов скифской культуры!

Однако многие историки царского времени, а по традиции и некоторые современные ученые, напуганные некогда борьбой официальных властей против так называемого «пантюркизма», или, возможно, боявшиеся всколыхнуть печальную память о гуннском, хазарском, • половецком, татаро-монгольском нашествиях, тенденциозно освещали и освещают историю тюркских народов, искусственно «омолаживая» их возраст, подыскивая им

12

своего рода «день рождения» лишь в эпохе хунну в Азии и гуннов в Европе. Вместе с тем подобного рода исследователи совершенно необоснованно считают чуть ли не главным этническим признаком тюрков монголоидность, тогда как лишь часть их приобрела монголоидные черты при общении с людьми желтой расы, а абсолютное большинство тюрков в древности и в настоящее время относились и относятся к белой европеоидной расе,

Большинство исследователей принижают уровень социально-экономического и культурного развития тюрков, отрицают их вклад в развитие мировой цивилизации. Нередко они показывают тюрков где создателями прогресса, а его* разрушителями. Всю культуру тюркоязычных племен Сибири, Алтая, Средней Азии и Казахстана сторонники этой точки зрения преподносят исключительно как культуру иранских племен. Даже в учебном пособии «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» (М., 1980) искажена история казахского народа и народов Средней Азии. В этом пособии автор, С. П. Поляков, излагает старые концепции об ираноязычности древних жителей Средней Азии и Казахстана. По его мнению, тюрки пришли туда с востока совсем недавно и отуречили местных ираноязычных жителей. Процессы ассимиляции происходили всегда, но не бывает так, чтобы малоразвитые народы, какими представляет С. П. Поляков тюрков, могли ассимилировать «высокоразвитых иранцев», если количественное соотношение было в пользу последних. Ведь известно, что многочисленное азербайджанское население в Иране, к примеру, до сих пор не отуречило иранцев, или же татары Поволжья не ассимилировали ни один из соседних народов и т. д. Остро критически относится С. П. Поляков к утверждению некоторых ученых о том, что саки, жившие в I тысячелетии до н. э. в Казахстане и Средней Азии, были тюрками. По его мнению, все племена, населявшие этот обширный регион в то далекое время, по языку принадлежали к индоевропейской семье языков, так как еще в VI в. до н. э. их объединяли общим именем «скифы».

Позволительно спросить: а где неоспоримые факты, доказывающие ираноязычность
13

скифов, кроме отдельных личных имен, по которым вряд ли можно судить о языке в целом? Да и к тому же многие имена взяты из надмогильных плит Ольвии и других греческих городов Северного Причерноморья, где захоронены купцы со всего света. Конечно же, среди них могли быть и лица с иранскими именами, но разве это является основанием для подобных категорических заявлений?

Господствующая, можно сказать, официальная, точка зрения на этногенез тюркских народов сводится к тому, что их предки в последние века до нашей эры (чаще всего называют III в.) обитали где-то на востоке, на территории, лежащей между Алтаем и Байкалом (История СССР, 1975, с. 18-19).

Ряд ученых не разделяют этого мнения, так как в указанном регионе нет истоков для формирования этнокультурного облика древних тюркских племен — ни в эпоху развитой бронзы, ни в эпоху неолита, когда повсеместно особенно интенсивно идут процессы этнообразования. Эта группа ученых считает прародиной тюркских племен Волго-Уральское междуречье с примыкающими сюда регионами. Алтай, Южная Сибирь и Прибайкалье, возможно, были их второй прародиной откуда они снова двигались в Европу и Западную Азию, где их и застают древние авторы»]

Вот что писал по этому поводу выдающийся венгерский тюрколог Юлиус Немет: «Как известно, древнейшие территории, где жили тюрки, обычно относятся к Центральной и Восточной Азии. В противоположность этому я высказал мнение о том, что, согласно языковым данным, древнейшие предположительные территории заселения тюрков следует искать в Западной Азии. Тюркские племена, видимо, не следует отрывать от уральских, и нет оснований относить первоначальные территории уральских племен к Средней Азии или Восточной Азии» (Немет, 1963, с. 127-128).

Эту концепцию академик Немет выдвинул еще в 1912—1914 гг. после детального изучения языка истории венгров, балкарцев, карачаевцев, кумыков, татар и ряда других народов, населявших Восточную Европу с древнейших времен (Немет, 1912).

14

Концепцию КХ Немета поддерживают: известный польский тюрколог А. Зайончковский, российские ученые — историк и лингвист З. М. Ямпольский и антрополог В. П. Алексеев, азербайджанский лингвист М. Ш. Ширалиев, казахский писатель и ученый О. О. Сулейменов, археолог Э. Б. Вадецкая, авторы этих строк и др. «Долгое время считалось, — пишут Ширалиев и С. Асадуллаев, что история тюркских языков начинается с орхон-енисейских памятников, так как они считаются самыми древними памятниками тюркских языков. А между тем известно, что до нашей эры и в начале нашей эры на территории от уральских гор до западной части Европы были расселены древние тюркские племена» (Ширалиев, Асадуллаев, 1970, с. 8). К тому же, нельзя забывать, что задолго до орхонских надписей, еще в I в. н. э., у гуннов была своя руническая письменность (Сарткожа улы Каржаубай, 1991, с. 440-441).

Отрадно отметить, что в последнее время наметилась тенденция отхода от старых квазинаучных стереотипов и подлинно научного подхода к изучению фактов и явлений, исторических, этнических, языковых, антропологических и иных процессов. Так, видные украинские скифологи В. И. Ильинская и В. А. Тереножкин, основываясь на новейших данных науки, заявили о том, что скифская культура звериного стиля своими корнями связана с тюркоязычными народами Сибири и Алтая, где не могло быть иранского населения (Ильинская, Тереножкин, 1983).

Важнейшую научную проблему о времени заселения древними тюрками территории Причерноморья, Передней Азии и Кавказа исследовал талантливый лингвист и историк З. И. Ямпольский, опубликовавший результаты своих исследований в 50-70-е годы в Ученых записках Азербайджанского государственного университета. Опираясь на труды Геродота, Помпония Мелы, Плиния Старшего и Страбона, он доказал, что тюрки жили в

названных регионах не позже V в. до н. э. а, может быть, и значительно раньше (Ямпольский, 1966, . 1970\$ 1971). Ученый подчеркивает: гюрки и «языки тюркского типа» существовали с эчень древних времен. При этом он опирается на

15

высказывание И. М. Сеченова, что так называемое двойное верхнее веко, типичное для большинства тюрков Азии, «имеется у всех человеческих существ в утробный период, и предполагал, что антропологический тип с таким веком вообще был первым» (Ямпольский, 1966, с. 62}. * Весомый вклад в изучение этногенеза азербайджанского народа и всех западных тюрков внесли азербай* джанские ученые С. С, Алиев (1984), Г. А. Гейбуллаев (1986, 1951), Ю, Р. Джафаров (1985) и др., научно доказавшее, что в Западной Азии и Восточной Европе тюрки жили задолго до нашей эры и принимали активное участие в развитии этих регионов.

Большим подспорьем в изучении этногенеза народов, в том числе тюркских, стал капитальный труд члена-корреспондента Российской Академии Наук выдающегося этнографа С. А. Арутюнова «Народы и культуры: развитие и взаимодействие» (М., 1989), в котором автор рассмотрел на конкретных примерах жизни различных древних и современных народов общие закономерности, по которым происходит складывание и развитие этнических особенностей культуры, самосознания, языка. Можно надеяться, что по мере освобождения науки от влияния идеологии старые догматические представления постепенно уйдут в небытие и научная истина восторжествует.

ВОЛГО-УРАЛЬЕ — РОДИНА ПРОТОТЮРКОВ

В период первобытно-общинного строя племена и группы родственных племен являлись основной формой существования этнических общностей. С началом разложения первобытного общества и появлением «военной демократии» возникают племенные союзы крупного масштаба, нередко сопряженные с миграциями на значительные расстояния, с завоеваниями, с подчинением других племен и с их последующей ассимиляцией. (формированием классовых обществ и государств формируются и устойчивые этносы, * получившие в литературе наименование народностей. Быстрый этногенетический процесс начался при неолите (VIII—III тыс. до н. э.). Тогда же человечества

начало переход от присваивающего к производящему хозяйству. В бронзовом веке, особенно начиная с IV тыс. до конца II тыс. до н. э., в Европе и Азии сложилось большинство крупных языковых семей: бантоидной, индоевропейской, семитохамитской, тюркской, китайско-тибетской, Распространение языков • этих семей происходило первоначально на сравнительно небольших территориях, занимаемых компактными соплеменностями. На их базе сформировался и вырос ряд мощных племенных союзов, обладавших военным потенциалом, комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой и в связи с высокой ролью скотоводства — большой подвижностью (Арутюнов, 1989, с. 75).

По мнению С. А. Арутюнова, «расселение древних арабов и евреев, германцев, кельтов, славян, иранцев и индоарийцев, тибето-бирманцев и тюрков происходило именно в форме экспансии и ассимиляторской активности мощных племенных союзов» (Там же)*

В настоящее время большинство тюркологов склонно считать прародиной тюрков Алтай, Южную Сибирь и Прибайкалье. Мы же склонны считать их первоначальной родиной Волго-Уральский регион, откуда тюркские племена в IV-III тыс. до н. э. расселились во многие регионы Азии и Европы.

Волго-Уральский регион, особенно его степная и лесостепная зоны, имел благоприятные природные условия для быстрого развития населявших его этносов, Здесь имелись и

отличные пастбища для скота, и леса, богатые дичью и зверем, реки и озера, изобилующие рыбой, залежи полезных ископаемых. Именно Урал наравне с Алтаем» Южной Сибирью и Кавказом (Прикубанский очаг металлургии в верховьях Кубани в Карачае), стал одним из первых центров металлургии, и это имело важнейшее значение для ускоренного хозяйственного развития Урала и смежных с ним районов. Этот регион был одним из тех, где люди, начиная с XIII тыс. до н. э., впервые стали одомашнивать диких животных. Особенно важное значение имело одомашнивание дикой лошади в I тыс. до н. э. в степной и лесостепной зоне Урала, Поволжья, Северного Прикаспия, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, а также в степях Казахстана и Туркменистана. Ученые установили, что именно отсюда распространилась она на другие районы мира. В самом передовом земледельческом регионе мира — Передней Азии — лошадь появилась только около середины II тыс. до н. э. (Потому-то в индоевропейских языках нет единого корня для названия лошади). Верхом или на колесницах, запряженных лошадьми, можно было быстро проехать большие расстояния, что было особенно важно для животноводов-кочевников и воинов, каковыми являлись древние турки (Материальная культура, 1989, с. 33-35, 160-161).

Ускоренному развитию Волго-Уралья способствовал и такой немаловажный географический фактор: регион расположен на стыке Европы и Азии, и через него в течение тысячелетий проходили с запада на восток, с севера на юг и в других направлениях многочисленные племена. Здесь смешивались различные этносы, которые были далекими предками тюркских, финно-угорских и других народов. Еще при мезолите и неолите рассматриваемый регион был густо заселен. В нем складывалась культурная мозаика, переплетались различные традиции, и регион являлся контактной зоной различных культурных течений. По мнению археологов, сюда проникало население из Черноморья, Приднепровья, с Северного Кавказа, из Прикаспия, Приаралья, Казахстана и Западной Сибири. Немаловажное значение имели и обратные миграции племен из этого региона (Членова, 1981, с. 23-24). Судя по небольшим размерам поселений, люди жили подвижной, кочевнической жизнью. Они обитали в пещерах, шалашах, небольших утепленных землянках и полуземлянках, * иногда напоминавших позднейшие юрты (Мезолит, 1989, с. 91-92).

Границы южноуральской мезолитической (янгельской) культуры смыкались на юге с областями распространения родственных культур на территории нынешнего Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, а на востоке — в Западной Сибири — ее граница проходила по реке Тобол (Там же, с. 144, 146-147). По мнению археолога Г. Н. Матюшина, в эпоху 18

мезолита по обе стороны Уральской хребта развивались две группы населения, по-видимому, разного происхождения, которые прошли длительный путь развития на протяжении нескольких тысячелетий (Матюшин, 1989, с. 144, 146-147).

Археолог Г. Ф. Коробова в своей обобщающей статье «Мезолит Средней Азии и Казахстана» пришла к выводу, что мезолитические культуры Восточной Европы, Западной Сибири и Средней Азии почти идентичны, только имеют разные варианты. По ее убеждению, ошибаются те ученые, которые утверждают, что эта высокая культура пришла в названные регионы из Передней Азии, в частности из Северного Ирана и Северного Афганистана, хотя сходство между нею и культурами Среднего Востока имеются. «Но в целом,— пишет она,— индустрия Восточного Прикаспия, обладая целым рядом особенностей, представляет собой самобытное явление» (Коробова, 1989, с. 152). Г. Ф. Коробова полагает, что прикаспийская культура «генетически восходит к местному верхнепалеолитическому пласту». Она справедливо считает, что племена — носители прикаспийской мезолитической культуры — имели известные культурные контакты с племенами Передней Азии, и именно этим объясняется наблюдаемое в отдельных чертах сходство между культурами племен Восточного Прикаспия и Передней Азии в эпоху мезолита, в XI-III тыс. до н. э. (Там же,

с. 152-154).

Подобная мезолитическая культура в указанный период существовала и на территории Узбекистана (Ус-тыртская культура). Археолог Е. Б. Бижанов, открывший ее, считает^ что* эта культура местного происхождения, сформировавшаяся под воздействием мезолитических культур Прикаспия и Южного Урала (Бижанов, 1982, с. 33).

В мезолитическую эпоху и позднее исключительно велика была роль Кавказа как места, соединявшего Европу с Передней Азией. Социально-экономические преобразования в степной и лесостепной части этого важного региона происходили одновременно с преобразованиями в> предкавказских регионах и нередко отражались здесь на процессе этнообразований.

Перемещения древних земледельцев-индоевропейцев в конце IV тыс. до н. э. совпадают с миграцией по евразийским степям древнейших кочевых скотоводов-«древнеямников», которые, по нашему мнению, являлись далекими предками тюркских народов, хотя этническую принадлежность носителей местных неолитических и энеолитических культур Поволжья и Урала установить нелегко. Некоторые ученые считают их далекими предками современных финно-угорских народов (Вадер, 1972; Халиков, 1969, с. 370-387). Признавая совместное проживание в течение нескольких тысячелетий в Волго-Уралье далеких предков финно-угров и тюрков, мы в то же время считаем, что в лесостепной и особенно степной зоне этого региона превалирующим населением являлись прото-тюрки. Ставить вопрос в таком ракурсе нам позволяет тот неоспоримый факт, что комплекс этнокультурных элементов волго-уральских «древнеямников» почти без изменений сохранялся в быту и культуре всех тюркоязычных народов Евразии вплоть до XVI-XVIII вв.

Среди этих специфических черт отметим следующие:

- 1) курганная насыпь;
- 2) захоронения в срубах, деревянных колодах, на повозках;
- 3) войлочная или камышовая подстилка в могиле;
- 4) сопровождение усопшего жертвенными конями или овцами;
- 5) подвижный скотоводческий быт;
- 6) употребление в пищу конины и кумыса;
- 7) войлочные временные жилища — стоянки. Анализ отмеченных этнокультурных черт позволяет ч

окинуть широким взглядом историю и культуру евразийских племен и народов.

Историко-археологические исследования показали, что в конце IV-начале III тыс до н. э. основные территории скотоводческих племен значительно расширились вслед за увеличением количества их стад и значительным расширением пастбищ для скота. На огромной территории от Эмбы на востоке до Днестра на западе сложилась культурно-историческая область, пол-

22

учившая название древнеямной. Обширная степная полоса, занятая этой областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами — Европой, Передней Азией и Средней Азией. С этих пор степные пространства из фактора, разделявшего племена, превратились в фактор, объединяющий их. Эти пространства способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, облегчали процесс смешения и ассимиляции древних племен, а также давали возможность быстрого распространения экономических и культурных достижений как самих скотоводческих племен, так и населения других областей, с которыми соприкасались древние кочевые племена. Именно поэтому сложение первой и древнейшей культурно-исторической области знаменовало собой первую ступень широкого освоения степных пространств, распространения в них производящих форм экономики, т. е. разведение скота и выработки подвижных, кочевых форм ведения хозяйства.

На такой огромной территории культура древнейших кочевников не могла оставаться единообразной и видоизменялась в соответствии с миграцией или диффузией из древнейшего, очага зарождения (Волго-Уральского междуречья), обогащаясь достижениями культуры и экономики иных племенных групп, с которыми кочевники вступали в контакт. В силу этих причин древняя культура в период наивысшего расцвета распадалась на девять локальных вариантов, имеющих свои общие и специфические особенности. Исследования показали, что это были Волго-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северо-Донецкий, Приазовский, Крымский, Нижнеднепровский, Северо-западный и Юго-западный варианты, которые, имея отдельные отличительные черты, объединялись единообразием погребального обряда и общностью керамики. Очень важно, что названные локальные варианты древнейшей кочевнической культуры IV-III тыс. до н. э. почти буквально совпадают с такими же вариантами культуры средневековых кочевников,

23

Древняя культура

Волжско-Уральский

Предкавказский

Приазовский

Крымский

Донской

Северо-Донецкий

Северо-Западный

Хазарская культура

Средневолжский

Дагестанский

Приазовский

Крымский

Пижмекдонской

Верхнедонской

Дунайский

Половецкая культура

Поволжский

Предкавказский

Приазовский

Крымский

Нижнедонской

Донецкий

Приднепровский

Эта схема свидетельствует о том, что степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI-XII вв. н. э. занимали племена с примерно одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту. В связи с этим выводом уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами, с древнеямских до половецких и татарских — во времени, от монгольских на востоке до гшннских на западе и южнубийских на юге — в пространстве» (Мерперт, 1974? с. 84).

Основываясь на общей характеристике этой культуры, попытаемся проследить различные

этапы и пути миграции ее, а также выяснить, в каких позднейших культурах продолжала бытовать ее основная этнокультурная сущность и как далеко ее компоненты проникали в соседние общности древних племен. Но при этом надо иметь в виду, что, когда речь заходит о перемещениях древних племен, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельные элементы, вырванные из общего комплекса культуры, а возможно полный набор этнокультурных признаков. Да и в этом случае необходимо выяснять, было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее зарождения связано с миграцией этой культуры или же это результат контактов с соседями.

24

Конечно, передача предметов быта, как и распространение идей, служит в определенной степени указанием на миграцию людей. Но поскольку наличие археологических предметов, взятых в отдельности, делает сомнительным решение этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если движение вещей в эпоху неолита и бронзы не сопровождается «движением» керамики, которую за редчайшим исключением вряд ли могли экспортировать в древности из-за хрупкости, то говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований. Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилеровке и орнаментации сосудов, все же крайне рискованно видеть за этим сходством этнические перемещения, так как детали эти нередко могут оказаться результатом культурных связей и заимствование технологических навыков соседей. Поэтому делать выводы о генетических связях населения только на основании сходства керамики нецелесообразно. Между тем, когда подвижный археологический инвентарь — у крашения, оружие и прочие предметы, чаще всего являющиеся предметами обмена, сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается сходством погребального обряда — самого стойкого этнического признака, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно. Именно последний случай и наблюдается в процессе миграции носителей древнеямной (курганной) культуры (Мизиев, 1990, с. 18).

Древнейшие кочевые племена Волго-Уралья были европеоидами, но среди них встречались и типы с незначительными монголоидными, вернее, лапаноидными, чертами (Герасимов, 1955). Носители древнеямной культуры, то есть древнейшие кочевники-овцеводы, в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. веерообразно распространялись из Волго-Уральского очага на север в среду угро-финских племен. Они вступали здесь в тесный контакт с коренным населением, чем мы склонны объяснять массу тюркизмов в языке финно-угров и наоборот.

Из отмеченного очага древние курганники распространялись на запад и смешивались здесь с племенами древней позднетрипольской культуры. Этим объясняется

25

проникновение тюркизмов и элементов тюркской культуры в среду праславянских племен северо-причерноморских степей.

Ушедшие на юго-запад древнейшие кочевники вступали в тесный контакт с племенами древнего Предкавказья. Отсюда они проникали на территорию будущих Азербайджана, Грузии, Армении, в Переднюю и Малую Азию, где вступали в контакт с древнейшими оседлыми племенами земледельцев. Некоторые из них стали заниматься также земледелием, оседали на земле. Наравне с кочевым появилось и отгонное животноводство.

При миграции на восток древнеямники смешивались с племенами желтой расы, многие из них постепенно приобретали монголоидные черты. Там, в степях Саяно-Алтайского нагорья, Средней Азии и Казахстана, они стали одним из основных компонентов сформировавшихся тюркских народов: казахов, кыргызов, хакасов, алтайцев, тувинцев, уйгур, якутов, узбеков, туркмен и др.

Через юг Туркменистана и Приаральские степи древнейшие кочевники проникали в

Северный Иран и Афганистан, где таЮке сталкивались с древнейшими земледельческими племенами.

Древнеямники, расселившиеся в западном и юго-западном направлениях, сохранили свой европеоидный облик и явились основными слагаемыми в процессе этногенеза древних кавказских булгар, карачаевцев, балкарцев, кумыков, азербайджанцев, турок-османов и др.

Безусловно, на древней прародине оставалась значительная часть древнеямников. Они послужили основой формирования поволжских тюркоязычных народов: татар, башкир, чувашей.

Мы полагаем, что, столкнувшись с встречным движением восточных племен на запад, древнейшие пра-тюркские племена, проникшие в Среднюю Азию, Алтайское нагорье, Саяны, Прибайкалье с запада, вынуждены были потом двигаться в обратном направлении в восточно-европейские степи. Видимо, тяга к древнейшей прародине и историческая память заставили древних булгар и хазар неоднократно возвращаться

26

в степи Поволжья и Приуралья. Наши исследования приводят к выводу о том, что Алтай, Южная Сибирь, Прибайкалье были вторичной прародиной древних тюркских племен, откуда они волна за волной рвались в Европу с первых веков нашей эры.

Следы влияния культуры древнеямников Волго-Уралья на культуру племен соседних регионов выявили исследования М. П. Грязнова, О. А. Кривцовой-Граковой, С. В. Киселева, Н. Я. Мерперта, А. Х. Халикова, Н. Л. Членовой, К. А. Акишева, И. И. Артеменко и других археологов. Так, по мнению Н. Л. Членовой, активные связи археологических культур, первоначальной родиной которых был Волго-Уральский регион, функционировали на огромной территории на протяжении многих тысячелетий. Она пишет, что керамика с чрезмерно вытянутыми заштрихованными треугольниками найдена в Прибайкалье, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Северном Афганистане, на Украине и в Болгарии. Общая протяженность этой культуры от Енисея до Болгарии более трех тысяч километров (Члеиова, 1972, с. 120-126; 1981, с. 22-26).

Выводы Н. Л. Членовой подтверждает В. И. Мо-лодин, опираясь на результаты своих исследований в Барабинской степи (Западная Сибирь). По его словам, погребальный обряд барабинцев полностью совпадает с обрядом ямников. Автор вскрывает уникальную преемственность барабинской культуры с . ямной культурой Волго-Уралья. По его убеждению, носители ямной культуры пришли на Барабу с севера и северо-запада в конце неолита (Молодин, 1985, с. 75-77, 171).

Ретроспективное изучение историко-этнографических и этнокультурных особенностей тюркских народов — курганный обряд, погребения в срубах и деревянных колодах, устилание дна могилы травой, камышом, войлоком, сопровождение усопших жертвенными конями, употребление в пищу кумыса и конины, подвижный овцеводческий характер жизни, проживание в войлочных шатрах — приводит к выводу о том, что генетически эти элементы восходят к древнеямным, андроновским, срубным и скифским племенам. Иными словами, есть все основания считать древнеямную, или

27

курганную, культуру праясновой формирования этнокультурных особенностей древнейших пратюркских племен евразийских степей.

Древнейшая история прототюркских или протоалтай-ских племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Все это позволяет пересмотреть вопрос о древнейшей прародине тюркских племен в пользу Волго-Уральского региона. Именно там в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы, тогда как на Алтае археологи не обнаруживают древних истоков этнокультурных особенностей тюркских народов ни в эпоху бронзы, ни в эпоху неолита.

Но, видимо, нельзя отрицать наличия каких-то древнейших пратюркских этносов в Центральной Азии до прихода туда основной массы пратюрок из Волго-Уралья. Это согласуется с утверждением В. "П. Алексеева о том, что в степях по Енисею и западных районах Монголии изначально проживало и население европеоидного облика (Алексеев, 1989, с. 353).

Если верны выводы языковедов о том, что тюркские языки обособились в IV тысячелетий до н. э., наша точка зрения получает и в прямом и переносном смысле материальное подтверждение в виде археологического материала древнеямной, афанасьевской культур, представляющих ямно-афанасьевскую общность, которая явилась прародителем культуры древних тюркских племен (Мизиев, 1990, с. 42).

Историко-культурная преемственность включает и преемственность духовную. Если во многих случаях люди под влиянием различных факторов не могут сохранить языковую и антропологическую преемственность, то религиозные представления людей сохраняются в течение длительного времени. Так, древний обряд похорон у тюрков, связанный с их миропониманием, сохранялся в течение многих столетий. Древняя могила является собой не что иное, *как. модель мира: подземная ее часть символизирует нижний мир (подземный мир), надземная — верхний мир. Кроме, того, существовал и небесный мир, где, по древним веро-

28

ваниям, обитали божества. Ориентировка покойника головой на восток, запад, юг, север также имела прямую связь с мировоззрением людей (север и запад связывали с закатом солнца, а юг и восток — с его восходом). Идея совмещения в человеке двух противоположных начал — темного и светлого — лежала в основе всего первобытного мировоззрения людей (Эпоха бронзы, 1987, с. 430).

Все первобытные люди поклонялись прежде всего солнцу, луне, звездам.. Все это находило отражение в их практической деятельности.

С появлением религий, признающих единого бога (христианства, ислама и др.), мировоззрение постепенно трансформировалось. Поскольку мировоззренческие установки и ценностные ориентации народов складывались на протяжении всего развития этносов, элементы старых взглядов, а в ряде случаев и отдельные аспекты архаической системы представлений сохраняются в разных областях общественного быта и фольклора. Эти вопросы освещены в ряде специальных работ, к которым и отсылаем читателя (Раевский, 1977; Джуртубаев, 1991; Серебрякова, 1992 и др.).

Ямно-афанасьевцы и их наследники в Южной Сибири
Ямная культура и ее наследники в Причерноморье
Древнейшие пратюрки и Кавказ
Шумеры — древнейшая часть пратюрок

ЯМНО-АФАНАСЬЕВЦЫ И ИХ НАСЛЕДНИКИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В III тысячелетии до н. э. Южная Сибирь была заселена пришедшими с запада племенами, генетически связанными с древнеямниками. В «Истории народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней» (М., 1986) сказано: «В Южной Сибири в эпоху бронзы распространяется афанасьевская культура, в III тысячелетии до н. э. в Горном Алтае возникает южносибирский очаг обработки металлов, афанасьевцы ведут комплексное скотоводческо-земле-дельческое хозяйство. В 1600-1400 гг. до н. э. афанасьевская культура сменяется андроновской, распространенной от Хакасско-Минусинской котловины до р. Урал. Андроновцы — скотоводы^ они пользуются боевыми колесницами, используют четырехколесные телеги» (с. 10).

До проникновения афанасьевцев неолитические племена Сибири почти не знали скотоводства, у пришлых же афанасьевцев с самого начала существовали очень развитые формы этого вида хозяйствования. В силу этой и других причин еще в 1941 г. академик А. П. Окладников определил, что «афанасьевская культура чужда всему, что характеризует сибирский неолит» (Окладников, 1941, с. 9-14).

Археолог Э. Б. Вадецкая подчеркивает «принадлежность афанасьевцев к европеоидной расе, в то время как население соседних областей было монголоидным или смешанным; отсутствие связей афанасьевской культуры с местной неолитической; значительное сходство сибирской культуры с расположенной далеко на западе ямной и, наконец, единообразие афанасьевских могильников. Культурно-историческое единство ямных и афанасьевских племен проявляется в их материальной и духовной общности (погребальный обряд), экономике (скотоводческое производящее хозяйство), в близких формах керамики, в принадлежности к одному антропологическому типу» (Вадецкая, 1986, с. 22). Место сложения афанасьевской культуры «могло быть где-то к западу от Алтая, а исходной территорией могла быть восточная граница ямной культуры. Племена ямной культуры продвигались из междуречья Волги и Урала на запад вплоть до Балканского полуострова. Но, став подвижными скотоводами, они продвигались, очевидно, не только далеко на запад, но и на восток, по степям, им привычным» (Там же). Ямно-афанасьевская этнокультурная общность до прихода на Енисей некоторое время находилась на территории нынешнего Казахстана, Западной Сибири, а затем — на Алтае, причем не только в степях, но и в горах. Захоронения, аналогичные ямным, археологи нашли и в районах Караганды, на реке Тобол, в Верхней Алабуге и Убагане (Евдокимов, 1983, с. 436Б).

Ныне большинство ученых не отрицает того факта, что афанасьевская культура, как и ямная, формировалась в Поволжье и Приуралье. Некоторые авторы заметно расширяют эту территорию, включая в нее Западную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, При-

уралье. Восточный и Северный Прикаспий и Северное Причерноморье, а также Приднепровье. Знаток истории Сибири С. В. Киселев указал на наличие культурных связей афанасьевцев с ямными племенами Причерноморья и Средней Азии (Киселев, 1949, с. 364).

Академик В. П. Алексеев после изучения большого палеоантропологического материала из памятников афанасьевской, андроновской и сходных с ними культур пришел к выводу о том, что «эти культуры формировались в западных и центральных районах Казахстана и в Южном Приуралье» (Алексеев, 1986, с. 197).

Афанасьевская культура просуществовала в Южной Сибири с III тысячелетия до XVII в. до н. э. Ее сменила андроновская культура, генетически связанная с ямной (XVII-XI вв. до н. э.). Последняя была сменена карасукской (XI-III вв. до н. э.), а та — татарской (VIII-I вв. до н. э.), тагарская же культура — таштыкской (I в. до н. э. — V в. н. э.) (Вадецкая, 1986, с. 168).

Почти все специалисты отмечают высокий уровень названных культур, генетически восходящих к древнеямной, их большой вклад в мировую цивилизацию. Носители этих культур на протяжении трех с половиной тысяч лет имели хорошо развитое для того времени полнокровное скотоводческое хозяйство, в котором основную роль играло овцеводство. Значительным подспорьем в их экономике были рыболовство, охота и другие промыслы. Эти племена употребляли в пищу мясомолочные продукты, занимались обработкой кожи, шерсти, мехов. Основными орудиями были топоры, кинжалы, ножи, лук со стрелами, иглы, шилья, скребки и т. п. В качестве украшений они использовали зубы и клыки лисицы, медведя, сурка, астрагалы и фаланги козули, лося и т. д.

По данным профессора Л. Р. Кызласова, уже в афанасьевский период племена Южной Сибири широко применяли не только каменные, но и металлические

орудия труда и оружие. Именно тогда Алтай становится одним из мировых центров металлургии. Тогда же в общественной жизни южносибирских племен утверждаются нормы патриархата (Кызласов, 1986, с. 291-292).

Племена Южной Сибири и прилегающих районов в андроновское время, как и прежде, предпочитали шерстяную одежду, вязаные и кожаные шапки, обувь из меха и кожи. Узоров на одежде стало больше. Куртки и штаны делались из овчины и меха, появились собольи шубы и шапки (когда гунны появились в Европе в собольих шубах и шапках, европейцы решили, что они сшиты из шкур крыс и мышей. — , Авт.). В то же время появились золотые и серебряные украшения, а также лощеная посуда. В андроновский период мужчины и женщины носили косы, причем мужчины, как правило, оставляли косу на макушке, а остальные волосы на голове сбрасывали. Женщины укладывали косы на затылке (Там же, с. 131-137).

В искусстве потомков ямно-афанасьевцев и андроновцев, вплоть до их позднейших потомков — скифов — господствовал зйериный стиль. Они создавали великолепные золотые и серебряные украшения. У носителей карасукской, а особенно тагарской и таштыкской культур ювелирное искусство достигло очень высокого уровня. В таштыкский период почти все могилы были срубными. Поверхность могил таштыкцы обкладывали овальными или квадратными каменно-земляными настилами. У тагарцев все чаще встречаются захоронения с ориентировкой покойника головой на восток, трупосожжение (как у гуннов), каменные изваяния (балбалы) над могилами. В течение всего рассматриваемого периода, т. е. с III тыс. до н. э. по V в. н. э., погребальный обряд у афанасьевцев и их потомков усвершенствовался, но не менялся кардинально. Это дает веское основание считать весь названный ряд древних племен одной историко-этнической общностью, генетическое родство в которой прослеживается от ямно-афанасьевцев до скифов, сарматов и гуннов.

32

В связи с изложенным, укажем на весьма интересное наблюдение Э. Б. Вадецкой, которая подметила существование ряда очень сходных черт, даже идентичность многих элементов у таштыкской и забайкальской гуннской культур, особенно в обряде захоронения. В обеих культурах на дне могильных ям имелись срубы и гробы в срубах. На поверхности земли могилы обозначались невысокими надмогильными сооружениями. «Наиболее похожи таштыкские могилы на те хуннские, — пишет исследователь, — которые имеют низкий сруб, крытый горбылями... Умершего сопровождали астрагалы и ритуальная пища — определенные части туши овцы, поверх сруба клали голову жертвенного животного и его шкуру (Вадецкая, 1986, с. 143). Значительное сходство отмечает она и в материальной культуре таштыкцев и гуннов: «Специфические таштыкские изделия типа булавок, застёжек, амулетов, нашивок, пряжек и серег находят свои прототипы у хуннов Забайкалья» (Там же).

Говоря о сходстве культур сарматов и гуннов, Э. Б. Вадецкая выделила особый, сарматско-гуннский период истории Южной Сибири. Она весьма существенно подкрепила гипотезу о том, что ямная культура, постепенно перешедшая в афанасьевскую, андроновскую и срубную, очень сходна в основных чертах с гуннской и таштыкской (с. 167). А поскольку таштыкцы — потомки афанасьевцев, стало быть, таковыми являются и гунны.

Е. А. Окладникова, исследовавшая граффиты (наскальные рисунки) Кара-Оюка (Восточный Алтай), отождествляет материальную и духовную культуру сарматов и гуннов и связывает ее со скифской. Говоря о гунно-сарматском периоде в истории Алтая, она пишет, что петроглифы того периода, изображавшие различные сцены охоты, одежду и вооружение охотников, сближают рисунки Кара-Оюка с «рисунками людей скифской эпохи». Трактровка в этих рисунках форм тел животных (развернутые в фас, утолщенные в верхней части ноги с узкими щиколотками и точеными копытами)

«получила особенно широкое распространение в искусстве раннего средневековья: например, именно так изображены ноги

3 Заказ №1487 33

лошадей курыканских писаниц Лены, оставленных потомками хунну; гривы, подстриженные тремя зубцами, — прием, известный во второй половине I тысячелетия до н. э. и существовавший в среде кочевников юга Сибири, в Прибайкалье, у сарматов Причерноморья, на Кавказе, в Центральной Азии вплоть до III в. н. э.» (Окладникова, ~1988, с. 148).

Изображенные на скаде «короткий меч (акинак) и кинжал входили в число атрибутов воинов I в. до н. э. — I в. н. э. гунно-сарматского круга. В убранстве лошадей выделяются седла с высокими луками (большие, деревянные?) без стремян» (Там же, с. 149).

В искусстве афанасьевцев, андроновцев и носителей последующих родственных культур, вплоть до скифо-сармато-гуннской и аланской, господствовал звериный стиль. В карасукский, тагарский и таштыкский периоды это искусство, как уже отмечалось, достигло очень высокого уровня, о чем говорят найденные в могильниках предметы, рисунки на скалах и каменных изваяниях.

О родстве афанасьевской и последующих культур, вплоть до таштыкской, свидетельствуют и антропологические исследования. Двинувшиеся с территории Восточной Европы и Западного Казахстана в степи Южной Сибири афанасьевцы имели массивные черепа удлиненной формы с умеренно широким и низким лицевым скелетом, с низкими орбитами и довольно узким грушевидным отверстием. Они были высокого роста, обладали крепким сложением. Рядом с ними на севере, около нынешнего Красноярска, жили монголоиды, но особых контактов между ними не было, хотя отдельные афанасьевцы, продвигнувшиеся в тайгу, смешивались с местными жителями; позже у части афанасьевцев появились незначительные монголоидные черты (Алексеев, 1989, с. 353-354).

По мнению В. П. Алексеева, «столь широкое распространение европеоидов на восток в эпоху энеолита дает возможность предполагать, что и в более ранние эпохи население даже восточных степей Евразии относилось к европеоидной расе и образовывало самостоятельный очаг расообразования в пределах европеоидного ареала. Население европеоидного облика

34

в этом случае можно считать для степей по Енисею и западных районов Монголии изначальным» (Там же).

Для нашей темы очень важны выводы выдающегося антрополога: f

«1. В восточных районах степной полосы Евразии мог существовать еще в доафанасьевское время самостоятельный очаг расообразования, входивший в ареал формирования европеоидной расы.

2. Характерный для афанасьевского населения комплекс признаков повторяется у населения ямной культуры.

3. Биологические истоки происхождения населения этих двух культур могут восходить к одному генетическому типу» (Там же, с. 354).

«Таким образом, — утверждает В. П. Алексеев, — европеоидное население могло жить в Восточной Азии еще до прихода афанасьевцев, но это население, а также афанасьевцы и другие европеоиды, имели такие же антропологические признаки, как и те, которые синхронно с афанасьевцами жили на территории современной Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной Сибири и т. д.* (Там же).

Все изложенное дает основание заключить, что на территории, где в древние времена жили афанасьевцы, андроновцы, карасукцы, тагарцы и таштыкцы — европеоидные племена, ныне живут турки — хакасы. Они являются потомками этих племен и считаются монголоидами, но с европеоидными чертами. Раньше там проживали и

енисейские кыргызы, родственные хакасам. Их соседи алтайцы, казахи, кыргызы, узбеки, туркмены и другие тюркские народы также являются потомками перечисленных выше древних европеоидных племен (Там же, с. 396-399).

ЯМНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Археологические исследования давно доказали, что в эпоху мезолита отдельные слагаемые будущей ямной культуры Волго-Уралья были распространены по Северному Прикаспию, а оттуда — по Кавказу и Северному Причерноморью, Украине, вплоть до Балкан и Венгрии (Морпорт, 1077. с 68-80).

у 35

Определить хронологию памятников на северном и Северо-Западном Прикаспии трудно, так как этот район при подъеме уровня воды в Каспийском море, часто затоплялся и люди то заселяли Прикаспийскую -низменность, то уходили оттуда. Тем не менее мезолитические памятники этого региона указывают на его связь с соседними районами Волго-Уралья, Причерноморья и Кавказа. Эта связь не только не ослабляется, но даже усиливается в эпоху древнеямной культуры, носителями которой были древнейшие кочевники-овцеводы евразийских степей. ~

Особенно расширяются контакты с синхронными культурами юга Украины. Диффузия древнеямной культуры в этом направлении представляет огромный интерес. В период расцвета северопричерноморского земледельческого очага — на среднем этапе трипольской культуры (в середине IV тыс. до н. э.) — непосредственно к востоку от ее ареала сложилась среднестоговская энеолитическая культура. Эту культуру еще не именуют степной, так как основная часть ее памятников находится в лесостепи Поднепровья и Левобережья .Украины, на границе между лесостепью и степью. На западе памятники этой культуры локализируются в Поднепровье (между Никоподем и Черкассами) и в Днепре-Донецком междуречье, в бассейне Оскола и Северного Донца. На востоке ее памятники доходят до низовьев Дона (Телегин, 1966; Бибииков, 1963).

Третий вариант этой культуры — нижнедонской, , или константиновский,— представляет особый интерес, | ибо именно здесь впервые появляются курганные насыпи в могильниках Яма и Койсуг, явно иллюстрирующие нарождающуюся степную традицию на восточных окраинах среднестоговой культурной области. Именно здесь очень слабо прослеживаются земледельческие навыки населения, зато преобладают скотоводческие черты уклада — прежде всего разведение овец и лошадей (Цалкин, 1970, с. 247). «Таким образом,— пишет Н. Я. Мерперт,— не случайно доминант овцеводства отмечен в восточной части ареала среднестоговской культуры, т. е. там же, где зафиксировано и появление курганов, что также связано с распростра-

36

нением собственно степной традиции... Трипольская культура и ее импорты на поселениях среднестогов-ской культуры сочетаются с появлением степной керамики» (Мерперт, 1974, с. 141).

Когда речь заходит о древнеямно-среднестоговском культурном синкретизме, очень важно учесть, что именно - коневодство было основой хозяйства племен культуры Средний Стог-П и что у них впервые в истории животноводства мы встречаем племена коневодов. Но в то же время крайне важно иметь в виду и тот факт, что северопричерноморский очаг — раннее и среднее триполье — в первоначальном процессе формирования культуры степных скотоводческих племен «должен быть сразу отсечен» (Энеолит СССР, с. 326).

Взаимодействие раннеземледельческих культур со степными энеолитическими

традициями, безусловно, отражает этнокультурные изменения при переходе к раннему бронзовому веку. Среднестоговская культура, лесостепная в своей основе, в восточных районах своего ареала знаменует начало этого этнокультурного процесса на Днепро-Донецком участке степной полосы. Сыграв в нем роль местного субстрата в первой половине III тысячелетия до н. э., она вошла затем в качестве компонента в состав степной древнеямной культурно-исторической общности (Артеменко, 1963, с. 38-48).

Древнеямная культурно-историческая общность, как известно, является хронологически первой⁴ из гигантских общностей, характерных для древнейшей истории степной полосы. Именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих форм скотоводства, главным образом подвижного овцеводства. История ее предстает как длительный и сложный, многообразный процесс развития и взаимодействия ряда племенных групп.

В восточных пределах ареала среднестоговской культуры появляются черты, характерные для древне-ямных племен, продвинувшихся на запад от районов зарождения своей специфической культуры. Здесь происходит вклинивание среднестоговской культуры в соб-

37

ственно степные районы. В стадах доминируют овцы, здесь же впервые фиксируются курганные насыпи на; могилами, не свойственные среднестоговской культуре. Широкое освоение степи и массовое распространение курганного обряда начались в междуречье Урала, Волги и Дона одновременно с формированием среднестоговской культуры в смежном с запада Днепро-Донском районе в период, когда еще были живы традиции раннеземледельческих культур типа Мариупольских могильников в Приазовье, имевших, кстати, много общего с известным Нальчикским могильником, где 12% погребений были древнеямными.

В XXVI-XXIV вв. до н. э. основные черты погребального обряда среднестоговской культуры из бассейна Северского Донца и Оскола продвигаются далее на северо-запад и фиксируются на Среднем Днепре. Здесь в 14 пунктах впервые обнаружены курганы, относящиеся к раннему этапу среднеднепровской культуры. На этом этапе названная культура представлена только курганами и известна лишь по курганным захоронениям. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 1,8—2,2 м, шириной до 1,5 м перекрывались деревом. На дне ям имеются следы деревянных настилов, остатки подстилки из камыша, бересты, органических остатков. В могилах обнаруживается красная охра. Погребальный инвентарь крайне беден, керамика изготовлена из грубой глины с примесью песка и шамота. На этом этапе для среднеднепровской культуры характерны сосуды с шаровидным или округлым туловом, круглым и уплощенным дном.

На среднем этапе среднеднепровской культуры (XXIV-XVIII вв. до н. э.) известны уже два вида погребальных памятников — подкурганные и в грунтовых ямах без курганных насыпей. Раскопано около 70 курганов, содержащих 112 погребений. На дне могильных ям по-прежнему прослеживаются берестяные, камышовые и органические подстилки, деревянные конструкции и др.

На позднем этапе (XVIII-XV вв. до н. э.) курганы все еще продолжают играть одну из ведущих ролей в облике среднеднепровской культуры. Раскопано 40 курганов, содержащих 50 погребений.

38

Приведенные выше факты позволяют предполагать, что на среднем и позднем этапах данной культуры происходит смешение местных и пришлых этнокультурных традиций — «грунтового» и «курганного» обрядов погребения, т. е. налицо симбиоз и синкретичность культурных традиций (Эпоха бронзы, 1987, с. 41-42).

В настоящее время в археологической науке принято считать, что для древнеямной и

среднеднепровской культур характерны захоронения под курганами; при этом могильные ямы перекрывались бревнами или плахами, их дно устилалось камышом, берестой, органическими остатками, в могилах обнаруживаются куски красной охры или ее следы на скелетах. Ученые единодушно утверждают: «В конце первой и начале второй , половины III тыс. до н. э. перечисленные черты погребального обряда в Поднепровье были характерны только для древнеямной культуры... В позднем триполье, среднестоговекой (кроме ее нижнедонского ареала в восточных окраинах) и других культурах они отсутствовали» (Мерперт, 1974, с. 79, 141).

Как можно судить на основании новейших стратиграфических исследований, погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о нескольких волнах проникновения племен древнеямной культуры на запад и их существование в течение по меньшей мере тысячи лет (Там же). Такое активное продвижение носителей древнеямной культуры в донские степи и Северное Причерноморье не могло миновать предгорные районы Кавказа, составляющие естественное продолжение волго-донских степей Евразийского континента.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРАТИОРКИ И КАВКАЗ

Процесс внедрения древнеямников в кавказскую среду ученые отмечали давно. Здесь мы затрагиваем большую и неизученную, во вс.ей полноте проблему: кочевники и Кавказ, горы и степи.

О первом соприкосновении пришлой степной и автохтонной кавказской культур неоспоримо говорит сам

39

факт появления в Предкавказье (степная часть Северного Кавказа) курганных насыпей,* прежде не характерного элемента в комплексе погребального обряда, существовавшего в неолитическую эпоху на севере и юге Кавказа, а также на прилегающих к Кавказу с юга, юго-запада и юго-востока территориях, занятых оседлыми земледельцами. Отсутствие курганов как автохтонных факторов в ареале закавказской куро-арак-ской и смежных культур Кавказа резко контрастирует с этим нововведением, проникшим в традиционные местные культуры эпохи неолита и ранней бронзы.

Древнейшие курганы появились на Северном Кавказе еще в энеолите, а знаменитая курганная Майкопская культура Предкавказья, как считает Н. Я. Мерперт, «сама испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде, и уж ни в коем случае ни по материалу своему, ни хронологически не может рассматриваться в качестве компонента или основного источника воздействия в процессе выделения ранних групп древнеямных племен» (Мерперт, 1974, с. 140). Очень важно отметить, продолжает археолог, что в целом ранний этап древнеямных погребений предшествует Майкопской культуре, лишь в самом конце доживая до начала формирования последней. И не случайно в наиболее ранних Майкопских поселениях' кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18% (при 50% костей свиньи), а позднее — под явным воздействием самих степных племен — число их * возрастает до 40%. Если ко всему этому добавить утверждение Мерперта о том, что «ни в инвентаре, ни в погребальном обряде ни Кюльтепе, ни последняя куро-аракская культура никаких связей с культурой древних племен не имеет» (Там же), то мы сможем констатировать: культура древнеямных племен, послужившая основой формирования майкопской культуры, не могла появиться ни с запада, ни с севера, ни с юга или юго-запада. Она зародилась в степях, между Волгой и Уралом.

Археологические исследования показывают, что древние культуры, подобные волго-уральской, еще в период

40 " од мезолита распространялись по Северному Прикаспию, Кавказу и Украине, вплоть до Балкан и Венгрии (Мерперт, 1977, с. 68-80).

Кавказ всегда служил местом между восточным, ближневосточным миром и степями Восточной Европы. Передвижения многих племен через Кавказ особенно участилось в период мезолита, неолита и ранней бронзы.

Несмотря на интенсивное изучение древних культур Кавказа, их этническая история до сих пор остается весьма слабо исследованной. Наиболее спорным является вопрос об этнической принадлежности носителей майкопской культуры. По утверждению археологов, эти племена пришли на Северный Кавказ в III тысячелетии до н. э. и жили там около 800 лет, (XXV-XVIII вв. до н. э.). В то же время одни археологи считают, что «майкопцы» явились с юга, из Передней Азии, другие — с севера. На наш взгляд, правы вторые, так как майкопская культура является исключительно курганной, а курганы «двигались» с севера на юг. Обратного движения наука не знает.

Первые ямники-курганники стали проникать на северный Кавказ задолго до формирования майкопской культуры, которая как раз и была основана на культуре древнеямников. В Центральном Предкавказье они появились по крайней мере за 200 лет до формирования майкопской культуры. Ранние ямные и майкопские погребения были совершенно идентичными по всему комплексу погребального обряда (Бетров, 1982, с. 26-26). Лишь значительно позднее в майкопских курганах прослеживаются следы воздействия местных, кавказских племен и их культур.

Майкопская культура, сформировавшаяся на основе древнеямной, в пору своего расцвета — в середине III тысячелетия до н. э. — имела самые прямые аналогии с культурой шумерских городов Ур, Лагаш, Киш и др. Особенная близость обнаруживается в ювелирных изделиях, оружии, кремневых орудиях и др. (Мизиев, 1990, с. 30-31; Мунчаев, 1975, с. 212-329).

41

Вместе с тем майкопская культура и древнеямные племена имели огромное влияние на население соседних регионов — Средней Азии, Саяно-Алтайского нагорья, Поволжья и Причерноморья. Наибольшее воздействие они оказали на культуру кавказских племен III тысячелетия до н. э. Как отмечал Н. Я. Мерперт, «к северу от Черного моря «контактная непрерывность» и культурная интеграция прослеживаются от Кавказа и Прикаспия до Подунавья и Центральной Европы (древнеямная культурно-историческая область). И на значительном участке этой полосы — вплоть до днепровского правобережья — весьма рельефно представлены северокавказские, прежде всего майкопские воздействия» (Мерперт, 1988, с. 28).

С течением веков происходило смешение степной (курганной) культуры с культурой кавказских племен. Под курганными насыпями стали появляться чисто кавказские погребальные сооружения — каменные ящики, склепы, гробницы и т. пр. Даже такие специфические грандиозные каменные сооружения, дольмены, кавказского побережья стали «входить» под курганные насыпи. Это Очень серьезный фактор, показывающий влияние степной курганной культуры на такой% стойкий этнический определитель, как погребальный обряд.

ШУМЕРЫ — ДРЕВНЕЙШАЯ ЧАСТЬ ПРАТЮРОК

Исследования многих археологов — А. Иессена, Г. Гобеджишвили, О. Джапаридзе, Т. Чубинишвили, К. Кушнарева, Р. Мунчаева, Л. Вулли и др. — давно доказали, что еще в

конце IV тысячелетия до н. э. племена-носители курганного обряда погребения стали появляться в Закавказье, а затем — в Анатолии, Месопотамии, на северо-западе Сибири. Проникновение древнейших кочевников в эти регионы повлекло за собой естественное смешение части древних оседлых земледельцев с пришлыми кочевыми племенами, а, возможно, и языковую ас-

42

симиляцию местного населения. О населении Шумера 3100—2800 гг. до н. э. Л. Вуллс писал, что его «в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров ранне-династического периода»/ Цит. по: Мизиев, 1990, с. 31-32/, т. е. 2900—2350 гг. до н. э. По данным многих выдающихся востоковедов — прежде всего В. В. Струве, В. И. Авдиева, В. А. Тураева, Б. И. Грозного, «сами шумеры утверждали, что их предки пришли в Двуречье откуда-то из-за гор, с севера и северо-востока. По их словам, это были некие «жители гор», «кочевники-скотоводы»^ «обитатели гор» и пр. Мнение о том, что шумеры пришли в Месопотамию с гор, расположенных к северо-востоку от этого региона, поддерживается сейчас многими учеными. Этому мнению есть немало подтверждений, в том числе и упомянутое распространение курганной культуры IV-III тысячелетий до н. э. Это могли быть степи Урала, юг Туркменистана или Северный Кавказ. Именно потому, что они спускались с предгорий, шумеры называли их «жителями гор». Виднейшие востоковеды XIX в. и их продолжатели — Г. Винклер, Ф. Гоммель, Н. С. Трубецкой, Б. Грозный и др. — считали, что шумерский язык был весьма близок к алтайским (тюркским) языкам. Эту точку зрения разделяют и подкрепляют рядом новых данных современные лингвисты-тюркологи А. С. Аманжолов, М. Ш. Ширалиев, М. А. Хабичев, Ю. Б. Юсифов, А. М. Мамедов, С. Я. Байчоров, О. О. Сулейменов и другие. Выявлено около 400 прямых лексических сходжений между тюркским (в частности, карачаево-балкарским) и шумерским языками. Эти совпадения * системны и охватывают всю схему языкового строя и структуру названных языков, включая местоимения, числительные, термины, обозначающие кровнородственные отношения и т. д. Для подтверждения этого тезиса достаточно привести несколько уникальных лексических шумеро-тюркских сходжений

Шумерские слова	Тюркские слова, в том числе карачаево-балкарские
ме — я, не — что	мен — я, не — что
му — он	бу — он
уш — три	уч/уш — три
эм — язык	эм — сосать
абаме — старейшина	аппа — дед, аба —
баба . — предок	бабушка
	баба — предок
	къыз — девушка
кыз - девушка, аз — мало	аз — мало
куб-стоять, даим-	къоб — вставай
постоянно,	дайым — постоянно
	сокъ — бить, габара —
сок — бить габара — грудь	бюстгалтер
РУ — забивать	УР — забивать,

руш — свирепый	бить уруш — ругать,
кура — страна	злиться кѳура — создавать, строить тууду
туд — родился	— родился
ед — выходи	ѳт — проходи
гуруваш — слуга	кѳарауаш.—, слуга,
сир — ткать	рабыня сыр — ткать
УД — огонь	от — огонь
узук — длинный	узун — длинный
гуду — воровать	гуду — воровство
джау — враг	джау — враг
джау — масло	джау — масло
ирик — валух	ирик — валух
джар — разбивать	джар — разбивать,
джыр — разрывать	расколоть
	джыр — разрывать
ада — отец ама — мать	
дигир — бог	ата — отец амма — мать, матушка, бабушка дингир/тенгри — бог

других источников; часть слов переведена нами. — Авт.)

Говоря о смысловом тождестве шумерских и тюркских слов, О. О. Сулейменов справедливо отмечает: «Совпадения форм и смыслов — системны, и потому не случайны» (Сулейменов, 1975» с. 230).

Приведенный выше материал позволяет нам сделать два важнейших вывода.

1. Есть все основания пересмотреть вопрос об изначальной прародине пратюркского этноса в пользу Волго-Уральского региона.

Алтай и Саяны были «вторичной» территорией их скопления и дальнейшей этнокультурной интеграции. Этот вывод подтверждает и выдающийся тюрколог Ю. Немец, по словам которого, «старые теории о Средне-или Восточно-Азиатской прародине тюрков либо недостаточно обоснованы, либо устарели» (Немец, 1963, с. 127-128).

2. Древнейший язык «курганников» (протоалтайцев) распространился на север и северо-восток, а из евразийских степей через Кавказ и юг Туркмении в Месопотамию. Вот почему саяно-алтайские, приаральские, кавказские, анатолийские и другие тюркские языки имеют отношение к шумерскому как целое к своей еще в древности оторвавшейся части.

Скифы/сколоты — тюрки
Исторические сведения
Из быта и обычаев скифов
Из религиозных представлений и мифологии скифов

СКИФЫ/СКОЛОТЫ — ТЮРКИ

От решения «скифской» проблемы, определения этнической принадлежности скифов и их прямых потомков зависит в огромной степени решение вопроса этногенеза тюркских народов, поэтому более подробно остановимся на этой проблеме. Мы старались исследовать проблему, привлекая обширный материал, как того требовал крупнейший кавказовед и скифолог Б. Б. Пиотровский. Он писал: «Подойти к правильному разрешению скифской проблемы можно, лишь изучая древнее общество VII-VI вв. до н. э* на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию (Пиотровский, 1949, с. 130).

Наукой давно установлено, что прямыми генетическими продолжателями культуры древнеямников были племена — носители срубной культуры, а через них

45

и культуры скифских племен (Граков, 1977, с. 151-153). Если археология предоставляет возможность проследить на протяжении III-I тысячелетий до н. э эволюцию культуры древних кочевников, значит, есть такая же возможность проследить эволюцию самой скифской культуры и ее продолжение в культуре средневековых кочевников евразийских степей.

Анализ показывает, что весь комплекс этнокультур средневековых кочевников евразийских степей восходит к культуре^ скифов. Следовательно, эти кочевники — прямые генетические продолжатели культуры древних кочевников — древнеямников. Об этом свидетельствуют:

- 1) подвижный, кочевой быт, разведение в основном мелкого рогатого скота и лошадей, употребление в пищу конины, кумыса, айрана и т. п.
- 2) комплекс погребального обряда: курганный насыпь, сопровождение умершего трупами жертвенных лошадей, погребальные деревянные срубы и колоды;
- 3) масса скифо-тюркских языковых, этнографических и других^ сходжений.

Обо всех этих параллелях мы писали в ряде своих -предыдущих работ, поэтому, отсылая читателя к ним, не считаем необходимым сейчас все это повторять. Вместе с тем считаем необходимым осветить в свете новейших достижений науки отдельные вопросы проблемы, в особенности самый острый из них — вопрос о языке скифов. •

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Ни один древнегреческий, латинский (римский), византийский, арабский, персидский автор не утверждает, что скифы говорили на персидском (иранском) языке, хотя многие из этих авторов не раз подчеркивали мельчайшие подробности их быта, культуры, верований^ обычаев и нравов. Особенно важен тот факт, что Геродот, на сведения которого чаще всего опираются скифологи, будучи выходцем из малоазийского города Галикарнаса, входившего в одну из сатрапий древней Персии не мог не отличать персидский (иранский) язык от других, тем более, что он бывал в Персии и не раз встречался с иранцами вне Персии.

46

Тем не менее, Геродот нигде не говорит, что язык скифов был персидским или схожим с ним. Он пишет, что скифы и савроматы — родственные племена, близкие по быту и языку, но данных о их языке приводит крайне мало, причем даже эти скудные данные, как мы увидим ниже, подтверждают гипотезу о тюркоязычности скифов.

Очень бедны данные о языке сарматов и алан. Один из авторитетнейших авторов древности, Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.), подробно описывает жизнь и быт алан,

наследников скифов и сарматов, но так-., же не дает сведения о их языке. Антиохийский грек Марцеллин владел не только греческим и римским языками, но был знаком и с персидским, так как с 354 по 363 гг. служил в римской армии и участвовал в войне с персами, жил среди них, знал и аланских воинов из римских иностранных легионов, много путешествовал, но ни в одном из своих многочисленных трудов не сказал о сходстве персидского (иранского) и аланского языков. Однако необходимо обратить внимание на следующие сведения, которые он дает в XXXI книге своей «Истории»: «Почти все аланы высокие ростом и красивые, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов (Подчеркнуто нами. — Авт.), только с более мягким и культурным образом жизни» (Античные источники, 1990, с. 163). Здесь важно отметить, что, если аланы «во всем похожи на гуннов», которые были тюркоязычными, составитель сборника В. М. Аталиков, на наш взгляд, правильно комментирует эту схожесть: «очевидно, нужно понимать, что и по языку тоже?» (Там же, с. 242).

О том, что язык скифов не мог быть иранским, прямо пишет автор III в. до н. э. Юстин (II, 3-5). по его словам, «Язык парфов средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» (Латышев, 1900, с. 39).

Если признать выводы некоторых авторов о тюркоязычности не только скифов, но и индийцев, верными

47

(Гейбуллаев, 1991, гл. III, §1), то следуя логике, Юстин указал на то, что скифы и индийцы говорили на разных диалектах одного древнетюркского языка.

Кроме упоминания общетюркских черт культуры (к примеру: коневоды, пьющие кумыс и т. п.), Геродот! пишет и о наличии среди скифов монголоидных племен. Так, в 23-й строфе IV книги своей «Истории» он говорит, что «выше йирков живут другие скифы», и тут же поясняет, что это «люди, которые как! говорят, все плешивые от рождения, как мужчины,! так и женщины, курносые и с большими подбородками» (Геродот, 1972, с. 192-193). Из этих слов явствует, что Геродот отмечает монгольские черты, которые были характерны для отдельных скифских . племен.

По С. Я. Лурье, «лысые люди» — аргиппеи предшественники современных башкир (Там же, с. 519). ,

По мнению многих ученых О. Эйхвальд, З. Ямпольский и др.), упомянутые Геродотом скифские племена — иирки и тюррагеты — искаженное название «тюрки», . и они, как и некоторые другие скифские племена, были тюркоязычными (Ямпольский, 1966, с. 63; 1970, с. 10-11). Страбон, Помпоний Мела, Плиний (I в. н. э.) также писали о тюрках, тюррагетах, турках, проживавших в тех же местах, о которых упоминал Геродот (Античные источники, 1990, с. 100, 108). В V в. н. э. византийский историк Зосим писал о гуннах: «Некоторые называют этот народ уннами, другие говорят, что его следует называть царственными скифами, или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра «с сплюснутыми носами» (Цит. по: Ган, 1884, с. 199).

В связи с этими сообщениями древних авторов очень важное значение приобретает захоронение описанного Птолемеем сармата-коневода I в. н. э. на Южном Буге. В нем была найдена статуэтка (ручка зеркала), изображающая «фигурку мужчины восточного типа, сидящего со скрещенными ногами... под стреловидными бровями — узкие глаза с рельефными зрачками. Прямой с широкими крыльями нос слегка приплюснут» (Ковпаненко, 1986, с. 67-71).

48

К сказанному добавим еще один аргумент. Мы имеем в виду тот факт, что П. Мела, Плиний, Дионисий, Периегёт, Клавдий Клавдиан, Феофилакт Симокатта, Зосим, Приск Панийский и другие античные авторы именуют «скифами» не какое-либо иное племя, а

именно гуннов. Приск Панийский, знаток кочевнического мира, сообщает, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла по имени Эсли (по-тюркски Мудрый. — Авт.), а римляне в ответ направили к гуннам Плинта, «который был родом скиф». Вряд ли можно утверждать, что римская дипломатия не знала, к кому кого посылать, а римский двор не знал, кого Гесиод, Гомер, Геродот, Эсхил, Страбон, Гиппократ, Птолемей и другие греческие и римские авторы называли «деятелями кобылиц» и «коневядами».

Показания древних авторов подтверждают и позднейшие научные данные. Первый русский переводчик Геродота Андрей Лызлов, свободно ориентировавшийся в европейской историографии XV-XVI вв., хорошо знакомый с трудами античных авторов, в частности, Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Кассиодора, Руфа, Диодора Сицилийского, еще в XVII в. пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к древним скифским кочевникам. Точку зрения А. Лызова в разное время поддерживали и развили такие видные ученые, как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Н. Аристов, В. В. Латышев, Ф. Г. Мищенко. Выше мы приводили высказывания ряда авторов на этот счет, в частности, А. Н. Аристова (1896, с. 400), Э. И. Эйхвальда (1838, с. 56-60) и др.

Наличие среди скифов тюркских племен признавал и официальный печатный орган Российской Академии Наук. В одном из томов ее «Ученых записок» о скифах и сарматах говорилось: «О скифах и сарматах написано множество, но чрезвычайно мало с критическим тактом и с обширным знанием источников и новейших пособий... Если же греки и римляне в дошедших до нас сочинениях употребляли эти два имени не в народном смысле исключительно, то само собой разумеется, что многочисленные народы могли быть разного происхождения и языка... Были ли меж-

4 Заказ №1487 49

(ду ними, черноморскими скифами, уже и народы тюркского происхождения? По всей вероятности, они были уже во времена Геродота» (Ученые записки, 1855, с. 114-115). Многие восточные авторы, хорошо знакомые с историей и бытом тюрко-монгольских племен, скифов называли «тюрками», а Скифию — «страной тюрков» (Караулов, СМОМПК, вып. 38).

Таким образом в XIX и начала XX вв. даже официальная историография признавала часть скифских племен тюркскими. Концепции советской историографии в этом вопросе, начиная с 30-х годов, резко изменились, о чем сказано выше. Сейчас наступило благоприятное время для объективного исследования всех научных проблем.

ИЗ БЫТА И ОБЫЧАЕВ СКИФОВ

А. П. Смирнов отмечал, что «типичные скифские вещи в своих исходных чертах связаны с Азией». Н. Л. Членова писала: «Татарская культура, распространенная в южной, части Красноярского края (Минусинская котловина) в VII-III вв. до н. э., — это одна из культур скифского круга», для которой типичны оружие — кинжалы, акинаки, наконечники стрел, конский убор и звериный стиль. Они имеют большое сходство с теми же категориями культуры скифов Причерноморья, Поволжья и Приуралья, саков Средней Азии и Казахстана (Членова, 1981, с. 80, 84). «Преемственность многих черт культуры древних тюрков от скифо-сибирских культур», — отмечает А. И. Гоголев, считающий, что традиционная культура якутов (саха) имеет скифо-сибирские истоки (Гоголев, 1987, с. 143).

Новейшие данные по культуре и языку скифов и близких им народов приводит Г. А. Гейбуллаев. Он сообщает небезынтересный факт: на территории Иранского Азербайджана, в селении Зивийе, найден клад IX-VII вв. до н. э., в котором имеются предметы «скифского стиля» (Гейбуллаев, 1991, с. 291). Детальное исследование этих

предметов, будем надеяться, поможет решению некоторых аспектов «скифской проблемы»

50

Весь комплекс этнографической культуры и быта скифов разительно совпадает с культурой и бытом тюркских народов.

1. Скифы обитали в войлочных шатрах (юртах), широко практиковали войлочные изделия в быту; употребляли в пищу конину, пили кислое молоко (айран), кумыс, из которого делали сыр и т. п.

Все перечисленные элементы являются специфической особенностью извечной, традиционной культуры исключительно тюркских племен и народов.

2. Скифы хоронили вместе с умершими десятки, а иногда и сотни жертвенных лошадей, захоронение людей производили в деревянных срубах, колодах и т. п. Обряд захоронения гуннов, алтайских тюрок, хазар, печенегов и половцев свидетельствует о том, что перечисленные элементы культуры скифов являются специфической особенностью тюркских племен.

3. Геродот описал оригинальный скифский способ гадания на ивовых прутьях и липовом мочале. По мнению многих ученых (Я. Гмелин, Ф. Г. Мищенко, А.И. Семенов, М. Ч. Джуртубаев и др.) и сведениям древней шаманистской рунической «Книги гаданий», эти способы гаданий были широко распространены среди тюркских народов (Джуртубаев, 1991, с. 30).

4. Геродотом описан скифский способ скальпирования врагов: вокруг головы надрезали кожу на уровне ушей (кн. IV, 64), точно такой же способ скальпирования был обнаружен в Пазырыкском кургане алтайских тюрок V в. до н. э. (Грязное, 1951; Руденко, 1953; 1960; Кызласов, 1979; Грач, 1980, с. 25-27).

5. По словам Геродота (кн. VI, 71), тела скифских вождей бальзамировались. Для этого покойнику разрезали живот, вынимали внутренности, заполняли его толченым кипером, благовониями, семенами сельдерея и аниса, потом сшивали и покрывали воском (Геродот, 1972, с. 204). Во многих алтайских курганах обнаружен в деталях повторяющийся способ бальзамирования и мумификации трупов не только вождей, но и рядовых членов племени (Грязное, 1950).

6. Геродот писал, что, если у скифов-кочевников не окажется под рукой ни котла, ни дров, то они

4* 51

варят мясо весьма оригинальным способом: мясо тщательно очищают от костей, складывают в желудок и варят на огне из костей (конечно и из дров). «Таким образом, — пишет Геродот, — бык сам себя варит» (Геродот, 1972, с. 202). А. П. Смирнов писал, что подобный способ варки мяса никем из исследователей практически не зафиксирован.

Однако у многих тюркских народов, особенно у пастухов-алтайцев, балкарцев, карачаевцев, казахов он был весьма широко распространен. И вот как это делалось у них: вырывали неглубокую ямку и в ней разводили огонь из очищенных от мяса костей, а также дров* Когда земля прогревалась, в эту ямку вкладывали желудок, наполненный мясом, сверху его засыпали горячей золой и продолжали топить дровами и костями. Таким образом животное «само себя варило».

Можно было бы привести еще немало фактов из быта и обычаев скифов, но и приведенные выше, думается, дают основание видеть в современных тюрках наследников скифов.

ИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И МИФОЛОГИИ СКИФОВ

Мировоззрение скифов, выразившееся, главным образом, в их религиозных верованиях и

мифах, весьма устойчиво и долговременно, поэтому оно должно помочь найти суть изучаемой проблемы.

Чтобы доказать иноязычность скифов, иранисты опираются именно на этот аспект проблемы. Специальные работы ему посвятили Д. С. Раевский (1977), А. М. Хазанов (1975). Этот же вопрос частично исследован в книге «Скифия и Кавказ» (Киев, 1980), работах ряда учейных — Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева, В. П. Окладникова, Л. Р. Кызласова и др.

Изучением мировоззрения древних людей, в том числе скифов, занимался академик А. П. Окладников. Вместе с Е. А. Окладниковой он досконально изучил древние наскальные рисунки Горного Алтая, в частности, рисунки Елангашской долины, и сделал важные научные выводы в книге «Древние рисунки Кызыл— Кёля» (1985).

52

Авторы книги пишут, что ' рисунки на камнях Елангаша создавались в течение долгого времени, начиная с III тысячелетия до н. э. и до скифского периода. Они указывают: «К рисункам эпохи бронзы относятся изображения колесниц, быков, яков; к скифскому времени — изображение оленей-пигалиц, символических фигур лучников.

Эпиграфические рисунки (петроглифы; исполненные в технике граффити, а также выбивки) в основном представлены изображениями алтайцев в национальных костюмах» (с. 8). По мнению исследователей, наскальное искусство было связано с культом камней и гор, а «культ гор сложился под влиянием древних представлений о высоких вершинах гор как местах скопления влаги, необходимой для скотоводов и земледельцев, обитания божеств, а также представлений о горах как о местах, наиболее приближенных к небу». «Что касается культа камней, то он связан с представлениями древний людей о долговечности камней, с мечтами людей о долговечности человеческой жизни. До настоящего времени сохранились легенды тюркок-алтайцев о связи наскального искусства с культом гор и камней» (с. 8-9).

Пятна на наскальных рисунках символизируют солнце, звезды и имеют астральное значение (с. 4).

Древние мастера особо выделяли изображения козлов, оленей, быков, яков, лошадей. Почитание дикого козла уходит корнями в каменный век. Камень с изображением козла алтайцы называют «теке таш» (по-тюркски — «козлиный камень». — Авт). /Круглые крупные пятна или небольшие точки, нарисованные рядом с головами козлов, могут символизировать солнце (с. 5).

На скалах изображены быки, тянущие повозки, яки, груженные поклажей» Быками были запряжены погребальные повозки, обнаруженные при раскопках ямно I | афанасьевской культуры на Днепре (с. 5-6).

В скифское время появились наскальные рисунки, изображающие оленей, которые были тотемными животными скифов. Сохранились * изображения оленей, имеющих рога с солярными завершениями (в виде кругов с отростками). Авторы отмечают: «Корни представлений о космогоническом образе оленя" — солнца,

53

как известно, уходят в культуру племен сибирской тайги эпохи бронзы и раннего железа...

На рисунках Алтая сохранились два значительных скифских сюжета: олень с древовидными рогами и человек с поднятыми над головой рогами оленя. Оба эти сюжета могут быть сопоставлены с образом Мирового дерева, таким, каким его сохранили мифы скифов, — как об опоре неба и солнца, о пути, по которому осуществлялась сверхъестественная связь трех миров: нижнего (подземного), среднего (земного), верхнего (небесного)» (с.7). Примерно в таком же плане рассматривает этот вопрос и Д. С. Раевский (1977, с. 46).

Что касается идейной основы наскального искусства Восточного Алтая, то, по мнению авторов, «она отразила в себе житейский опыт и богатый духовный мир древнего человека. Среди петроглифов Елангаша можно выделить рисунки, сюжет которых

порожден представлениями о восходящем и умирающем звере, об изобилии и плодородии, мифами о великих предках. Иными словами, здесь отразились формы мышления людей эпохи бронзы, раннего железа»: (Окладников, Окладникова, 1985, с. 8). В главе «Мировоззрение и мировосприятие тазмин-цев» книги «Древнейшая Хакасия» (с. 188-241). Л. Р. Кызласов весьма подробно и научно обоснованно пишет о семантике тазминских изваяний и писаниц, о представлениях древних людей о Вселенной и божествах, о жизни и смерти, о солнце, небесных богах и духах.

По его словам, в основе культовых представлений далеких предков тюркок-хакасов находилось охотничье мировосприятие (изображение лосей, горных баранов-аргали (архаров), хищников, которое было осложнено идеологией пришлых скотоводов, принесших с собой культуру людей, связанных с производящей экономикой (культ Коровы-матери, изображение быков и т. п.)). (с. 239). В результате «как синтез различных в своих истоках мировосприятий сложился и расцвел неожиданный для Сибири и Центральной Азии феномен — культ монументальных древнейших в евразийских степях каменных изваяний, стел и менгиров» (Там же). Автор считает, что все, это произошло в эпоху

54

неолита и что «сибирский шаманизм сохранил в значительном объеме многие реалии культовой практики южносибирских племен, восходящие к глубокой древности, к началу III тыс. до н. э.» (с. 240).

Исследователь подчеркивает, что «Южная Сибирь уже в глубокой древности являлась крупным и важным культурным центром, центром активности неолитических племен, распространявшим, в свою очередь, передовые по тому времени идеологические и культурные импульсы в глубины глухой сибирской тайги, к обитателям суровых просторов тундры, вплоть до берегов Ледовитого океана» (с. 241) Г

Весомый вклад в изучение идеологии первобытных людей, отраженной в искусстве древнего населения Сибири, особенно Алтая, вносит Институт истории, филологии и философии сибирского «отделения Академии Наук, в частности, его сотрудники А. П. Окладников, Е. А. Окладникова, В. Д. Кубарев, З. А. Абрамова, Ю. С. Худяков и др. В сборнике статей «Антропоморфные изображения», изданном Институтом в 1987 г., представлены почти все регионы Сибири и Урала.

В нем помещены также статьи Н. Л. Членовой «Северокавказские оленные камни и новомордовские стелы» и Л. М. Мосоловой «Древнейшие антропоморфные изображения Киргизии».

В книге в целом идет речь об изображениях, начиная с времен палеолита, а особенно периодов неолита и бронзового века. Все эти изображения имеют смысловое значение и выражают миропонимания первобытных людей. «Своеобразное восприятие окружающего мира у племен и племенных объединений кочевников евразийских степей, для которого характерен культ патриархальных богов* и героев, находит отражение в многочисленных памятниках зоны Великой степи. Это и наскальные изображения, и антропоморфные каменные изваяния, и стелы» (Антропоморфные изображения, 1987, с. 6).

По словам Е. А. Окладниковой, «наскальные рисунки, в составе которых большое место занимают антропоморфные образы, являются историческими источниками, которые с особой степенью достоверности

позволяют реконструировать мир прошлого» (Там же, с. 180).

Известный археолог и этнограф В. Д. Кубарев, изучивший большое количество наскальных изображений на Алтае, написал несколько интересных книг по этой тематике. Он прямо говорит, что создателями этого вида искусства явились предки нынешних тюркских народов, жившие на огромных пространствах

евразийских степей от Забайкалья до Центральной Европы. Об этом говорит само название одной из его книг — «Древнетюркские изваяния Алтая» (1984).

В одной из своих последних работ — «Древние россыпи Каракола» (1988) — ученый реконструирует идеологические * представления энеолитического населения ШЕЯ Алтая и сопредельных регионов Центральной Азии, которое было носителем древнеямной афанасьевской культуры. На камнях Каракола (плиты из мегалитов, стелы и т. д.) чаще всего изображены «солнцеголовые», «быкоголовые» и «птицеголовые» существа, которые имеют свои аналогии в Хакасии, Казахстане, Туве, Монголии. После Солнца в зверином пантеоне древних людей значительное место занимал могучий бык. Образы солнечного божества и лунного бога сливаются воедино в образе быка. В стелах имеются чашечные углубления, которые являлись изображениями небесных светил и звезд (с. 106-107).

Основные персонажи на стелах подтверждают предположение о развитом культе солнца, быка и хищной птицы. Рисунки одного из погребальных камней изображают сцену борьбы красных «духов» с черными «демонами», «символизируя противостояние добра и зла, борьбу между светом и тьмой, извечную борьбу жизни и смерти. Первобытные люди считали, что человек, покидая мир живых и уходя в мир мертвых, нуждался в помощи против опасностей, грозивших ему в потустороннем мире» (Там же, с. 118).

Искусству древних жителей Сибири можно найти аналогии в искусстве древних жителей Урала, Поволжья, Кавказа и Северного Причерноморья. Примером могут служить обнаруженные в Карачае и Балкарии наскальные изображения, росписи на камнях, стелах, менгирах и т. д., исследованные С. Я. Байчоровым

(1987, с.5-26; 1988, с.96-141), а также описанный У. Ю. Элькановым солнечный каменный круг в бывшей столице Алании — Нижне-Архызском городище (Эльканов, 1988, с. 142-150).

На скале в балке Сукул в верховьях реки Уруп С. Я. Байчоров обнаружил 75 рисунков. На них запечатлены верховые и пешие люди, птицы, хищные звери, олень, собака, волк, курдючные овцы, ягненок, медведь, лось, соха, плуги, лук со стрелой, копье, аркан, меч, щиты, геометрические фигуры с разным количеством точек (пятнышек) внутри, круги с десятью спицами и с 4 спицами, древнетюркские рунические надписи. Интересно, что один из рисунков изображает мужчину крепкого телосложения, ловящего

арканом зверя, у некоторых мужчин на голове широкие шляпы, некоторые одеты в боевые доспехи. Параллели от этих фигур можно провести к сибирским антропоморфным изображениям, в которых люди в шляпах изображают мифических животных (Байчоров, 1987, с. 17—1.8).

Подобные изображения встречаются в ущелье Хасуты (около Кисловодска), в Горном Дагестане. Изображения геометрических фигур с точками (пятнышками) внутри, как и в Сибири, обнаружены в могилах или при них и имеют ритуальное значение. Среди них находятся изображения, похожие на скифские и аланские колеси́ки-амулеты. Все наскальные рисунки С. Я. Байчоров считает болгарскими (с. 21), но рисунки, опубликованные им, больше похожи на скифские и аланские.

Петроглифы, найденные в местности Бичесын (у самого подножия Эльбруса) также напоминают скифские.

Данные антропологии
О языке скифов
Скифские этнонимы, топонимы, омонимы

ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ

Ряд антропологов утверждает, что черепа из Средней Азии не похожи на скифские. Отсюда делается вывод о маловероятности прихода скифов из Азии. Всех скифов эти исследователи считают европеоидами. Эту позицию занимает академик В. П. Алексеев. В своем последнем научном труде он пишет: «Если не принимать во внимание работы, посвященные краниологии скифов, выпущенные еще в прошлом веке и устаревшие по своей методике, то первым исследователем этого комплекса был Г. Ф. Дебец, высказавший гипотезу о его формировании на основе еще более древнего протоморфного комплекса, исходного для европеоидной расы вообще. Не обсуждая последней части этой гипотезы, подчеркну ее высокую вероятность, в отношении генезиса самой скифской комбинации признаков. Исходный протокомплекс зафиксирован на той же территории в эпоху неолита и бронзы многими материалами.

Какой этногенетический вывод вытекает из генетических связей скифов с населением эпохи бронзы, проживавшим на той же территории? Он состоит в том, что скифы йе появились в южнорусских степях

с юго-востока,, как можно думать в соответствии с археологическими и лингвистическими наблюдениями, не появились они и с юго-запада, как заставляет думать приводимая у Геродота легенда об их происхождении, а сложились они на том же месте, где их застаёт история. Антропологический материал не исключает инородных этнических включений в состав скифов, но преимущественное значение придает все

5* 67

же местным истокам их этногенеза» (Алексеев, 1989, с. 177).

На этой же позиции стоял и выдающийся скифолог археолог Б. Н. Граков (1977, с. 153-154), считавший предками киммерийцев и причерноморских скифов носителей срубной культуры. Но, несомненно, что среди скифов было много пришлого из Азии населения, а среди него были и монголоиды, хотя и в незначительном количестве (Акишев, 1973).

По вопросу об антропологическом типе скифов ученые не пришли к единому мнению: одни считают всех скифов европеоидами, другие утверждают, что среди них, в частности не собственно скифов, были и монголоидные племена. Мы считаем верной вторую точку зрения, так как сам Геродот прямо указывал, как отмечалось выше, что среди племен, которые считались скифскими, были монголоиды (Герасимова и др., 1987, с. 25, 238).

Изучая черепа древнейших жителей Поволжья, М. Н. Герасимов обнаружил монголоидность, скорее всего лапаноидность, у части населения региона, жившей еще в эпоху неолита.

Греческие писатели, знакомые со скифами, писали, что это красивые люди крепкого телосложения. Скифы, изображенные на предметах, найденных в скифских курганах, — тоже европеоиды. Это подтверждает версию о том, что монголоидов среди скифов было немного, но они все же были. Знаменитый Гиппократ в своем сочинении «О воздухе, водах и местностях» описал внешний вид скифов. Прежде всего он отмечает их длинноголовость, обусловленную тем, что «лишь только родится ребенок, пока еще его кости мягки, неотвердевшую головку его выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений...» (глава 21) Далее он пишет: «Все скифское племя — рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточною силою, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий (28) (АИСК, 1990, с. 34-35).

В. Ю. Мурзин, ссылаясь на антрополога С.И.Куц, пишет, что «об антропологической однородности насе-

ления северопричерноморских степей в скифское время говорить не приходится» (1990, с. 13). Он пришел к

заклучению: скифы как этнос сформировались «в результате взаимодействия родственных по языку местных и пришлых кочевых племен, генетические истоки которых следует искать среди различных групп населения культур срубного (местная линия) и андроновского (восточный компонент) круга, носители которых, судя по всему, были ираноязычны» (Там же, с. 14).

С этим выводом можно согласиться вполне, если опустить концовку об ираноязычности скифов, так как мы убеждены, что, «судя по всему», в том числе и по данным языка,⁴ собственно скифы — сколоты — наверняка были тюрками, хотя среди скифов встречались и другие этнические группы. По своим антропологическим признакам нынешние тюркоязычные карачаево-балкарцы довольно близки к древним скифам.

В. П. Алексеев относит северокавказские горские народы — карачаевцев, балкарцев, осетин-дигорцев — к кавказскому типу европеоидной расы/Людьми этого типа присущи, по его словам, «высокий рост, массивность черепа, большие размеры головы и лица, сближающие кавказские народы с древними представителями европеоидной расы... Широколицый тип фиксируется на Северном Кавказе в палеоантропологических материалах бронзы и раннего железа» (Алексеев, 1974, с. 137).

Эти же антропологические данные присущи и скифам. В. П. Алексеев пишет о европейских скифах: «Это были классические европеоиды, отличавшиеся ...удлиненной формой головы, относительно низким и широким лицом, довольно массивным скелетом и сравнительно высоким ростом» (Алексеев, 1989, с. 176-177).

Следовательно, из северокавказских народов больше всех унаследовали скифский антропологический тип карачаевцы и балкарцы, а также осетины-дигорцы, которых многие ученые считали иранизированными тюрками, / так как в их языке очень много тюркизмов.

Они резко отличаются от остальных осетин не только по антропологическим признакам, но и по языку, о чем будет сказано ниже.

О ЯЗЫКЕ СКИФОВ

Мы уже отмечали, что ни один из древних или средневековых авторов ни словом не обмолвился о том, что язык скифов был иранским. Видный иранист В. И* Абаев и его последователи в один голос говорят, что язык скифов известен нам по отдельным данным ономастики (Абаев, 1949, с. 239). Версия об ираноязычности скифов в основном строится на этом весьма шатком материале.

Многие ученые не придавали особого значения ономастике при определении этнического облика скифов, так как скифские имена, тождественные фракийским и персидским, просто заимствованы из этих языков, и поэтому не имеют никакой доказательной силы в вопросе этнической принадлежности скифов, тем более те, которые взяты из надгробных камней греческих городов Причерноморья, где могли быть похоронены, например, приезжие купцы.

При исследовании вопросов этногенеза необходимо использовать ономастику, но следует при этом учесть, что, если судить по семантике имен нынешних мусульман-тюрок на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен, их можно причислить к семитам.

«Преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологии, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра, предметов очень важных для кочевых народов. Более чем сомнительно рассматривать скифов как иранцев», — пишет выдающийся американский востоковед и славист профессор К. Г. Менгес (1979, с. 29).

И действительно, нетрудно представить себе, в % какие дебри уведет ученого тюркоязычная ономастика у русских или арабо-персидская у восточных народов. Нельзя также определить национальность, скажем, осетин или карачаево-балкарцев по их личным именам, так как у первых они греческие, у вторых — арабские.

Ф. Брун, Ф. Мищенко и некоторые другие российские скифологи весьма сожалели о том, что главный

авторитет по утверждению ираноязычности скифов проф. К. Мюлленгоф в своих этимологиях личных имен игнорировал тот факт, что многие разбираемые им имена легко объясняются материалом тюркских языков. Не придавали никакого значения этимологиям Мюлленгофа и ученые 30-х годов, считая их «устаревшими и ничего не дающими для восстановления реального языка скифов и сарматов» (Колобова, 1933, с. 416).

Хотя многие иранисты-скифологи сожалеют, что о языке скифов приходится судить только по ономастике, некоторые из них и этот материал, содержащийся в первоисточниках — произведениях Геродота, Страбона, Плиния и других^ древних авторов, — сознательно игнорируют, чтобы явно тюркские значения скифских имен не разрушали хрупкую теорию ираноязычности скифов. Достаточно упомянуть такие скифские имена, как «Таргитай», «Колаксай», «Липоксай», «Арпоксай», «Папай», «Апи», «Орей», «Мадий», («Мадай», «Матай»), «Партатуа», которые легко этимологизируются с тюркских языков. Что же касается нарицательных скифских слов, содержащихся в источниках, то их иранисты вообще не принимают в расчет. Даже Мюлленгоф не мог отрицать, например, то, что скифское слово «асхи» («ачы») является тюркским и означает «горький». Тождество этих слов признали Томашек, Шафарик, Стратановский, Лурье и другие ученые (Доватур, Каллистов, Шишова, 1986, с. 27). Приведенные факты подтверждают следующий вывод: «Скифский язык как нечто единое, цельное и монолитное для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифские», есть фикция» (Колобова, 1933, с. 433). О том, что это действительно фикция, свидетельствует и Геродот, переводя скифское слово «ойор» как «мужчина» (на тюркских языках «мужчина» — «эйр», «эр» (Закиев, с. 26). Подтверждает эту мысль и автор XII в. Иоан Цец, по утверждению которого скифы называли Азовское море «Карбалык» (по-тюркски — «Гигантская рыба»^К Признавая и используя слова Иоана Цеца, многие ученые не задумываются над тем, что приведенный термин состоит из двух общетюркских слов: «кар» («кара») — «мо-

71

гучий», «обильный», «крупный», «мощный»), «балык» — «рыба» (ДТС, с. 80). Уместно напомнить, что у половцев-кипчаков один из самых влиятельных родов именовался «Карбалык», а по мифологии саяно-алтайских тюрок, Земля покоится на трех громадных рыбобоподобных существах — «Кербалык».

Один из современных- авторитетнейших сторонников теории ираноязычности скифов В. И. Абаев в книге «Осетинский язык и фольклор» (1949) привел 196 лексических скифо-осетинских сходжений. Его труд с восторгом был принят многими индоевропеистами. На самом же деле, оказывается, как признает сам ученый, 41 слово «не оставило в осетинском никакого следа». Тогда закономерен вопрос: на каком основании эти слова учитываются как скифо-осетинские параллели? Из оставшихся 101 слово имеет прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений. Объяснение последних 47 слов В. И. Абаевым крайне неубедительно («Смуглый созир?»), «Варазмак с Дона?»), «Волкоплечий», «Супоед», «В нем⁴ нет дыхания жизни», «Имеющий здоровую жену», «Невредимый утром», «Находящий шерсть оленей» и т. п.).

Далеко от действительности утверждение о наличии у скифов таких якобы иранских слов, как «ману», «вира», «нар» в значении «муж», тогда как Геродот (IV, 110) прямо говорит о том, что скифы обозначали понятие «муж» словом «ойр». Подобных примеров множество, но и приведенных, думается, вполне достаточно, чтобы показать их научную несостоятельность. • ,

Кстати, еще в 1960 г. И. Г. Алиев писал, что среди собранных В. Ф. Миллером 425 скифско-сарматских слов лишь 167 можно считать иранскими, а 258 наверняка таковыми не были. Л. Згу ста из 613 собранных им скифских имен иранскими считал лишь 286 (Алиев, 1960, с. 102).

СКИФСКИЕ ЭТНОНИМЫ, ТОПОНИМЫ, ОНОНИМЫ

Иранисты не только избегают упоминания таких скифо-тюркских личных имен, как «Папай» («Бабай») («предок»), «Апи» («Апай») " («мать», «матушка»),

«Дтей» («Ата») («отец»), но и не могут правдоподобно объяснить этимологию имен легендарных скифов — Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай и др., которые имеют весьма прозрачные поныне бытующие тюр-

кские значения (Мизиев, 1986, с. 45).

С позиций иранских языков до сих пор остаются необъяснимыми основные скифские этнонимы: «ашкузы», «скуты», «скифы», «сколоты» и др. В то же время эти этнонимы являются тюркскими терминами, полностью отвечающими скифским значениям.

Как известно, среди тюркских племен в древности одним из распространенных колен было «Ас-киши» или «Ас-кизи». Нет сомнений, что библейское название скифов, «Ашкузы» — тот самый тюркский этноним. По широко распространенной в тюркских языках закономерности перехода з/с в д/т интересующий нас термин в чужеродной среде легко мог превратиться в «ашкут». Такому переходу звуков множество примеров из казахского, татарского, башкирского, карачаево-балкарского и других языков: «тарка»/«сарка», «тын»/«сын», «казыр»/«кадыр», «барзым»/«бардым», «ыргыз»/«ыргыт» и т. п.. Подобный переход не был чужд ~и греческому языку: «фазис»/«фазид», «гиппанис»/«гиппайид», «танаис»/«танаид» и др. При отсутствии шипящих звуков греки не могли произносить «ашкут» иначе, как «аскут». Начальный звук «а» варварского термина мог потеряться в иноязычной среде, как, например, «Ыстамбул»/«Стамбул», «Ысхауат»/«Схауат», «Ышканы»/«Шканы» и др.

Таким образом, этноним «Ашкут»/«Аскут» легко превращается в «Скут», что в русском переводе звучит как «скиф». Следовательно, термин «скут» является порождением греко-римской книжной традиции в результате искажения тюркского «Ашкуз»/«Ашкут». Тем* самым мы находим подтверждение словам Ф. Г. Мищенко, что термин «скут» может быть искажением туземного слова.

А вот предпринятая В. И. Абаевым попытка объяснить термин «скут» как германское слово «скут» — «стрелок из лука», «стрелять», лингвистами не принята (Абаев, 1865, с. 25),

Известно, что скифы-кочевники, или царские скифы, называли себя «сколоты», или «сколты». До сих

пор этот -термин не нашел разъяснения ни в одном из языков. Возможно, он тождественен карачаево-балкарскому термину «ысхылты», или «схылты», означающему высшую социальную знать общества (Мизиев, 1986, с. 48).

В «Декрете в честь Протогена» (Шв. до н. э.) царские скифы названы скифским термином «сай». До сей поры не объясненный термин «сай»/«сый» — не что иное, как половецко-караимское и карачаево-балкарское слово, означающее «почет»/«уважение». Отсюда происходят слова «сайгъа»/«сыйла» — «почтенный», «почетный», «почитаемый», «уважаемый»; «саГйла» — «выбор», «избранный», «выборный» и т. п. (Там же).

Имеют место и другие толкования термина «сколот» (см. ниже). Геродот указывал, что сами скифы именуют себя «сколот». Сколотов, которые управляли всеми разноязычными «скифскими» племенами, древние авторы называют «царскими скифами». Именно из их среды вышли все скифские цари, в их числе и знаменитый Атей/Ачей, который в IV в. до н. э. объединил все три части Скифии в единое мощное государство и который погиб в 90-летнем возрасте в 339 г. до н. э. в битве с войсками Филиппа II, отца Александра Македонского, пытавшегося завоевать Скифию. Б. Н. Граков сколотов называет собственно скифами-кочевниками (Граков, 1977, с. 120).

Сколоты, или царские скифы (они же собственно скифы), состояли из четырех этнических близкородственных племен — «авхат», «катиар», «траспи» и «паралат». По некоторым признакам, Прежде всего по их тюркскому самоназванию, именно эти скифские племена многие ученые считают тюркоязычными. Согласно скифской легенде, они произошли от сыновей родоначальника скифов Таргитая. Геродот (IV, 6) пишет: «Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспи ев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами» (Геродот, 1972, с. 188),

Названия упомянутых выше племен, как и имена Таргитая и его сыновей, иранисты неоднократно пы-

тались этимологизировать, исходя из иранских языков*
Чтобы получить желаемый результат, они изменяли и переставляли буквы и даже целые слоги в слове, иногда даже целый этноним, антропоним, а затем делали далеко идущие выводы.

К примеру, возьмем термин «паралат». В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, другие видные языковеды-иранисты этимологизировали это слово, исходя из древнеиранского языка. По их утверждению, в древности оно произносилось как «парадата», что в переводе с персидского якобы означает «поставленные во главе», «предустановленный», «исконноназначенный» (Абаев, 1974, с. 298). На основании этого весьма сомнительного объяснения построена легковесная концепция в отношении всех скифов и их языка (как иранского), которую большинство скифологов взяло на вооружение как научную установку.

На самом деле названия сколотских (скифских) племен, а также многих других племен, которые античные авторы именуют «скифскими», легко объяснимы на тюркских языках. Приведем примеры.

«Авхат». От тюркского слова «абак» («дядя по отцу») - (• соединительная фонема а + суффикс мужественности т, характерный для общей тюрко-монгольской лексики (ЭСТЯ, т. 11, 1978, с. 10-11; Малое, 1951, с. 51).

«Катиар». От тюркского «каты» («твердый», «стойкий») + «ар»/«эр» «стойкие мужчины» («люди») (этимология наша. — Авт.).

«Траспи». От тюркского «тар» («узкий») + «сепи»/«спи» («глаз») - «узкоглазый». Подобную этимологию давал и сам Геродот (IV, 27; 1972, с. 193).

«Паралат». От тюркского «бор»/«бёрю» («серый» в значении «волк») + «олот»/«элэт» - «волчье племя».

Волк, как известно, был тотемным животным древних тюрков (Гордлевский, 1947, вып. 4). ^

«Сколот» (самоназвание скифов) М. А. Хабишев этимологизирует^ из тюркского «сак» + «олот» («племя») «осторожное племя». Само слово «сак» означает «осторожный» (Хабишев, 1987, с. 18).

Г. А. Гейбуллаев считает, что «сколот» образовано от «иск»/«эски» («старый», «древний») + «ел» («пле-

мя»=«древнее племя». «Скол» схож с древнетюркским этнонимом «эскил», «ешкил» (племя древних булгар). В настоящее время этноним «ешкил» бытует среди части каракалпаков, узбеков, кыргызов. Типологически он стоит рядом с тюркскими этнонимами скифских и сарматских племен «басил»/«барсил» -г- от «бас»/«баш» («голова» + «ил»/«эл» («племя», «народ»))«главное племя» (— Авт.); «кергил» «чигил» и др. В них есть тюркский корень «эл»/«ил» («племя», «народ») (Гейбуллаев, 1991, с. 310, 314).

«Акацир». М. З. Закиев пишет, что среди скифских слов много этнонимов с тюркским, корнем «эр-ир»/«эрк»-«эркек» («муж», «мужчина», «люди», «мужественный»), а также с окончаниями-лы,-ты, характерными для тюркских языков. Крупное скифское племя, жившее в лесистой местности на Дону, частично на Северном Кавказе, называлось «акацир» («акачир») (греки писали тюркское ч как if). Слово «акачир» состоит из «агач»/«акач» («лес» + «эр» («мужчина», «люди») - «лесные люди» (Закиев, 1986, с. 24, 29). Об акачирах писал в 442 г. Приск Панийский, который был послом у гуннского царя Аттилы, и готский историк Иордан (IV в. н. э.), М. З. Закиев полагает, что «хазары идентифицируются с акацирами» (Там же, с. 25). В качестве гипотезы можно предположить: Хазары являются потомками скифов-акациров. Некоторые ученые считают, что этноним «хазар» состоит из «хаз»/«каз» («гусь») + «ар»/«эр», т. е. «гуси-люди». Видимо, этноним «казак»/«казах» связан с тотемной птицей гусем («каз» — «гусь» + «ак» — «белый» * «белый гусь»),

«Агафирс». Этноним «акацир» греческие авторы чаще всего писали как «агафирс». При этом буква с является обычным греческим дополнением к слову, а звук ф передает изначальное т, т.е. «агатир». Это слово является фонетическим производным от тюркского «агачир». В МУвв. н. э. агафирсов упоминают Плиний, Помпоний Мела, Клавдий Птоломей, Юлий Солин, Аммиан Марцеллин. Птоломей помещает их выше тюркоязычных саваров (суваров), которые были родственны савроматам (Гейбуллаев, 1991, с. 293-294).

76

«Савромат». Это слово образуется от этнонима «савар»/«сувар» т «ЭР» («водные люди») ? компонент «мат».

Этноним «Агаджеры» сохранился в Азербайджане

как топоним «Агаджеры-даг» («Агаджеры» + «гора». Такой же топоним имеется в Иранском Азербайджане (Гейбуллаев, 1991, с. 294).

«Аримаспи». Это скифское племя, жившее в Северном Причерноморье» было тюркским. Основываясь на сведениях Геродота, называющего их «одноглазыми», М. З. Закиев пришел к заключению, что под этим этнонимом подразумеваются люди с «наполовину закрытым глазом»: от тюркского «йарым» («половина») + «сепи» («глаз») ж «полуоткрытый глаз», в смысле «узкоглазый» (Закиев, 1986, с. 17).

«Арим» происходит от «йарым», так как для огузской группы языков характерно, что некогда слово «йарым» имело форму «арим».

Г. Д. Филипс считал аримаспов тюрками, а В. Томашек — предками гуннов и тюрок (Доватур и др., 1982, с. 256).

«Будины». От тюркского «буд» («волк») + «ин»/«йан» («Дух» - «волчий дух». Возможно, «будин» означает «племя», «народ», «население» (ДТС, с. 108). У карачаевцев существует древний род «будиан», в который входят Боташ, Байрамукъ, Акбай, Элкан, Теке, Чотча и другие фамилии — всего 10.

«Исседон» —. это тоже тюркское племя: от «ич»/«ис» («подкладка» + «одежда») - «имеющий одежду с подкладкой». Так считает Г. А. Гейбуллаев (с. 296), но данную этимологию нельзя признать убедительной. Скорее Всего, с древнетюркского языка надо переводить не «ич»/«ис», а «исси»/ «иссе»~ («горячий») + «дон» («река») = «горячая река», в смысле «живущие у горячей реки», вернее, «у горячих источников», а таковые с древнейших времен известны в районе Пятигорья. Карачаево-балкарцы, древнейшие жители Пятигорья, до сих пор эту местность называют «Иссисуу» — «Горячая вода». Отсюда и русские казаки называли свою станицу Горячеводская. Она расположена рядом с Пятигорском, где много горячих минеральных источников.

«Иирки» («тюрки»). Это тюркоязычное скифское племя (о нем сказано выше). Многие ученые (П. И. Шафарик, З. И. Ямпольский и др.) иирков Геродота отождествляют с тюрками. Помпоний Мела и Плиний Старший (I в. н. э.), как уже говорилось, прямо писали именно о тюрках (турках, тирках), проживавших в Северном Причерноморье (АЙСК, 1990, с. 100, 108).

«Саки». Многие авторы отождествляют их со скифами и савроматами, а также с их потомками — сарматами. Большинство специалистов считает, что саки были исконными жителями Казахстана и Средней Азии и явились, прямыми потомками племен бронзового века (Литвинский, 1972, с. 156).

Со своей исконной территории они -не позже VII в. до н. э. проникли в Иран, Переднюю и Малую Азию, Закавказье, в том числе в Кавказскую Албанию, где с давних пор жили отдельные тюркские племена. Геродот писал, что персы называют скифов «саками» (Геродот, 1972, с. 333). Многие античные и современные авторы отождествляют эти родственные племена, что дает основание утверждать, что саки, как и скифы, были тюркоязычными, хотя среди среднеазиатских саков ираноязычных племен, видимо, было больше, чем среди скифов. Некоторые исследователи предполагали, что саки первоначально не были иранцами, а переняли иранский язык от окружающего населения, или что, по крайней мере, верхний слой саков был тюркским или монгольским (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с.394).

В. И. Абаев полагает, что слово«сак» восходит к осетинскому «сак» («олень»). Если бы на самом деле саки были ираноязычным племенем, то этот этноним сохранился бы хотя бы у одного ираноязычного народа. Таких фактов нет, но зато у тюркских народов этот термин бытует с небольшими фонетическими изменениями: этнические группы «шага» — у казахов, «шагай» — у узбеков, «саке» —у кыргызов, «шаклер» — У туркмен, «шаукай» — у ногайцев, «сакай» — у хакасов (Гейбуллаев, 1991, с. 84-90). Кстати, саккайский язык — это диалект хакасского языка. Якуты не случайно называют себя и свою страну термином

«Саха». У некоторых тюркских народов, в частности, карачаево-балкарцев, сохранилось собственное имя «Шакай», «Шакман», «Шамай», «Сакинат».

Скифов-тиссагетов, массагетов Эйхвальд, Хансен и некоторые другие ученые считают тюрками (Доватур и др., 1982, с. 227).

Агриппей. Геродот сообщает, что они были лысыми (и мужчины и женщины). По всей вероятности они сбривали волосы. Одни ученые полагают, что эти племена жили в горах Кавказа, другое же считают их предками нынешних башкир и древнейшими жителями Урала. По мнению М. З. Закиева, термин «агриппей» образовался от «эр»/«ар» + «ат» («конь»). Коня греки называют «гиппоо», отсюда и «агриппей» (Закнев, 1986, с. 27).

Эорпата. Геродот переводит этот этноним как «мужеубийца» (от тюркского «эор»/«эр» — «муж» ч- греческое «пата» — «убивать») (IV, 110). Так называли амазонок — женщин, которые участвовали в войнах наравне с мужчинами.

Энареи. М. З. Закиев полагает, что это слово образовано от тюркского «ана»/«эне» («мать», «женщина, 175) + «эр» («муж», «мужчина») с общим значением «женоподобный мужчина» (Закиев, 1986, с. 27). По-видимому, это были евнухи, ставшие таковыми, как писал Гиппократ, из-за долгой езды на лошадях (Гиппократ, О воздухе, водах и местностях, 29),

Меоты. От тюркского слова «мете» («глина», «ил») (Закиев, 1986, с. 27). Есть другая этимология этого слова из адыгского языка: «ме» («вонь») + «нате» («болото»), т. е. «вонючее болото» .

Тур/тюрк. Крупное сакское племенное объединение в Средней Азии. Термин «гуран» выводится из слова «тур» и означает «страна туров/тюрок». Впоследствии Туран стали называть «Туркестан». По мнению некоторых исследователей, Тюрк был сыном библейского Яфета. С этим словом связан один из прародителей тюрок — Афрасиаб. В древнеиранском трактате «Города Ирана» говорится о том, что город Ганзак в древнем государстве Атропатена построил туранец Афрасиаб (Касумова, 1985, с. 22). Афрасиаб был тюркским героем, и в иранском эпосе он выступает как

главный враг Ирана. Его имя несколько раз упоминается в Авесте, где он также представлен как главный противник иранцев. В иранских источниках туры именуются также «саками», характерной особенностью которых было то, что они ездили на лошадях. В Авесте, говорится: «туры с быстрыми конями» (Короглы, 1970, с. 104; Фрай, 1972, с. 67-68).

Приведенные факты говорят о том, что скифы и саки в своей основной массе были тюркоязычными племенами. Мы сознательно не обостряем вопросы, связанные с попытками доказать ираноязычность названных племен. Однако следует отметить, что иранисты самым невероятным образом пытаются объяснить скифо-сакские термины из иранских языков, хотя, как известно, видный лингвист-иранист В. ф. Миллер утверждал, что «апи», «папай» и многие другие скифские термины, в частности имена скифских богов и многие этнонимы, не были иранскими (Миллер, 1987, с. 132).

Топонимика древней Скифии и древнего Турана также подтверждает правильность теории тюркоязычности скифов и саков.

Здесь необходимо прежде всего остановиться на названиях рек Скифии, которые иранисты толкуют как иранские, что является главным козырем теории ираноязычности скифов. По их мнению, самым веским доказательством являются названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай. Если это иранские гидронимы, возникает естественный вопрос: почему же названия многочисленных притоков этих рек не являются иранскими, а притоки Дона носят в основном тюркские названия? Ответ на этот вопрос аргументированно дает М. З. Закиев, считающий вышеупомянутые гидронимы тюркскими. Аргументы в пользу этого мнения приведены ниже. ~

«Дон». От тюркского «тын» — «тихий». Недаром русские называют Дон «Тихим Доном». В скифское время эту реку именовали «Танаис», что напоминает тюркское «тыныс/тынч» («тихий», «спокойный»). Слова «тын» и «тыныс» затем могли быть восприняты вообще в смысле «река», ибо они встречаются в других гидронимах (Закиев, 1986, с. 27).

80

«Днестр». - «Тыныч» + «тыр» - «тынчдатыр» («успокойся»).

«Днепр»' — «Борисфен» (вернее, «Борисден»). «Бо-

рис» от «борыс»/«борыш» («извилистая», «поворачивать», «повернуть») + «ден» (видимо, восходит к слову «дон» («тын»), в целом «извилистая река». Получается «Дынборуо, сокращенно «Дыныбор» и «Дынепр».

«Истр». Так называли Дунай при скифах. Современное название реки происходит от тюркского «тынай» в значении «успокоиться», «сделаться тихим» (Там же).

М. З. Закиев считает, что «в Скифии названием одной реки «Тын» иди «Тыныс» (Дон или Тайаис) в смысле «тихий» стали называть и другие тихие, т. е. не горные реки». По его мнению, * тюркское слово «ыдан» («тропинка», «межа», «путь») могло означать «реку», и слово «ыдан» («дан»—«доц») вполне могло означать не только тропинку/дорогу, путь, но и реку (Закиев, 1986, с. 29-30).

Проф. М. А. Хабичев пришел к подобным же. выводам: он также считает, что в древнетюркском языке слово «тан» означало «река». Отсюда и тюркские гидронимы Дон, Днепр, Днестр, Дунай, названия многих других рек Причерноморья и Северного Кавказа (Хабичев, 1982, с. 32, 36, 40-44).

«Сиваш». Искаженное тюркское «сайбаш»: «сай» («мелкий») -I- «баш» («сторона») -* «мелкая сторона».

«Кавказ». Это слово образовалось от тюркского «капу» («дверь»/«проход») + этноним «кас» с общим значением «проход касов». Древние каспии жили в Закавказье, главным образом на западном берегу Каспийского моря, в том числе в районе Дербента. В древности Дербентские ворота назывались «воротами касов» («Кавказ»). Потом это название распространилось на весь регион. Арабы называли Кавказ «Каб»/«Габ1», а персы — «Каф»/«Гаф». Эти термины восходят к тюркскому «Капу»/«Капыг». Плиний писал, что скифы называли Кавказские горы «Кроукас», т. е. «белые от снега». Этот термин состоит из «кырау» («изморозь», «снег») + «кас» («скала»), т. е. «снежная скала» (Гейбуллаев, 1991, с. 300). «Кас» имеет так же значение «бровь», «вал», «возвышенность», «высокий гребень» (Мизиев, 1991, с. 47).

6 Заказ №1487 81 '

«Яксарт». От древнетюркского «силик» («чистый», «благородный») (ДТС, -с. 500). Древние греки называли эту реку ближе - к тюркскому значению — «Си- * лио».

Тюркскими были имена почти всех скифских богов и царей, скифские слова, обозначающие кровное родство, и т. д.

«Апи»/«аби» — «прабабушка», «прародительница» (ЭТСТЯ, т. I, с. 220-221).

«Апа»/«аба» — «мать», «предок», «отец» (ДТС, с. 644). По Г. И. Рамстедту, слово «аба» в урало-алтайских языках означало «отец», «высокопоставленный», «достопочтенный» (Рамстедт, 1957, с. 184),

«Бити». От древнетюркского «бит»/«вид» — «лицо», «физиономия» (ДТС, с. 103).

«Баба» — «предок», «прадед», «родоначальник» (ЭСТЯ, т. II, 1978, с. ^ 10-11).

«Иркин» — «дс^дь» (ДТС, с. 212).

Имена почти всех известных науке скифских царей тюркские.

«Атей» — «отец» (по-татарски — «атий»).

«Ада» — «отец», «старший брат», «господин», «хозяин».

«Аспак» — от «ас» («ласка», «польза», «выгода», «радовать», «нравиться»); или от «ее» («ум», «разум»): или от «еш» («товарищ», «опора», «поддержка») + «бак»/«баг»/«бег» — («предводитель», «князь», «вождь»).

«Испакай» — второе имя скифского, царя Мадия (Матая). Это имя можно читать и как «Ашпакай» (Дьяконов, 1957, с. 65). Имя этого царя, скорее всего, было «Исбакай», или «Эспакай» от тюркского «ис» («благовоние», «слава») ил^ «ее» («разум», «ум») + «бак»/«бек» («князь», «предводитель») (ЭСТЯ, т. I, с. 38; т. II, с. 38-40). '

«Таксах» — от древнетюркского «танг» («чудо», «удивительный», «изумительный», «крепкий», «сильный») + «усак» («маленький», «ребенок», «дитя», «мальчик») - «удивительный мальчик» (Гейбуллаев, 1991, с. 304).

«Скопас» — от «Эскопас» («предводитель»). Компонент «бас»/«баш» характерен для тюркских антропонимов: «Айбас» — «луноголовый», «Карабаш» — «черноголовый» и т. д. (Авт.).

«Спаргапиф» (Геродот, кн. IV, 76) — скифский царь из Северного Причерноморья; такое же имя бы-

ло у сына саксской царицы Тома рис (Тамарис), Оно, видимо (по Г. А. Гейбуллаеву), звучало по-скифски как «Бсбирокбит» — от тюркского «ее» («ум», «разум») + «бирок» («только один»+«бит» («вырасти») с общим значением «расти только умным» (Там же, с. 305; ЭСТЯ, т. II, с. 151, 154).

«Ханахис». От «хонак»/«конак» + греческое окончание «ис». Это слово В. И. Абаев объясняет из осетинского «хонек» («приглашающий» (Абаев, 1965, с. 168), а Э. А. Грантовский выводит это слово к индийскому «капака» («копатель», «копающий»). Скорее всего, оно восходит к древнетюркскому «хунак» («опора»). Личное имя «Конак»/«Кунак» бытовало также у аваров, булгар, хазар (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161). Слово «конак» в значении «гость» и «опора» бытует у карачаево-балкарцев и в настоящее время.

«Таргитай». По В. И. Абаеву • — от иранского «долгомощный» (Абаев, 1982, с. 306). В последнее время некоторые этимологи имя родоначальника скотов выводят из тюркского ' «тарга»/«таруге» — «здоровый», «шустрый», «ловкий», «подвижный», «поворотливый» (ЭСТЯ, III, 1980, с. 240). Предлагают и другие толкования этого антропима, например, от тюркского «торага» («хищная птица») + компонент «тай» («подобный») — «птицеподобный» и т. д.

«Липоксай». От тюркского «липок»/«лыппык» («плоский») + «сай» («река») - «плоская река» в значении «разливающаяся река».

«Арпоксай». От тюркского «арпа» («ячмень») + «сай» («река»), дословно — «ячменная река». Возможно, это слово образовалось от «ар» («рыжий», «бурый», «красноватый») (ДТС, с. 50) + «пок»/«бокъ» («навоз», «грязный» (ДТС, с. 111).+ «сай» («река») в «бурая, грязная река», в смысле «мутная река»..

Над этимологией этого слова надо еще поразмыслить, но вторая часть имен всех трех братьев

«сай»/«чай»/«суу» — несомненно означает «река», «вода». Ведь в легенде о происхождении скифов говорится, что их матерью была река.

«Колаксай». От «кулак» («рукав») (ДТС, с. 465) + «сай» («река») - «рукав реки», в смысле «приток».

«Скифарб». От тюркского «ее» («ум»), «кут» («счастье») + «ар»/«эр» («мужчина», «герой») с общим значением «умный, счастливый герой».

«Олкаба». От «улуг» («большой», «великий», «сильный», «гордый») + «бай» («богатый») в смысле «большой богач».

«Телестра» (царица амазонок). От тюркского «теле»/«дала» («дерзкий», «смелый») + «шат» («принц») + «ар» («герой») в значении «смелая принцесса-героиня».

«Давкет». От «дай»/«тай» («жеребенок») + «кет»/«кед» («сильный», «крепкий») - «сильный жеребенок» (ДТС, с. 292).

«Марсагет». От древнетюркского «барс» («тигр») (ДТС, с. 84) + «кет»/«кед» - «сильный барс» (У хазарского кагана был сын по имени Барсбек: «Барс» + «князь». Древнетюркское слово «кед» имело значение «сильный».

«Тамар(ис)» (сакская или массагетская царица). От тюркского «тамар»/«тамыр» («жила» (кровеносная) + ис (окончание, добавленное греческими авторами).

«Басил». От «бас»/«баш» («голова» + «ил» («племя») - «главное племя».

«Башир». От «баш» («голова» + «ир»/«эр» («мужчина») в значении «мужчина с головой».

«Скил» (У в. до н. э.), «Скилур» (II в. до н. э.) — скифские цари. Видимо, их имена образованы от «эс» («ум», «разум») + «кол»/«кул» («правитель», «хан») - «умный хан».

«Сколопит». От «эскол» («умный хан») + «бит» («вырасти») в значении «расти умным ханом».

«Поллак» (сын царя Скилура). Известен и гуннский вождь по имени Болтах. Видимо, от древнетюркского «болак» («дар», «подарок») (ДТС, с. 117).

«Партату» («Бартату») скифский царь УII в. до н. э.). По мнению Т. А. Гейбуллаева, это искаженное «Барсатай»/«Парсатай» от «барс» («тигр», «пантера») + «тай» = «барсоподобный», или «словно барс» (Гейбуллаев, 1991, с. 315).

. «Мади»/«Мадай» (скифский царь, сын Партату/Бартату). Как и имя вождя гуннов III в. Модэ/Матэ,

. " 84

восходит к тюркскому «маты» («прекрасный») или «мат» («верный», «степенный»), а возможно, к древнеуйгурскому «батук»/«батык» («сильный», «крепкий»). «Танай»/«Тана» (скифский царь Средней Азии).

Это имя часто встречается у тюркских народов. «Тана» имеет значение «теленек», «перламутр», «миленький», а также «рассвет», «утренняя звезда»

(«танг»/«данг») (ЭСТЯ, т, III, с. 145).

«Теушпа» (киммерийский царь). От тюркского «туш» («золотое украшение») + «бай» («богатый»). Возможно, это слово произошло от «тюз» («справедливый») + «бай» («справедливый бай») (ЭСТЯ, III, с. 310).

«Тугдамме» (киммерийский царь в середине VII в. до н. э.). Иранисты переводят это имя как «украшающий силой» (Абаев, 1965, с. 126). Видимо, оно звучало как «Тугтомай» — от тюркского «тук»/«тюк» («знамя») + «томай» («шить»), или «тома» («украшать») (ДТС, с. 515).

«Сандакшатру». От «сан» («почет», «уважение») + «даг» («подобный») + «шат» («принц») + «эр»/«ир» («мужчина», «герой») — «уважаемый принц, герой».

«Сандапур». От «сан» + суффикс «ды»/«лы» + «кур»/«кюр» («смелый», «отважный» - «смелый герой» (Гейбуллаев, 1991, с. 319-321).

Не все приведенные этимологии бесспорны, но, думается, они явно свидетельствуют о тюркоязычности скифов, во всяком случае их значительной части.

По словам В. И. Абаева, «не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения» (Абаев, 1949, с. 244). К таким он относит упоминавшийся термин «сколот»; к этому можно прибавить слово «сай», а также имя самого Таргитая — родоначальника всех скифов-кочевников, или царских скифов, и многие другие скифские имена.

При толковании имени «Таргитай» нельзя не вспомнить аварского посла, направленного в 583 г. к римскому императору Маврикию, которого, в передаче Феофилакта Симокатты, звали Таргитий, или же имя старшего сына вождя тюрков из рода Арпад, которое

у Константина Порфиродного звучит как Таргапуй. Сюда же можно отнести имя Тарагай, принадлежавшее сыну золотоордынского хана Хулагу. Кроме всего прочего, имя Таргитай стоит в длинном ряду тюркских имен XIII в., которые приведены в летописи Рашид ад-Дина: Актай, Ашиктай, Гуруштай, Бурунтай, Даритай, Оиратай, Камтай, Кутай, Кутуктай, Кяхтай, Субектай, Тубтай, Уйгуртай, Усутай и др. По своей структуре эти имена очень близки к таким тюркским словам, как «Курултай», топонимам — Алтай, Чагатай, Маматай, Тарбагатай, Джегетей, Джеметей и др. Учеными высказывалось мнение о том, что частица тай в этих именах и терминах означает принадлежность к чему-то: какому-либо народу, обществу или государству, а также выступает в роли аффикса уподобления. М. З. Закиев и М. А. Хабичев считают, что «тай» восходит к древнетюркскому «тан» — «река», «вода» (Проблемы тюркологии, 1964, с. 145; Хабичев, 1982, с. 38).

При разъяснении этого имени надо учитывать и тот факт, что в библейской «Таблице народов» эпоним «Ашкуз» и родоначальник хазар Тагар названы родными братьями. Очень важно замечание В. И. Абаева: «В скифском языке самый распространенный — вид метатезы с участием «Р»: в группе из согласных «Р» не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое» (Абаев, 1949).

О подобной метатезе в трудах древних авторов лингвисты писали не раз. Учитывая эту закономерность, мы можем с полным основанием говорить о переходе «Таргы» в «Тагры». А если к сказанному добавить, что в греческом языке буква «гамма» передавала звуки «Г» и гортанный «Гь» и особенно «НГ», как в слове «фаланга», то наше предположение о переходе «Тагры», или «Тангри» в «Таргы» получает дополнительную аргументацию. Итак, можно заключить: скифское божество Таргитай — не что иное, как общетюркское языческое божество Тангри, Тагри, Тагры, вернее, Тагъры (гъ — гортанный звук).

И, наконец, при объяснении имени Таргитай важно учитывать, что слово «тарх»/«тарг» на тюркских языках означает; «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник».

Таким же образом из тюркских языков объясняется большинство скифских этнонимов, топонимов и собственных имен.

Все вышеизложенные факты из языка, археологии, этнографии, этнонимии, топонимии, ономастики скифов свидетельствуют* о том, что значительная часть скифов, по крайней мере, скоты, или царские скифы, были тюркоязычными племенами.

Сарматы и гунны -предки тюркских народов Болгары и хазары

САРМАТЫ И ГУННЫ -ПРЕДКИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Вопрос об этнической принадлежности сарматов в науке еще не решен, хотя большинство ученых считают их ираноязычными. В подтверждение этой концепции иранисты приводят малоубедительные факты, ссылаясь в основном на сарматскую ономастику. Гораздо больше фактов, к тому же, более убедительных, можно привести в пользу концепции о тюркоязычности сарматов, в то же время признавая наличие среди них не только тюркских, но славянских, иранских, финно-угорских и других племен. Крупнейший сарматолог К. Ф. Смирнов утверждает, что сарматы были ираноязычными, и, по его словам, сарматы — это «общее обозначение ираноязычных кочевников Восточной Европы» (Смирнов, 1984, с. 18). Этноним «сарматы» в переводе с иранского якобы означает «черноволосые», «черношапочники», «смуглорукие», «обладатели серых лошадей» и т. д. (Абаев, 1949, с. 114, 142). ^

Трудно поверить в образование этнонимов с подобными значениями, если эти этнонимы являлись самоназванием. А вот на тюркских языках этимология этнонима «сармат» легко объясняется. По М. З. Закиеву, «сармат» восходит к слову «сарма» — «желтый», «рыжий» с аффиксом «т», обозначающим множественное число, как, например, в этнониме «башкор-т» («башкир») (Закиев, 1986, с. 35).

Возможно, этот этноним состоит из тюркского «сары» («желтый», «рыжий») + «мат» (постпозитивная усилительно-выделительная частица) (ДТС, с. 338). П. Ф. Сум писал, что слово «сармат» означало, может

быть, «то же, что и «рыжие люди», потому что они имели рыжие волосы, от сарматского слова «сар», что значит «рыжий» (Сум, 1948, с. 3).

Интересно отметить, что у современных кыргызов, енисейские предки которых тесно общались с сарматами еще в I тысячелетии до н. э., сохранилась этническая группа под названием «шермат», которое, по всей видимости, связано с этнонимом «сармат» (Абрамзон, 1960, с. 112, 116, 135). Среди каракалпаков имеется этническая группа «сармат», а среди казахов — «сармат телеу» («сарматское племя»). Кроме того, в Казахстане имеется, селение Сармат с казахским населением (Толстова, 1978, с. 9). И все это не случайно.

О многом говорят слова, оставшиеся от сарматов. Большинство из них -тюркские. Приведем ряд сарматских этнонимов, топонимов и личных имен.

«Сирак» (крупное сарматское племя). По-ирански будто бы означает «идущий, танцующий плавно, иноходец» (Абаев, 1982, с. 342). «Сирак»/«чырак» по-тюркски — «лучина» в* смысле «дающая свет», или «светящаяся». Если частица «ак» в иранских языках имеет уменьшительное или ласкательное значение, то в тюркских она обозначает принадлежность — кыпчак, кимаки, казак и т. д. В то же время «ак» является словом в значении «белый». В Кумыкии (Дагестан) есть селение Чирак, в Узбекистане — Катта-Сирак (Большой Сирак), в Туркменистане — село Чиракчы (Толстова, 1978, с. 9-10, 285). В Карачае (под Эльбрусом) есть плато Чырак-Сырты (Чыракское плато).

«Басил» (сарматское-племя). От «бао/«баш» («голова») + «ил/«эл» («племя») * «головное, главное племя».

«Аорс» (сарматское племя). От искаженного тюркского этнонима «орус»/«урус». Среди сарматов были также тюркские племена — турки, гаргары, онгары, дондары, камаки (кимаки, кумыки) и др. (Гейбуллаев, 1991, с. 336).

-Из сарматских топонимов наиболее важным является, наверное, название большого по тем временам города в Европейской Сарматии — «Тамарак». Это

+ «орек» («крепость», «сооружение») в значении «город-крепость». Другой город — Каракент — «великий город» (от «кара» — «великий» + «кент» — «город») и др.

«Амаг» (сарматская царица II в. до н. э.). Это имя иранисты возводят к авестийскому «ама» — «сильный», «могучий», но едва ли девочку могли назвать столь грозным именем. По-тюркски «амак»/«омак» означает «симпатичный», «красиво одетый», или «бодрый», «живой», «веселый» (ЭСТЯ, т. I, с. 452).

«Зорсин»/«Чорсин» (царь кубанских сираков). Образовано от «чор» («витязь», «герой») + «еин»/«чин» (возможно, от «Сий»/«Чин» — так называли Китай)

• «китайский витязь».

«Абеак»/«Обак» (сиракский царь). От древнетюркского «абак» («дядя по отцу», «брат отца») (ЭСТЯ, т. I, с. 64-65). Возможно, и это имя Абак/Аббак (дословно . — «белым-бело»), которое бытует сейчас у чувашей, татар, кумыков, ногайцев, карачаево-балкарцев и некоторых других тюрков.

О тюркоязычности сарматов свидетельствует и сарматская ономастика, восходящая в своей основе к тюркским корневым словам. Ниже даются имена некоторых сарматских вождей.

«Зизаис». Напоминает патриархальное имя Зиза-улу.

«Арагар». От тюркского слова «середина», «промежуток». Вполне возможно употребление в смысле «союзник» (ДТС, с. 50) %

«Усафар». Древне"йоркское «уеар» — «жажда» (ДТС, с. 616).

«Баса». От «сила», «мощь» — «сильный», «мощный».

«Агилимунд». От «агила** — «щедрый» (ДТС, с. 48).

«Видуар». От «видгар» — «разведчик» (ДТС, с. 98).

Этнографические и антропологические данные также подтверждают гипотезу о том, что сарматы принадлежали к тюркскому этносу. Древние авторы, которые были знакомы с их жизнью >\\ писали о них, в один голос говорят, что сарматы были кочевниками-скотоводами, ели конину, пили кумыс, широко использовали аркан.

Очень важно следующее сообщение античных историков и географов. Страбон (I в. до н. э.), побывав на Кавказе, писал, что скифское племя сарматов «употребляло в пищу не только мясо вообще, но в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством» (Страбон, кн. IV, 6; АИСК, 1990, с. 63-64). Не вызывает сомнения то, что здесь речь идет о национальном напитке карачаево-балкарцев и некоторых других тюркских народов — айране.

Плиний и Мела (I в. н. э.) особо подчеркивали, что «вместо домов им (сарматам. —Авт.) служат повозки», что является одной из характерных особенностей быта кочевых тюркских племен (Плиний, кн. IV, 80; Помпоний Мела, кн. II, 2).

Что касается антропологических признаков сарматов, то они совпадают со скифскими, гуннскими и признаками других древнетюркских* племен. Некоторые антропологи считают, что наличие монголоидных черт у части скифов и сарматов говорит о принадлежности их к тюркскому этносу.

На статуэтке из сарматского погребения I в. н. э. изображен мужчина с раскосыми глазами, приплюснутым носом и скрещенными ногами. Антропологические исследования черепов из европейских сарматских могильников и сравнение их с черепами азиатских скифов из горно-алтайского Пазырыкского кургана подтверждает этническую близость сарматов к древним тюркам (Тот, Фирнштейн, 1970). ;

Сарматы и гунны еще в Прибайкалье и на Енисее жили в тесном контакте. У них сложилась единая материальная и духовная культура. Что касается языка, то он, по нашему убеждению, и у тех, и у других был древнетюркским. Во всяком случае, язык сарматов и других, живших в Южной Сибири, никак не мог быть иранским, так как, как сказано выше, ученым не удалось найти там даже следов иранства.

В III в. до .н. э. гунны стали объединяться в племенные союзы и постепенно в поисках пастбищ для скота вместе с сарматами и некоторыми другими родственными племенами начали движение на юг, в сторону Китая, и покорили часть страны. Основная масса гуннов и сарматов двинулась на запад. Спустя короткое время, гунны завоевали почти всю степную

зону Сибири, Алтая * и Средней Азии и в I в. до н. э. оказались на Урале и Поволжье, откуда совершали набеги на Северо-Западный Прикаспий, Северный Кавказ и Северное Причерноморье.

В азиатский период жизни их называли «хунну» или «хунны», а в Европе называли «гуннами». Этот и другие тюркские народы сознательно или интуитивно тянулись к Восточной Европе, прародине всех тюрков.

История гуннов, как и летописание других тюрков, можно сказать, еще не разработана. Те авторы, которые писали о них, показали гуннов только как разрушителей культуры. Действительно, они были жестокими завоевателями, но при этом, нанося удары по рабовладельческим государствам, способствовали разрушению реакционной общественной системы, поэтому их завоевания носили объективно исторически прогрессивный характер. Кроме того, другие народы позаимствовали у гуннов в это время передовые достижения их культуры: организацию скотоводческого хозяйства, технику ведения боя в конном строю, удобную и теплую одежду, особенно меховую, и т. д.

Начавшееся накануне Великой Отечественной войны глубокое исследование истории гуннов известным археологом и историком А. Н. Бернштамом было прервано в начале 50-х годов. Ученого необоснованно обвинили в необъективном освещении истории этого крупнейшего и мощнейшего племени. Стали даже утверждать, что у гуннов-кочевников был низкий культурный уровень, а известный всему миру гуннский памятник I в. до н. э. — Кенкольский могильник, расположенный в Таласской долине Киргизии и исследованный А. Н. Бернштамом в 1938 г. вместе с археологической экспедицией Ленинградского университета — объявили негуннским.

Но «Кенкольский могильник» (Л., 1940), «Очерк истории гуннов» (Л., 1951) и другие книги ученого сыграли огромную роль в изучении истории гуннских племен. В наше время археологи и историки вновь признали ценность научного наследия А. Н. Бернштама и стали ссылаться на его труды. Кстати скажем: археологическая культура раскопанного и описанного им Кенкольского могильника, судя по материалам М. П. Абрамовой, содержащимся в ее книге «Подкумский могильник» (М., 1987), по существенным признакам схожа с культурой сарматов того же времени, которые жили в ущелье Подкумки около Кисловодска. Это еще раз доказывает этническое и культурное родство гуннов и сарматов.

Позитивное влияние культуры гуннов и их непосредственных потомков булгар и хазар на культуру многих народов бесспорно, поэтому вкратце остановим-

ся на ее значении. Как известно, в создании устойчивых этносов огромна роль письменности, так как она, «пусть даже примитивная, доступная вначале лишь немногим, служит знаком подъема коммуникационной структуры общества на качественно новую ступень. Благодаря появлению профессиональных писцов и чтецов речь, запечатленная на камне, звучит вновь и вновь для новых слушателей, для новых поколений слушателей» (Арутюнов, 1989, с. 76).

Одним из первых среди народов многоплеменной Азии гунны, которых в свое время европейцы считали чуть ли не дикарями, создали свою письменность. Уже в 30-е годы I в. н. э. у них уже была оригинальная руническая письменность, о чем сказано выше.

Описавший пайцзу (грамоту, удостоверение) монгольский ученый Каржаубай Сарткожа улы пишет, что в центре пайцзы изображена голода мужчины с густой бородой и усами (европеоида), а вокруг головы отчеканена древнетюрская руническая надпись: «Ой-сенгир, Елшигыты», что означает «Ой-сенгира посла пайцза». Гунны хана (кагана) первоначально называли «ой-сенгиром» (дословно: «высший»), а китайцы именovali его «шань-юй». -

Эта надпись красноречиво свидетельствует о том, что гунны, во-первых, говорили на тюркском языке, что и древние тюрки, и тюркский язык был у них государственным; во-вторых, часть гуннов относилась к европеоидной расе (Сарткожа улы Каржаубай, 1991, с. 440-441).

Л. Н. Гумилев также указывает на то, что гунны, покорившие северную часть Китая в 316 г., «были представителями белой расы, бородатыми и горбоносыми» (Гумилев, 1990, с. 142).

Отдельные группы гуннов, как пишет Клавдий Птолемей (I в. н. э.), стали из-за Волги проникать в Причерноморье и на Северный Кавказ (Птолемей, кн. IV, 12, 14; 1942, с. 238). Оттуда они в союзе с аланами и другими северокавказскими племенами совершали набеги на Армению и Переднюю Азию.

БОЛГАРЫ И ХАЗАРЫ ~-

Наукой доказано, что болгары и хазары были гуннскими племенами, принявшими участие в этногенезе многих современных тюркских народов, в особенности балкарцев, карачаевцев, кумыков, чувашей, татар, башкир, дунайских болгар, караимов. Самоназвание «болгар/булгар/блкар» сохранилось ныне у балкарцев и дунайских болгар -(Бешевяиев, 1939; Смирнов, 1953; Богданов, 1975; Мизиев, 1984, с. 134-144; 1990, с. 101-108; Халиков, 1989).

Наиболее полные сведения о древних хазарах и болгарях содержатся в трудах античных авторов, раннесредневековых армянских, грузинских, арабских историках, у географов (Аммиан Марцеллин, Феофан, Прокопий, Зосим, Константин Багрянородный, Хоренский/Хоренаци, Леонти Мровели, Масуди, Ибн Дауте, Хордадбех и др.). Древнейшим письменным упоминанием о болгарях является сообщение сирийского ученого Мир-Аббаса Котины о том, что в 149-127 гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» (Голубовский, 1888, с. 25; Патканов, 1883, с. 27). Их наследники, нынешние балкарцы и карачаевцы, занимают северные ущелья Центрального Кавказа.

В первых веках новой эры в Северном Причерноморье и прилегающих восточноевропейских степях возникало и распадалось множество союзов племен: антов, готов, гуннов и др. На рубеже IV-V вв. н. э. возникает мощный союз племен, возглавляемый болгарами. Именно этим и объясняются частые отныне упоминания о болгарях в письменных источниках европейских авторов. Этот союз племен предпринял ряд военных походов во Фракию — в 482, 499, 502 гг. В VI в. он достиг могущества и стал широко известен византийским писателям. Распад этого мощного союза связан со смертью хана Кубрата (Кубрата), ставка и столица которого находилась в середине VI в. у устья Кубани в городе Фанагория. После смерти Кубрата его сыновья не выполнили завета отца, и каждый из них со своими подданными переселился в разные места. На родине отцов, в Предкавказье, остался один старший сын, Батбай (Батбаян, Басиан); Аспарух подался на Дунай, остальные болгары поднялись по Дону до Харьковщины, а оттуда перебрались на Среднюю Волгу и основали там Волжскую Болгарию, заложив, таким образом, этническую основу волжских татар. . . .

Под 671 г. византийский писатель Феофан в своей хронике отмечал, что «на восточных берегах Меотийского озера (Азовского моря), за Фанагорией, кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса (Курсив наш.— Авт.), в которой ловят болгарскую рыбу кист, находится древняя Великая Болгария».

В этом сообщении очень важны выделенные нами слова, что Болгария находится для европейского автора «за Меотийским озером, выше реки Куфис», т. е. Кубани, значит, в предгорьях Северного Кавказа.

Вероятно, поэтому К. Патканов, комментируя све-

дения о болгарях в «Армянской географии» (V в.), писал, что болгары жили <на Кубани и южнее. Автор «Армянской географии» Ананий Ширакаци определяет границы древней Болгарии в пределах Азиатской Сарматии, т. е. восточнее Дона, между Азовским морем и Гиппийскими и Кераунскими горами в пределах Северного Кавказа вплоть до реки Сунжи (Смирнов, 1953, с. 9; Артамонов, 1962, с. 167-168). Гиппийские горы многие авторы отождествляют со Ставропольской возвышенностью (См., например, Гадло, 1979, с. 111), а Кераунские, или Керавнийские, горы еще Страбон отождествлял с северовосточными отрогами Кавказа. Говоря о сарматских амазонках, он писал: «Амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются

Керавнийскими» * (Страбон, V, I; АИСК, 1990, с. 74) (Гаргарейцы были предками ингушей (галгаев) и чеченцев (нохчи) — АИСК, с. 220-221).

Таким образом, перекрестное сопоставление византийских, армянских, сирийских и других письменных источников говорит о том, что древняя Великая Болгария, или земля древних болгар, охватывала в IV-VIII вв. почти всю территорию Северного Предкавказья и горные районы Центрального Кавказа. А конкретное / указание источников («выше Куфиса») прямо свидетельствует о', верхнем течении Кубани и ее рукавов.

Указания древних письменных источников со всей полнотой подкрепляются данными археологических памятников древних болгар, обнаруженных во многих местах у устья Кубани в окрестностях Фанагорий, в верховьях Кубани, в окрестностях Кисловодска, в Баксанском и Чегемском районах Кабардино-Балкарии, у сел. Аргудан, у г. Майского, в местности Кешене-аллы Кабардино-Балкарии, у сел. Галиат в Северной Осетии, в других районах Центрального Предкавказья (Плетнева, 1967, с. 7-8, рис. 1-5 и ел.; Ковалевская, 1984, с. 172-174; Биджиев, 1982 и др.).

Мало чем отличалось от болгар другое гуннское племя — хазары. История хазар разработана детально, так как ими больше интересовались как западные, так и восточные авторы, поскольку Византия хотела привлечь их на свою сторону в борьбе с «варварами» и арабами. К тому же, верхушка племени приняла иудейство, многие хазары приняли ислам, а некоторые — христианство. Большинство населения оставалось языческим.

В науке сложилось мнение, будто бы кочевое хазарское племя появилось в Восточной Европе вместе с гуннами в III-IV вв. На самом деле часть гуннов, в том числе и хазары могла быть более древними

населенниками Восточной Европы. Есть мнение, что хазары — это те же скифские (тюркские) племена акациры (по-тюркски — «лесные люди»), переселившиеся из лесов в степи (Гадло, 1979, с. 60).

Во II половине I тысячелетия они создали в Северо-Западном Прикаспии сильное раннефеодальное государство — «Хазарский каганат», — которое

просуществовало с середины VII до конца X вв. Первой столицей каганата был город Семендер, расположенный в Кумыкии, недалеко от нынешней Махачкалы, а с начала VIII в. столица была перенесена в г. Итиль (Эдиль) (близ нынешней Астрахани).

Византийский император и историк Константин Багрянородный (или Порфирородный) (X в.) подробно описывает жизнь хазар и соседних с ними народов. Важно, что хазар и другие тюркские народы, проживающие на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, он называет скифами[^] (Константин Багрянородный, 1991, с. 177).

Император считался с Хазарией как с могущественной страной, и в книге-наставлении сыну «Об управлении империей» (русский перевод: М., 1991) учит наследника престола, как натравливать соседние народы на хазар, пишет, что «узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как эксусиократор Алании» Чс. 51).

.Алан и гу зов византийские политики привлекали на свою сторону и натравливали их на своего главного соперника в Причерноморье. Происходили войны между хазарами и аланами, и к X в. Алания фактически освободилась из-под подчинения Хазарии.

К VIII в. Хазарский каганат подчинил себе почти весь Северный Кавказ и закрепился на берегах Босфора, а затем захватил и часть Крыма.

С Русью хазары поддерживали дружественные отношения. Об этом свидетельствует и тот факт, что в одно время правитель росов в первой половине IX в. принял хазарский титул «хаган» (Новосельцев, 1982, с. 150-159). Отношения же Хазарии с Византией были то добрососедскими, то враждебными. В борьбе с общим врагом — арабами — они выступали как союзники. С ослаблением Арабского халифата в X в. Византия натравила на хазар христианскую Аланию и Русь, и Хазария пала под их ударами и в силу внутренних противоречий (Артамонов, 1962; Якубовский, 1946, т. 3, № 5; Кузнецов, 1962; Плетнева, 1976; 1989).

В борьбе с арабами хазары использовали северокавказских горцев, построив у главных перевалов Кавказа, особенно на территории Алании; крепости. Впоследствии хазары — жители этих крепостей — были ассимилированы среди этнически родственных им тюр-

кских аланских племен.

Арабские авторы Ал-Истахри и Ибн-Хаукаль писали: «одни из хазар были очень смуглые» их называли «карахазарами» (буквально по-тюркски — «черные хазары»), а другие — светлые, белые, «видные по красоте и наружным качествам» (Караулов, 1908, с. 113; Гадло, 1979, с. 175).

В середине X в. Хазарское государство распалось, подчиненные хазарам северокавказские народы обрели независимость. Именно к концу хазарского периода отдельные племена стали формироваться в народности. В VIII-X вв. из алан, асов, болгар, хазар и автотонных кавказских горцев сформировалась раннефеодальная карачаево-балкарская народность (Караева, 1966, с. 5-6; Лайпанов, 1992, №№32-33).

Хазары, болгары и аланы были также одним из компонентов в формировании кумыкской народности (Магомедов, 1983).

Таким образом, сумма приведенных выше материалов неопровержимо доказывает, что сарматы, гунно-болгары и хазары являлись потомками скифов, а те, в свою очередь, были генетическими преемниками древнейших кочевников древнейшей культуры эпохи неолита. Тюркоязычность всех перечисленных племен не подлежит сомнению. Не надлежит сомневаться и в том, что традиционная культура тюркских народов всеми своими корнями уходит в глубь скифской, гуннской, сарматской, аланской, болгарской и хазарской культур. И, наоборот, ни один из индоевропейских народов не сохранил ни единого элемента этнической культуры скифо-сарматских племен.

Аланы — тюркские племена Заключение

АЛАНЫ — ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА

В I тысячелетии н. э. тюркские племена Азии и Европы сформировались как раннефеодальные народности. Многие из них имели свою письменность и государственность. Одним из мощных тюркских племенных объединений был аланский племенной союз, господствующий на Северном Кавказе с I по IV вв.

н. э. После разгрома алан гуннами в 375 г. часть их ушла на запад, а другая часть отступила в горные районы Центрального и Западного Кавказа и сыграла заметную роль в истории народов Кавказа, Восточной Европы, Передней и Малой Азии.

Часть алан под натиском гуннов отступила на запад и дошла до Франции и Испании, а оттуда аланы

переправились через Гибралтарский пролив и, захватив значительную часть территории Северной Африки, создали на нынешней территории Алжира, Марокко и Туниса алано-вандалское государство. Оттуда на кораблях они совершали набега на Рим и в конце V в. разрушили его. Впоследствии аланы слились с местными племенами, в частности, приняли участие в формировании испанского народа. В Каталонии (по-тюркски — «Вторая Алания») они составляли значительную часть населения. Испанский этнограф Хосе-Мануэль Гомас-Табанера отмечает, что тюрки-аланы принимали участие в этногенезе испанцев (Советская этнография, 1966, № 5, с. 62).

Те аланы, которые остались на Северном Кавказе, заключили союз с гуннами и принимали участие во всех их походах в Переднюю Азию и Западную Европу. Они вместе с гуннами разгромили плов в 376 г., после чего часть готов осталась в Крыму, вестготы ушли с Северной Причерноморья в пределы Римской империи, а остготы стали союзниками гуннов и принимали участие в их походах.

В течение короткого времени основная масса гуннов покорила большую часть Европы, дошла до Франции. Только после смерти Атилы в середине V в. огромная гуннская империя распалась на отдельные части. Как видно из античных источников, гунны не только держали в страхе народы Европы и Западной Азии, но и служили в войсках Римской империи, Персии

и т. д. Египетский епископ Синезий в конце IV в. писал: «Нельзя не питать страха при виде отрядов

молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим традициям и замышляющих враж-

дебные нам планы... Достоин удивления, что эти белокурые варвары, носящие распущенные волосы, у одних исполняют роль прислуги, а в политической

98

жизни занимают начальственные места». (Успенский, 1913, т. I, с. 165-168).

За 130 лет до н. э. китайский автор Чжань-Цянь писал, что «восточная часть канпойцев признавала над собой власть хуннов». Кроме того, он отмечал, что в среднем течении Сырдарьи многочисленный народ под названием канпой (до 120 тыс. кибиток) принадлежал племени канглы*. Остатки последних обитали в этих районах еще в XIX в.

Из сказанного вытекает, что племя канпой, с которыми «во всем сходствуют яньцай и алан-асы», было тюркским племенем, подвластным хуннам, сродни кипчакам и канглы.

Необходимо отметить еще один важный момент: китайские источники сообщают, что «Канпой — кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юечжисцами». А юечжисцы, точнее, юечжи, «совершенно сходствует с хуннами». Следовательно, мы можем сказать, что народы яньцай, канпой, юечжи и хунну во всем сходны между собой и являются тюркскими племенами* Канпой занимал, степи от Сырдарьи к северу, яньцай — к северо-западу от Кднпоя, а юечжи — степи между Сырдарьей и Амударьей. Новейшие исследования показывают, что область расселения канпой включала земли Каракалпакии, Узбекистана, Юго-Западного Казахстана. Вряд-ли кто-нибудь из историков и этнографов станет спорить о том, что канпой (канглы), во всем сходные с аланами-асами, являются тюрками (Бичурин, 1951, с. 150-152).

У античных авторов термин «алан» впервые встречается в Гв. Авторы I в. Сенека, Анней Лукан, Валерии Флакк, Иосиф Флавий и др. прочно локализируют алан на Кавказе и связывают их с событиями в этом регионе (Ковалевская, 1984, с. 85). Об опустошительных набегах алан в 72-74 и 135 г. н. э. на Кавказскую Албанию (Азербайджан), Иберию, Армению, Мидию, Малую Азию пишут многие авторы того времени -(История народов Северного Кавказа, 1988, с. 86).

В одежде, вооружении, украшениях, предметах туалета в материальной культуре алан первых веков

7* 99

нашей эры продолжают доминировать сарматские традиции (Там же).

О северокавказских аланах писали Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци), грузинские источники, именовавшие алан «асами» («овсами») и др.

Но наиболее полные и подробные сведения об аланах мы находим у Аммиана Марцеллина (IV в.). В своем многотомном труде «История» он писал: «Аланы высоки ростом и красивы, с умеренными белокурыми волосами, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов только с более легким и более культурным образом жизни». И тут же добавляет, что «они по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему как Марсу» (Подчеркнуто нами.— Авт.) (Латышев, 1906, с. 341).

Сопоставительный анализ культур и быта алан и гуннов, о которых сообщает Аммиан Марцеллин, не оставляет сомнений в том, что варварами в данном случае выступают гунны. А тот факт, что аланы поклоняются мечу, со всей очевидностью говорит о тюркском характере алан. Это подтверждается и тем, что мечу поклонялись и предки гуннов, скифы. О том, что гунны поклонялись небесному мечу Марса, сообщал хорошо знавший гуннов римский писатель Приск (Иордан, 1965, с. 90, 91, 102).

Сравнительное изучение тюркско-монгольского эпоса приводит исследователей к убеждению, что «преклонение перед оружием привело к возникновению культа «бога меча», буквально «меча» (Липец.-Советская этнография, 1978, с. 109).

Вопрос о том, кому принадлежали средневековые катакомбы Северного Кавказа, до сих пор изучен мало. Многие ученые бездоказательно приписали их ираноязычным племенам, но известно, что у тюрков-гуннов погребения были катакомбными (Бернштам, 1940). Нельзя не учитывать и новые факты: в катакомбах верховьях Кубани очень часто обнаруживаются древнетюркские рунические письмена. Впервые об этом факте сообщили в 1963 г. У. Б. Алиев, А. Дж. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабичев (Алиевой др., 1963). Тексты этих и других рунических надписей, обнаруженных в Карачае и Балкарии, а также других регионах Европы исследовали лингвисты М. А. Хабичев (1970; 1972; 1987), С. Я. Байчоров (1989).

В последние годы в Дагестане обнаружено и изучено множество катакомб, оставленных хазарами (Магомедов, 1983, с. 28-64 и ел.).

Учитывая эти факты, необходимо к этническому определению принадлежности средневековых катакомб Северного Кавказа подходить осторожно и дифференцированно. К этому призывают и некоторые сведения письменных источников. Мы имеем в виду игнорированное многими авторами сообщение итальянца Плано Карпини о том, как куманы, или кипчаки, хоронили своих умерших. Он писал, что «они тайком идут в июле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку это* ямы делают яму под землею», куда и кладут покойника. Такой метод захоронений бытует доныне у казахов, кыргызов и некоторых других тюрков Средней Азии. Как видим, здесь речь; недвусмысленно идет о катакомбном захоронении (Путешествие, 1957).

По мнению ведущих специалистов по сарматско-аланской культуре, прежде всего М. П. Абрамовой, И. В. Ковалевской, земляные катакомбы пока еще не могут без тщательного анализа считаться этнической особенностью северокавказских алан (Абрамова, 1982, с. 15; Ковалевская, 1984, с. 92).

Нам кажется, что ключ к пониманию истоков катакомбной культуры дал крупнейший специалист по Средневековой археологии евразийских степей А. П. Смирнов, который писал: «К сожалению, вопрос о происхождении катакомбных захоронений еще не разобран, их прототипами, скорее всего, являлись могильные памятники гунно-сарматского времени на Г Алтае и в Семиречье» (Смирнов, 1971, с. 300).

*> Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что аланы или асы были тюрками. .

Данные о языке алан также свидетельствуют об их тюркоязычности. Что же мы знаем о нем?

Восточные писатели, хорошо знавшие алан и другие тюркские народы, называют их тюрками (туркалман). Асов (ясав), т. е. тех же алан, хорошо знали; русские летописцы, упоминавшие о них многократно. Немало русских князей было женато на ясынях. В комментарии к первому древнерусскому переводу «Иудейской войны» Иосифа Флавия переводчик под-

черкивал, что язык ясов «яко от печенежска рода родяси» (Мещерский, 1968, с. 454,530).

Когда речь заходит о языке алан (асов), ученые обычно ссылаются на Зеленчукскую надпись XII в. Как правило, исследователи, занимающиеся изучением этого памятника, находятся под влиянием авторитета В. Ф. Миллера и В. И. Абаева* пытавшихся прочесть эту надпись, используя осетинский язык — * язык иранской группы,— внося в него новые буквы, даже исправляя уже существующие знаки и пр. Но и после такой правки данный текст на осетинском языке представляет собой лишь бессмысленный набор личных имен и ничего более. В то же время на тюркских языках, в частности, на карачаево-балкарском, он читается полностью и достаточно четко без каких-либо корректировок. Достаточно привести несколько тюркских терминов, встречающихся в Зеленчукской надписи.

«Июурт»/«джурт» — «земля отцов», «родина»;

«ябгу» — титул, означающий «исполняющий обязанности», «наместник»;

«ыййиф»/«джыйып» — «собрав», «объединив»;

«те»/«де» — «скажи», «повествуй»;

«зыл» — год; ^

«итинир» — «стремиться»;

«белюниф» — «отделившись», «разделившись».

Сама же Зеленчукская надпись представляет из себя весьма поучительное и назидательное сообщение: «Иисуса Христа наместника Николая призвав от дома Хобса (Дуло, Батбай; Адван, Суван) объединения один сам адван(т) Бакатар бек от отцовского юрта отделившись в юрт аланов (степей, долин) стремится повествуй год быка» (Мизиев, 1986, 110-116). По нашему мнению, этот памятник не является надмогильным, как считается до сих пор. Это предположение оправдывается и тем фактом, что рядом с его местонахождением нет никаких захоронений.

Вторым памятником, на который обычно ссылаются иранисты, является так называемое аланское приветствие, записанное знаменитым византийским поэтом и ученым XII в. Иоаном Цецем. Чтобы прочесть данный текст с помощью осетинского языка, исследователи ис-

правляли его, переставляли буквы и даже добавляли

102

их. В переводе В. И. Абаева приветствие звучит так: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» Мы подозреваем, что подобное обращение к своему господину, повелительнице в XII в. было в принципе невозможным. Нет сомнений в том, что «аланское приветствие» и Цеца написано на тюркском языке. В его тексте обращают на себя внимание такие общетюркские слова:

«хоо/«хош» — «добро»;

«хотн/«хотын» — «госпожа»;

, «кордин/«кордынг» — 'увидел', «видеть»;

«каитариф» — «вернув», «вернувшись откуда-то»;

«оюнгнг» — идиома, примерно означающая на карачаево-балкарском языке: «Как же так могло быть?» или «Как же так случилось?»

Итак, данный памятник однозначно говорит о тюркоязычности алан (асов).

Тюркоязычность асов, или венгерских ясов, подтверждает и «Глоссарий венгерских ясов» 1422 г., опубликованный Ю. Неметом. Большинство слов этого документа — тюркские (Мизиев, 1986, с. 117-118).

Теперь обратимся к ономастике алан.

Многие выводы отдельных авторов построены на ономастике аланских племен, причем нередко эти исследователи игнорируют явно тюркские имена асов/алан. Приведем несколько тюркских аланских личных имен.

Алда — Впереди, Передовой, Предводитель.

Алдах — Обет, Обещанный.

Аспар — Гордый, Благородный.

База — Сила, Мощь, Опора.

Буюргур — Повелитель.

Кандак — 'Кан/Хан — князь; Кандык — Будущий князь, Принц. '

Хаскар — Волк.

Базук — Толстый, Мощный.

Амбазук — Самый толстый, Наимощнейший.

Хуанхуа — Хунхар — Кровожадный, Лютый, Жестокий.

Урдур — Бьющий, Поражающий.

Бурдухан — Бурди («благоухать») + Хан («князь») «Благоухающий хан.

103

Дургулэль — Тургу (тюркский племенной этноним) + Эл («народ, племя»).

Боренё — Бор («строгий») + Ана («мать») «• Строгая мать.

Худдан — Хитрый.
Алтун — Золото.
Сатхи — Поверхностный.
Узур-Бек — Озар («обгоняющий») -4- Бек («князь»)
Параджан — Пара («деньги») + Джан («душа»)
Ачав — Боль, Горький.
Арыслан — Лев.
Бурикан — Бури, Бёрю («волк») + кан («кровь»),
Буриберди — Волком данный. .

Все приведенные выше алано-асские имена, содержащиеся в письменных источниках I-XIV вв., не оставляют сомнений в том, что их носители говорили на тюркском языке. •/

Этот вывод подтверждается и этимологией самих терминов «ас» и «алан». Слово «ас» на тюркских языках имеет множество значений: «переходить», «переваливать», «перебираться через гору, возвышенность», но дословно оно переводится как «горноста́й» (ДТС, с. 59). * Вспомним, что в термине «хазар» главным компонентом является «къаз» («гусь») ' («хазар»/«къазар» — «гуси-люди»). Почему же нельзя допустить, что самоназванием асов был именно «горноста́й». Во всяком случае, в литературе термин «ас» еще не нашёл удовлетворительного объяснения.

При объяснении слова «алан» ученые-иранисты, как правило, придерживаются мнения В. И. Абаева и Г. Вернадского, которые возводили этот термин к авестийскому «арийа», «арийский», или к слову «елен», т. е. «одень» (Абаев, 1949). Эта точка зрения оригинальна, но никто из античных, византийских, арабо-персидских, армянских, грузинских авторов не сохранил за аланами подобных названий. Ни один автор ни разу не искажил этноним «алан», употребив вместо него «арийа» или «елен». Попытки связать этноним «алан» с тюркским «улан»/«оглан» («сын») — «оглан—алан—алан» едва ли состоятельны (Алиев, 1960). •

Известно, что на турецком и татарском языках слово «алан» означает «равнина», «долина», «опушка», «поляна». Может быть, аланы называли себя «людьми

104

равнины», так как большинство их жило на равнинах и в долинах? Во всяком случае, над этим вопросом нужно еще поработать.

Сохранились ли слова «алан» и «ас» у современных тюркоязычных народов? Слово «ас» сохранилось у кыргызов, казахов, узбеков, ногайцев, алтайцев для

названия отдельных родоплеменных групп. У ногайцев бытуют подразделения: «Шомушли-ао, «Дорт-улу-ао, «Кара-ас», «Ак-ао, «Култы-ао, «Тарту-уллу-ас». В Горном Алтае имеются этнонимы «Дорт-ао, «Ассын», топоним «Аз-Кизи» (тождествен древнетюркскому «Ас-Киши» («человек-ас»). Термин «ас» сохранился также в топонимике Венгрии, Молдавии.

Тюркские племена «ас» и «ас-киши» жили в эпоху средневековья в Средней Азии, Крыму, на Северном Кавказе и в сопредельных районах. Об этом писали многие средневековые авторы. Арабский географ и историк Абу-л-Фида (Абульфеда), побывавший в XIV в. на Кавказе и хорошо осведомленный о крае, писал, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются турками и исповедуют христианскую религию. Это важное сообщение В. И. Абаев считает достоверным. Он говорил: «Я думаю, что свидетельство Абульфеды представляет результат точной осведомленности и имеет определенную ценность. Он знал карачаевцев и балкарцев, под названием алан и асов и правильно называет их турками. До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов) и за Балкарией — название Асы» (Абаев, 1960, с. 131).

В книге «Осетинский язык и фольклор», изданной в 1949 г., т. е. после насильственного выселения карачаевцев и балкарцев в Казахстан и Среднюю Азию, В. И. Абаев нашел в себе мужество написать о репрессированных народах. В частности, он указывал: «В мегрельском термин «алани» удержался до наших дней; он перенесен преемственно на... карачаевцев и значит, кроме того, «удалец», «герой» (с. 47). Об этом еще в 1914 г. писал грузинский лингвист И. Кипшидзе в «Грамматике мингрельского (иверского) языка».

Самоназвание нынешних осетин — «ирон» (так называют себя и иранцы). Слова «ас» и «алан» в их

языке отсутствуют. Ираноязычные осетины до сих пор своих давних и добрых соседей балкарцев называют «ао, Балкарию — «Асйаг» («Асия»), Карачай —* «Стур-Асиаг» («Большая Асия»). Это является исключительно важным фактом, подтверждающим наше мнение о том, что предки осетин и карачаево-балкарцев издавна общались друг с другом. Осетины входили в Аланский союз, но этническими преемниками тюркоязычных алан и асов (ясов) являются карачаевцы и балкарцы.

В древнегрузинских хрониках термин «ао звучал как «ос», «овс», и во времена Вахтайга Горгасала (V в.) этим именем грузины называли гуннов. В XVIII в. выдающийся грузинский историк и географ Вахушти «осами» называл балкарцев. Вот что он писал: «Басиани (т. е. Балкария.— Авт.) граничит с севера с горою Черкезскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока — горою Кавказом, лежащим между Басиани и Дигорией. С юга горою • Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом, и * с запада горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом. Здешние овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян. Басианская река, вступая в Черкесию, впадает в Терек» (Вахушти, 1904).

На древней территории почти *всех тюркских племен — в горах Алтая и в Средней Азии — сохранились этнонимы «алан» и «ас». Фраза «Аландан к ел ген», т. е. «Пришедшие с равнины», бытует сейчас у алтайских племен. В Туркмении аланы известны в составе племени «салыр» как отдельная родовая группа — ветвь караманов. Язык / этих аланов туркменский, и насчитывают они 1500 семейств. По народным преданиям, они до переселения в Туркмению, издавна жили на Мангышлаке и имели там свою крепость Алан.

Кстати, В. В. Бартольд, ссылаясь на английского востоковеда Хирта, пишет: «Хирт делает вывод, что туркмены — потомки покоренных хуннами алан, и выражает мнение, что установление этого факта будет способствовать выяснению генеалогии туркменского народа... Такое мнение выражал еще в 1896 г. Аристов» (Бартольд, т. II, ч. I, с. 551).

У карачаевцев и балкарцев этноним «алан» сохранился как обращение друг к другу. Но здесь необходимо отметить одну важную деталь: слово «алан»

используется в значении «сородич», «соплеменник» и исключительно при обращении к людям, понимающим язык балкарцев и карачаевцев, т. е. практически только к соплеменникам.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани — Карачай. Так же именовались эти районы и на российских военно-топографических картах Кавказа XVIII-XIX вв. Даже во времена прокладки Военно-грузинской дороги через земли ираноязычных осетин на карте грузинских царств — Карталинии, Чечни, Ингушетии, Сванетии, названы Куртатинское, Алагирское, Дигорское, Кобанское ущелья Осетии, нанесены реки Гизельдон, Ардон, Урух и пр., а вот к западу от Сванетии, в горах между Кубанью и Лабой, т. е. на территории Карачая, нанесены алалы (Мизиев, 1990, с. 93). Данные карт дополняет тот факт, что соседи карачаевцев — мегрелы — до сей поры называют их «аланами» (Кипшидзе И. Грамматика мингрельского языка, СПб, 1914).

Некоторые лингвисты-осетиноведы пытаются доказать, что на территории не только Осетии, но и Балкарии и Карачая, будто бы очень много иранских топонимических названий, оставшихся от ираноязычных алан. Исходя из этого, В. Ф. Миллер утверждал даже, что на территории Балкарии и Карачая раньше жили осепию-аланы (Миллер, 1987, ч. 3, с. 7). Подобное утверждение опирается на неправильное толкование топонимов, о чем мы говорили еще в 1966 г. на научной сессии о происхождении осетинского народа. Так, например, название реки Защан В. И; Абаев объясняет из осетинского «сап» («олень») + «дон» («река»), т. е. «оленья река» (Абаев, 1949, с. 367). Эту реку карачаевцы называют «Загзан» — «зак»/«джак» («защищенная») + «зан» («сторона»). Название реки Уллу-Кам иранисты переводят как «Большое ущелье». На самом деле «уллу» — общетюркское «большое», а «кам» перенято осетинами у тюрков и означает «река», «ущелье». Даже главная река Осетии

Терек, именуемая осетинами и карачаево-балкарцами одинаково,— «Терк»,— не этимологизируется из осетинского, а на карачаево-балкарском означает «быстрая», что соответствует характеру течения реки (Лайпанов, 1967). В древнетюркском языке «терек» имело и значение «река».

По утверждению М. А. Хабичева и Х-М. И. Хаджилаева, на территории Карачая нет ни одного иранского топонима, но на территории Осетии, где в основном живут ираноязычные осетины, очень много тюркских топонимов. Этот факт признан и лингвистами-осетиноведами. Так, известный специалист по топонимике А. Д. Цагаева указывает на наличие большого тюркско-монгольского флора в топонимике Северной Осетии: «В топонимике Осетии насчитывается около полутора сотен географических названий, объясняемых из тюркских и монгольских языков. Они приблизительно равномерно распределяются в нагорной и плоскостной частях территории республики. Названия, относимые к тюркско-монгольскому топонимическому пласту, закреплены за большими и малыми географическими объектами. Они относятся к различным разделам лексики. Здесь мы находим слова, выражающие понятия общественной жизни, личные имена, географические термины и прочее» (Цагаева, 1972, с. 253-254).

Вот некоторые из них.

«Басмата» — «вершины». От тюркского «баш» («голова») + «тау» («гора»).

«Акмаз» — от «ак» («белая») + «баш» («голова»).

«Галаузидон» — от «кала» («крепость») + «уз», «ауз» («форт», «ущелье»).

«Суларта» — «сулар» («воды», «реки») + показатель множественности «т» и окончание «а».

«Суарх» — по-тюркски «высохшее русло реки».

А. Д. Цагаева пишет, что от тюркского «даг» («гора») образовано множество топонимов Осетии: Далдах

— «ниже горы», Уалдах — «выше горы», Мыстыдах

— «ледяная гора» и др. Что интересно, в Осетии имеется Тенгиртау — «небесная гора» по-тюркски («Тенгри» + «тау»).

Немало топонимов, в состав которых входят тюрк-

ские «тебе», «тюпе» («холм», «возвышенность»), «кёл»/«гель» («озеро»): Татартуп — «татарский холм,

108

стан», Колидон — «озерная вода». Заманкул — «джаман», «яман» («плохое») + «куль» («озеро») и др. (Там же, с. 256-257).

Итак, на территории Кара чая нет иранских топонимических названий, в Балкарии их — единицы, тюркских же топонимов в Осетии — великое множество. Тюркоязычные карачаевцы и балкарцы и ираноязычные осетины жили по соседству в течение многих столетий, поэтому в материальной и духовной культуре этих братских народов так много общего. Безусловно, имеются лексические заимствования. Но тюркские лексические заимствования, в частности, карачаево-балкаризмы, занимают в осетинском языке несравнимо большее место, чем осетинизмы в карачаево-балкарском. В своей книге «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» профессор М. А. Хабишев дает много примеров таких лексических заимствований. Приведем лишь некоторые из них. «Ана» — «мать». Заимствовано осетинами, адыгами и абхазами.

«Ата» — «отец» . — «ада» (осетин.), «адэ» (кабардино-черкес.)

«Гыкка» — «дитя», «ребенок» (тюркск.) — «гаги» (осет.)

«Къыз» — «дочь», «девушка» (тюрк.) — «чызг» (осет.)

«Тамада» — от «там ата» («Отец дома», «отец семейства», «хозяин дома», «старший в семье») — употребляется почти во всех кавказских языках в значении «старший».

«Азау» — «клык»

«Ашхын» — «желудок»: «аш» («еда») + «къын» («футляр») = «футляр для пищи» (карач.-балк.) — «ахсын» — «желудок» (осет.)

«Богъурдакъ» — «горло», «глотка», «гортань» (общетюрк.) — «глотка» (Осет.)

«Бурун» — «нос» (общетюрк.) — «бырынг» (осет.)

«Гыбыт» — «брюхо», «бурдюк» (карач.-балкар.) — «гебета» (осет.)

«Джал» — «грива» (карач.-балкар.) — «дзал» — «волос» (осет.)

«Джукка» — «сосок», «женская грудь» (карач.-балкар.) — «дзукка» — «сосок» (осет.)

109

«Джух» — «рот» (общетюрк.) — «дзух»*, «чух» — «рот» (осет.)

«Сакъал» — «борода» в обоих языках

Для выяснения этногенеза тюркских народов вообще, алан и карачаево-балкарцев в частности, исключительно важна роль древнетюркских рунических надписей, ранее обнаруженных в верховьях Енисея, на Алтае, в Семиречье, Таласе, на Волге, Дону, в Венгрии и Болгарии, а в последние годы и на Северном Кавказе, в особенности на территории Карачая и Балкарий.

Выдающийся востоковед академик В/ В. Бартольд, один из тех ученых, которые начали разработку методики исследования рунической эпиграфии, указал, что древнетюркские рунические надписи являются важнейшими источниками в изучении истории Центральной и Средней Азии, в исследовании истории тюркских народов (Бартольд, 1928, с. П-12). Полный текст обнаруженных до 1936 г. рунических⁴ надписей издал в 1936-1944 гг. в Стамбуле крупный турецкий ученый Х. Н. Оркун под общим названием «Ески тюрк йазытлары» («Старинные тюркские надписи[^]»).

Древнетюркские рунические надписи, найденные в последнее время на Северном Кавказе, могут быть переведены и прокомментированы, если при их расшифровке использовать данные карачаево-балкарского языка. •

Как пишет Л. Н. Гумилев, карачаевцы и балкарцы «оформились в обособленный этнос раньше, чем сформировались сами древнетюркские народы» (Гумилев, 1967, с. 66), и их язык в течение многих веков сохранялся в более «чистом виде» ввиду отсутствия связей его носителей с другими тюркскими народами. Поэтому древнетюркское письмо относительно легко понятно карачаевцам и балкарцам.

Профессор У. Б. Алиев, тюрколог и славист, проводит ту же мысль: «Карачаево-балкарский язык, будучи одним из древнейших тюркских языков, заслуживает особого интереса: благодаря историческим условиям жизни его носителей он сохранил в себе много черт, особенно ценных для исторической и сравнительной грамматик тюркских языков» (Алиев, 1972, с. 3).

по

Говоря о значении карачаево-балкарского языка, тюрколог А. К. Боровков еще в 1932 г» писал: «Все более становится ясным, что карачаево-балкарский язык — «мал золотник, да дорог», — с точки зрения методологии изучения, в первую очередь языков турецкой системы» (Боровков, 1932, с. 39).

В Карачае руны впервые обнаружены учеными в конце XIX в., но надписи тюрок воспринимались здесь до недавнего времени как тамги (тавро). В 1960 г. на загадочные надписи на камнях из разрушенной крепостной стены средневекового Хумаринского городища обратили внимание рабочие, \ строившие из этих камней скотоферму. В 1962—1963 гг. около Хумары, Сары-Тюза, в аланском городище Гйляч и других местностях Карачая было найдено немало древнетюркских надписей. Впоследствии доктор филологических наук С. Я. Байчоров, посвятивший 25 лет исследованию древнетюркских эпиграфических памятников, обнаружил огромное количество петроглифов и около ста памятников с руническими надписями. Ареал этих надписей охватывает территории Карачая и Балкарии, а также соседних районов, начиная от реки Черек в Восточной Балкарии и кончая рекой Большая Лаба в Западном Карачае. Эти памятники находятся в основном в долинах рек Черек, Чегем, Баксан, Хасаут, Малка (Балык), Джегута, Гиляч и др. С. Я. Байчоров изучал их и опубликовал в ряде сборников статей и в монографии «Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение Северокавказского ареала к Волго-Донскому и Дунайскому ареалам» (Ставрополь; 1989). Интересно, что в хасаутских наскальных могильниках (недалеко от Кисловодска) и в аланском городище Индыш (в верховьях Кубани) «эпитафии в ряде случаев исполнялись в двух системах письма — рунической и древнеуйгурской» (Там же, с. 28).

Одними из первых статьи о хумаринских надписях, о новейшем открытии в мировой истории эпиграфики опубликовали один из ведущих тюркологов А. М. Щербак и ведущий специалист по истории алан археолог В. А. Кузнецов. Последний высказал уверенность в том, что открытие рунических надписей сыграет огромную роль в изучении этногенеза карача-

евцев и балкарцев. Вместе с тем он предположил, что Хумаринское городище с мощными каменными крепостными стенами могли построить болгары или хазары, хотя до открытия рунических надписей все археологи этот город считали аланским и даже столицей средневековой Алании (Кузнецов, 1963, с. 283-290).

Выдвигая тезис об изначальной тюркоязычности населявших это городище алан, хотим в качестве еще одного подтверждения привести перевод аланской фразы, содержащейся в «Истории Армении» Моисея Хоренаци (Корейского), автора V в. Она не переведена ни автором, ни переводчиком этой книги с армянского языка, ни другими учеными, знавшими и армянский, и иранский языки. Недавно эта фраза была переведена М. А. Хабичевым.

В книге речь идет о теш, что певцы исполняют на аланском языке песню, сложенную в честь аланской царевны Сатеник (Сатиник, Сартиник), вышедшей замуж за армянского царя Арташеса (II в. н. э.). Вот аланский текст: «Артахур хаварт тиз хаварци». В современном карачаево-балкарском языке,— пишет М. ч А. Хабичев,— это выражение звучит так: «Артахыр хапарны тиз, хапарчи (хапарцы)». Перевод с древнетюркского: «Переходи, рассказчик, к заключительной части сказания» (Хабичев, 1987, с. 25). Возможен и такой перевод: «Последнее сказание изложи, сказитель».

Таким образом, известные науке факты о языке алан свидетельствуют об их тюркоязычности.

Прав был профессор Г. А. Кокиев, хорошо знавший историю и быт осетин: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами» (Кокиев, 1941, 28 января).

Археологические данные также говорят в пользу концепции о тюркоязычности алан и их предков. По этим данным, на территории Карачая и Балкарии, еще до прихода сюда гуннов и болгар, существовали аланские города и поселения. Именно по катакомбному погребальному обряду, сохранившемуся до XIII в., орудиям труда, оружию, конскому набору, керамике

' здешних памятников оставлено аланами. Материальная культура этих городищ и поселений (катакомбы, балбалы, конский набор и т. д.) тюркская, причем созданная задолго до прихода в горы болгар (Биджиев, 1976; 1987; 1989). Если к этому прибавить еще и наличие древнетюркского письма не только на городских стенах, как в Хумаре, но и внутри аланских катакомб, как в районе аула Сары-Тюз (Токмак-Кая), то наша концепция получает солидную аргументацию.

В пользу тюркоязычности алан можно привести множество других фактов. С. А. Плетнева утверждает, что официально принятые в Хазарском каганате язык и письменность и у алан, и у болгар были тюркскими (Плетнева, 1967). Автор IX в. Иосиф Бен Горион также отнес алан к тюркам, а автор X в. Ибн Дасга тюркоязычными считает не только болгар, но и туласов. «Тулао, по мнению В. А. Кузнецова, означает «горцы», «асы», то есть балкарцы и карачаевцы (Гаркави, 1884, с. 39; Кузнецов, 1962, с. 73, 87). Тог же В. А. Кузнецов сообщает о тюркской титулатуре аланских царей (Кузнецов, 1984, 113).

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что аланы-асы этнически и по языку были тюрками, хотя среди них, безусловно, были иранские и другие племена. Аланы приняли участие в этногенезе не только карачаевцев, балкарцев, осетин, но и чеченцев, ингушей, кумыков, абазин, абхазцев, грузин, азербайджанцев, армян, туркмен, венгров, греков, турок, русских, испанцев, алжирцев и многих других народов. Аланы, как и другие тюркские народы, сыграли значительную роль в поступательном развитии человеческого общества. Оставленные ими Нижне-Архызские, Чуащский (Шоанинский), Сентинский и другие замечательные памятники культуры, известные всему миру, — достояние человечества.

8 Заказ №1487

U3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наукой установлено, что тюрки были одним из древнейших этносов, сложившихся на земле. Этноним «тюрк» стал известен миру только в IV в. н. э. С созданием Тюркского каганата в Центральной и Средней Азии, но этот этноним появился намного раньше, во всяком случае, не позже неолитического периода развития человеческого общества.

Косвенным доказательством этого факта являются самоназвания таких весьма древних этносов, как коми, мари, удмурты, немцы, тибетцы, бирманцы и другие, этнические названия которых семантически восходят к словам со значением «человек», «люди», «настоящие люди» (Крюков, 1984, с. 728).

По утверждению выдающегося тюрколога академика А. Н. Кононова, этническое самоназвание «тюрк» происходит от древнетюркского слова «человек» (Кононов, 1949, с. 40-47).

До недавнего времени большинство ученых придерживалось того мнения, согласно которому прародиной всех тюрков был Алтай. Только небольшое число тюркологов — Ю. Намет, А. Зайончковский, М. Ширалиев и некоторые другие — придерживалось другой точки зрения, согласно которой прародиной тюрков был Волго-Уральский регион.

В последнее время число сторонников этой концепции неуклонно возрастает, так как объективный анализ накопленного материала позволяет заключить, что первоначальной прародиной тюрков были степи и полустепи Поволжья, Урала и прилегающих степных районов. Историко-этнографический, археологический, лингвистический и антропологический, материал, которым располагает современная наука, позволил и нам прийти к такому заключению.

114

Судя по распространению древнеямной, курганной культуры, мы считаем, что, возникнув в Волго-Уралье в конце* IV тыс. до н. э., когда усилился процесс этнообразования, эта культура в течение 500—600 лет распространилась на огромную территорию. Скотоводы-кочевники веерообразно расселялись на территории Евразии. Двигаясь на восток, они дошли до Забайкалья и Маньчжурии, на запад — до Дуная и Карпат, на юг — до Передней Азии, то есть от Забайкалья до Дуная, от Урала до Шумера, Сирии и современной

Турции. ж

Основным населением древнейшего Врлго-Уралья были далекие предки тюрков и финно-угров, причем первые занимали преимущественно степную зону, а вторые — зону лесостепей и лесов, причем обе группы жили в тесном контакте друг с другом. Появление тюркских племен на старой родине — в Восточной Европе — и их дальнейшее движение отсюда на запад, юг, север, было возвращением к истокам. На первоначальной территории тюрков испокон веков продолжала жить часть далеких предков нынешних татар и башкир, а также финно-угорских народов.

Вместе с тем мы не исключаем возможности того, что исконной территорией -проживания части тюркского этноса мог быть Алтай, а также Южная Сибирь, Прибайкалье, северная часть Монголии и Тува. Поэтому, вопрос о прародине тюрков, на наш взгляд, нуждается в пересмотре.

В далекой Азии тюрки-европеиды вступили в контакт с местными монголоидными племенами, и спустя много веков часть восточных тюрков приобрела монголоидные черты. В большинстве же своем тюрки до настоящего времени являются европеоидами.

В своем движении на юг и юго-запад древнейшие кочевники вступали в тесный контакт с афганскими и иранскими племенами, а на Кавказе сталкивались и смешивались с кавказскими. Именно этим обстоятельством объясняется наличие множества тюркизмов в иранских, финно-угорских, кавказских, праславянских и других языках (Мусаев, 1984, с. 120-121, 134; Добродомов, 1974, с. 26). _

Распространяясь в Предкавказье, а оттуда и в персидскую Азию, древнейшие кочевники евразийских сте-

* ' П5

пей стали основополагающим тюркоязычным компонентом в процессе формирования шумерского этноса, который, по нашему мнению, является древнейшей частью общетюркского мира, интегрированным с древнейшими оседлыми земледельцами Передней Азии. Именно этим обстоятельством объясняется наличие массы шумеро-тюркских лексических сходжений почти во всех тюркских языках и наречиях.

На просторах среднеазиатских степей ямно-афанасьевская общность III тыс. до н. э. сменяется во II-тыс. до н. э. близкородственной ей срубно-андроновской этнокультурой общностью; позднее образовались: на западе — скифская, на востоке — сако-массагетская племенные группы. Вероятно, к тем же временам, к периоду срубно-андроновской общности, уходит разделение тюркских языков на западно-тюркские и восточно-тюркские языки (Киекбаев, 1962, с. 26). С таким же разделением мы склонны связывать извечное деление тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Абсолютно ошибочным, антинаучным является утверждение о том, что тюрки в основном были не созидателями, а разрушителями общественного прогресса. Объективное изучение истории тюркских племен и народов доказывает, что они наравне с другими народами вносили весомый вклад в развитие мировой культуры.

О высоком уровне культуры древнейших тюрков говорит наличие древнейшей культуры шумеров, которые одними из первых в мире изобрели письмо.

С I в. н. э. начали пользоваться древнетюркским руническим письмом прибайкальские и енисейские гунны. Несколько позже тюрки-уйгуры изобрели собственное письмо на основе арамейского. Ареал распространения древнетюркского рунического письма колоссальный: от Монголии, до Венгрии.

История древних и раннесредневековых тюрков свидетельствует о том, что они веками жили вместе или рядом с финно-угорскими и индоевропейскими племенами, манчжурцами, китайцами, корейцами, японцами, тибетцами и т. д. и тесно общались с ними. Это общение отразилось в языке, материальной и духовной культуре многих народов. О взаимовлиянии, отчасти и этническом родстве, например, русских, украинцев,

Цлрочих тюркоязычных народов с другой, свидетельст-
|вуют многочисленные тюркские слова в славянских
^языках и наоборот, а также наличие множества рус*
ских фамилий тюркского происхождения. Так, напри-
мер, профессор Н. А. Баскаков приводит триста
русских княжеских и дворянских фамилий тюркского
происхождения (Баскаков, 1979).

И у тюркских народов встречается немало фамилий
• славянского и иного происхождения. Много сходного
\ между этими двумя группами в языке, обычаях и
/обрядях, а также в образе жизни.

: Многие тюркские племена ассимилировались среди
китайцев, индусов, персов, русских, украинцев, бело-
русов, поляков, болгар, сербов, литовцев, венгров, не-
мцев, греков, итальянцев, испанцев, арабов, французов
и других народов, но и среди тюркских племен было
: ассимилировано немало представителей иноязычных
племен и народов.

Особо остро стоит вопрос об этнической принадлеж-
ности скифов, саков, массагетов, сарматов .ч и алан.
Одни исследователи считают их ираноязычными, дру-
гие — тюркоязычными. Но одно бесспорно: четко про-
слеживается преемственность родственных культур
древнеямников (курганников) — срубников — скифов
— гунно-сарматов — алан.

В этой связи важнейшее значение приобрела про-
блема появления первых тюрков на Северном Кавказе
и Северном Причерноморье и этнической принадлеж-
ности скифов, саков и их потомков. Исследованиями
> ряда ученых, в особенности З. М. Ямпольского, М.
З. Закиева и др., научно доказано, что тюрки населя-
ют Северный Кавказ, Переднюю Азию и Северное
Причерноморье с древнейших времен. Мы же считаем
Восточную Европу прародиной всех тюркских племен.
З. М. Ямпольский еще в 1966 г., основываясь на
добытом археологическом материале, утверждал, что на
Кавказе, в частности в Азербайджане, предки тюрков
^жили еще в эпоху бронзы во II-I тыс. до н. э. Они
вели отгонное (яйлажное) животноводство. Обнаружены
в слоях бронзовой эпохи глиняные макеты кибиток на
колесах, в которых жили тюрки-кочевники. Кроме то-
го, в XIV в. до н. э., т. е. более трех с половиной

тысяч лет тому назад, в ассирийских клинописных табличках зафиксированы жившие в районе озера ур-мия турукки, т. е. тюрки (Вестник древней истории, 1952, № 2, с. 266, 326).

Урартийская клинопись из Калагранана, написанная в начале 1 тыс. до н. э., также отмечает наличие на территории нынешнего Азербайджана племени «турухи» (Там же). «Все приведенные глухие и гипотетические свидетельства о тюрках в зрне Азербайджана, — заключает ученый, — выглядят несколько более правдоподобно в связи с двумя бесспорными сообщениями* античных первоисточников, документирующих, что тюрки жили в зоне Азербайджана две тысячи лет тому назад» (Ямпольский, 1966, с. 63).

Для подтверждения концепции о тюркоязычности скифов, саков, массагетов, сарматов, алан мы привели, на наш взгляд, немало научных аргументов. В пользу этой концепции привел много лингвистических фактов М. З. Закиев (1986). Для доказательства тюркоязычности мидян; скифов, сарматов и других народов Азии и Европы приводит веские аргументы Г. А. Гейбуллаев (1991).

Наследники ямно-афанасьевской, а затем срубно-андроновской культурных общностей — скифы в Европе и сако-массагеты в Азии явились этнической основой формирования тюркских народов. В эпоху средневековья предками тюркских народов выступают гунны, хазары, болгары, аланы, печенег, авары, гузы, огузы, кимаки, кипчаки и многие другие племена.

Можно смело утверждать: к концу X з. н. э. почти все ныне существующие тюркские народы сформировались как раннефеодальные народности. По-разному сложилась их судьба в дальнейшем. В настоящее время они получили возможность для свободного развития.

Небольшой объем труда не позволил нам более масштабно и подробно рассмотреть все аспекты проблемы, хотя старались несколько шире осветить наиболее спорные вопросы, исходя из объективных данных науки. Но мы отнюдь не считаем, что наши выводы являются истиной в последней инстанции. Хотим надеяться на то, что данное исследование Послужит толчком для дальнейшего скрупулезного и детального изучения этой важной и актуальной проблемы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКНЕС — Адыгы, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.

АИСК — Античные историки о Северном Кавказе

ВДИ — Вестник древней истории

ДТС — Древне-тюркский словарь

ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СА — Советская археология

СТ — Советская тюркология

СЭ — Советская этнография

ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958, т. I; Л., 1973, т. II; Л., 1979, т. III; Л., 1989, т. IV.

Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке//О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия//Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Абаев В. И. Нартский эпос осетин. Цхинвали, 1982.

Абрамзон С. М. Этнический состав населения Северной Киргизии/ /Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1960, вып. IV.

Абдушелишвили М. Г. Об эпохиальной изменчивости антропологических признаков//Краткие сообщения Института этнографии. М., 1960, вып. 33.

Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья/ /Советская археология, 1974, № 2.

Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа//СА, 1978, № 7.

- Абрамова М. П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы//Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИИ, 1982, вып. 54.
- Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953.
- Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX т: Нальчик, 1974. -
- Акбаев Ш. Х. Об этимологии слова «алан»//Ленинни байрагы, 1963, 21 апреля. '-
- Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в развитии)//Археологические исследования в Казахстане.Алма-Ата, 1973.
- Акишев К. А. Курган Иссык. Алма-Ата, 1978.
- Акишев К. А.» Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960.
- Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1977.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.,1989.
- Алексеев В. П., Вромлей Ю. В. Переселение народов и формирование новых этнических общностей//СЭ, 1987, № 2.
- Алексеев В. П. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
- Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960.
- Алиев И. Г. Сармато-аланы на пути в Иран/ /История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Алиев У. Б. Выступление на конференции//О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
- Алиев У. В. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.

- Алиев У. В., Баучиев А. Дж. Лайпанов ИС Т., Хабишев м А. О древнетюркских рунических памятниках в верховьях Кубани/ /Ленинни байрагы, 1963, 20 апреля.
- Алиев У. Д. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927.
- Алиев У. Д. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.
- Алироев М. В. Нахские языки и культура. Грозный, 1976.
- Алияров С. С. Об этногенезе азербайджанского народа//К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984.
- Альтхайм Ф. Гешихте дер Гуннен. Берлин, 1959.
- Аманжолов А. С. Шумеро-тюркские соответствия и изобразительные логограммы//Шпрахе гезихте унд культур дер Алтаишен фолькер. Берлин, 1974.
- Аманжолов А* С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докторской диссертации. Алма-Ата, 1975.
- Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун//СТ, 1978, № 2.
- Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. *
- Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1906-1908; АИСК, Нальчик, 1990.
- Античная культура Северного Причерноморья в первом веке нашей эры. Сб. ст. Л., 1968.
- Антропоморфные изображения (Сборник статей). Новосибирск, 1987.
- Антропонимика. Сборник статей. М., 1970,
- Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.
- Анфимов Н. В. Древняя история Кубани. Краснодар, 1956.
- Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н. В. Курганы рассказывают. М., 1984.
- Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
- Аппиан. Римская история//ВДИ, 1950, №№ 2-4; АИСК, 1990.
- Аракелян Б. Н. Древний Арташат. Ереван, 1975.
- Армянские источники об аланах. Ереван, 1985, вып. 1-3.
- Армянская география. Перевод К. П. Патканова. СПб., 1877.
- Арриан. Походы Александра. СПб, 1837.

Аристов Н. А. О земле Половецкой. Киев, 1886.

Аристов Н. А. Заметки о этническом составе тюркских племен сведения об их численности//Живая старина. СПб, 1896, вып. III-IV.

Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов/ /С А, 1950, № 2.

Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища//СА, 1954, № 10.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.

Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождений инноваций в культуру этноса//СЭ, 1982, № 1.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

Археология и вопросы хозяйственного и экономического развития Северного Кавказа. Грозный, 1987.

Атаньязов С. Туркменистанын топонимик сёзлюпо. Ашгабад, 1970.

Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой//Проблемы археологии и древней истории угров. И., 1972.

Байрамкулов А, М. Алано-асские этнические названия, фамилии и имена//Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.

Байчоров С. Я. Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты//Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.

Байчоров С. Я. Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца//Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. :

Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына//Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.

Байчоров С. Я. Древнетюркские памятники Европы. Отношение Северокавказского ареала древнетюркской и рунической письменностей к Волго-Донскому и Дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.

Байчоров С. Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики//Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1989.

Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

Барбаро Иософат. Путешествие в Тану Иософата Барбаро, венецианского дворянина//Библиотека иностранных писателей о России. СПб, 1836.

Бартольд В. В. История Туркестана//Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Там же.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Там же.

Бартольд В. В. Томсен и история Средней Азии//Памяти В.

Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928.

Бартольд В. В. География Ибн Сайда//Академик В. В. Бартольд. М., 1973, соч., т. VIП.

Бартольд В. В. Об одном уйгурском документе. Там же.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент^1928.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. <

Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимике Горного Алтая//Топонимика Востока. М., 1969.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение: М., 1981

Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях//Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.

Баскаков Н. А. О происхождении этнонима «башкир»//Этниче-ская ономастика. М., 1984.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слово о полку Игореве». М., 1985. .

Батчаев В. М. К этнической истории балкарцев и карачаевцев//VI крупновские чтения (Тезисы докладов). Нальчик, 1978.

Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и

Былым//Археологические исследования на новостройках Кабардино Балкарии. Нальчик, 1984, т. I.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов/ /Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985, т. 2.

Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.

Батчаев В. М. Гуннский котел из селения Хабаз//СА, 1984, №.1.

- Белявский В. Ав Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.
- Верже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.
- Бернштам А. Н. Жилище Крымского предгорья. М., 1931.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок УІ-УТІІ вв. М.-Л., 1946.
- Бернштам А. Н. О древнейших следах «джоканья» в тюркских языках Средней Азии//Сборник, посвященный памяти акад. Н. Я.Марра. М.-Л., 1938.
- Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- Берштам А. Н. Очерк истории гуннов. М.-Л., 1951.
- Бетрозов Р. Ж. К истории древних племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982.
- Бешевлиев Веселии. Вярата на първобългарите. София, 1939.
- Бибииков В. Н. Из истории толоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе//Природная обстановка и фауна прошлого. Киев, Библиотека для чтения. СПб, 1838. Кн. 2, отдел 3.
- Биджиев Х. Х. Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий (К истории проблемы)//Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. , х
- Биджиев Х. Х. Изучение истории и археологии раннесредневековых тюркских народов Северного Кавказа//Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. .
- Биджиев Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1965-1986 гг.//Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
- Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе//СА, 1980, № 3.
- Бижанов Е. Б. Мезолитические и неолитические памятники северо-западного Устьюрта//Археология Приаралья. Ташкент, 1982, вып. I. .
- Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1976.
- Бнчуриин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., 1950, т. I; М., 1951, т. II.

Блиев М. М. Катакомбные памятники Северного Кавказа//Катакомбные памятники Северного Кавказа (Межвузовский сборник). Орджоникидзе, 1981.

Бловатская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н. э. М., 1959.

Бловатский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

Богданов И. Хан Аспарух. София, 1975.

Богоярков М. И. Скифо-тюркские (хакассские) этнографические и фольклорные параллели//Народы Азии и Африки. М., 1975, № 6.

Бонгардт-Левин Г. Мм Грантовский Э* А. От Скифии до Индии. М., 1983.

Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык//Яфетский сборник. М., 1932, № 7.

Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.

Брашинский И. Б.» Щеглов А. И. Некоторые проблемы греческой колонизации//Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель. СПб, 1872.

Брун Ф. К. Отчет о раскопках в Тарихеской губернии в 1899//Известия археологической комиссии. М., 1906, вып. 19.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Будаев А. Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.

Будаев А. Ж. Скифо-балкарские лексические сходжения//Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Нальчик, 1972, вып. 2.

Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов, Ануштегинидов (1097-1231 гг.). М., 1986.

Вадецкдя Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Васильев Д. Д. Корпус енисейских рунических памятников. Л., 1983.

Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904.

Веселовский Н. И. Отчет о раскопках в станице Джегутинской//Отчеты археологической комиссии за 1901 г. СПб., 1901.

Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах»/ /Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1913, вып. 32.

Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980, вып. 2.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н. э.//Скифский мир. Киев, 1975.

Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1959.

Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья. III. Материалы... Тбилиси, 1982.

Вулли Л. Забытое царство. М., 1986.

Вырубов Д. Раскопки кургана Хусанты близ селения Зильги в местности Рахты//Древности. М., 1900, т. ХУІ.

Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Тбилиси, 1965.

Гаджиева З. Н. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

— Гаджиева С. Кумыки. М., 1965.

Гаджиев Г. А. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.

Гадло А. Б. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

124

Гамрекелли В. Н. Двалы и Двалети в I-XV вв. Тбилиси, 1961.

Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884, ч. I-II.

Ган К. Опыт объяснения кавказских географических названий//СМОМПК, Тифлис, 1909, вып. 40.

Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сюзлеги. Казань, 1984.

Гарипов Т. И. Кыпчакские языки Урало-Поволжья, М., 1974.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870.

Гейбуллаев Г. А. Топонимика Азербайджана. Баку, 1986.

Гейбуллаев Г. А. К этногенезу азербайджанцев (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1991.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Герасимов М. Н. Восстановление лица по черепу. М., 1955.

Геродот. История. Л., 1972.

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы//МИА. М., 1962, вып. 120.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях//АИСК. Нальчик, 1990.

Гоголев А. И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов//Ск и фо-Сибирски и мир. М., 1987.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

Голубовский П. В. Болгары и хазары//Киевская старина. Киев, 1888, № 7.

Гомес-Табанера Хосе-Мануэль. Происхождение и формирование народов Иберии//СЭ, 1966, № 5.

Гоммель Ф. История Древнего Востока. СПб., 1905.

Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»?//Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, VI. М., 1947, вып. 4.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Граков Б. Н. Ранний железный век (Культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Греков Б., Якубовский А. Золотая орда. М.-Л., 1935.

Грозный Б. Древнейшие судьбы Передней Азии//ВДИ, 1940, №№ 3-4.

Грунин Т. И. Документы на половецком языке. М., 1967.

Грязное М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980,

Гукасян В. Л. Тюркизмы в «Истории албан* Моисея Утийского//Структура в истории тюркских языков. М., 1971.

Гулиева Л. Г. О названии реки Кубань//Топонимика Востока. М., 1969.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.

Гумилев Л. Н. Хазария и Терек//Вестник Ленинградского университета. Л., 1964, т. 24, вып. 4.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии, М., 1966.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология, СССР.* М.-Л., 1948.

125

Дешириев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963.

Джавахишвили И. А. Основные историко-географические проблемы истории Грузии, Кавказа, Ближнего Востока древнейшей эпохи//ВДИ, 1939, № 4.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о

Северном Кавказе и РоссииX/СМОМПК. Тифлис, 1897, вып. 22.

Джидалаев Н. С. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа//СТ, Баку, 1976, №5.

Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев (Краткий очерк). Нальчик, 1991.

Диалекты и топонимы Поволжья. Чебоксары, 1973.

Димитров Димитрь. Прѣболгарите по Северного и Западного Черноморие. Варна, 1987.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен//СМ ОМПК. Тифлис, 1909, вып. 40.

Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980.

Дмитриев Н. К. Ситаксис балкарского языка//Сгрой тюркских языков. М., 1962.

Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963.

Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарской лексики в славянские языки//Тюркизмы в восточных языках. М., 1974.

Доватур Д. П., Каллистов Д. П., Шитова И* А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982;

Документы на половецком языке ХУІ в. М., 1965.

Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н. ^././Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.

Домба М. По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе, 1966. '

Доманский Я. В* Скифия и Ольвия в начале эллинской эпохи/ /Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории

- Причерноморья. Тбилиси, 1982.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- Древнерусские летописи. М.-Л., 1936.
- Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
- Древности Дона. М., 1983.
- Древности Евразии в скиф-сарматское время. М., 1984.
- Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1990.
- Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чурыма//СТ, 1973»
- № 2. • , ' •
- Дэвдет М. -А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
- Дшмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977; изд.
- 2-е М., 1990.
- Дьяконов И. М. Новые данные о шумерской культуре//ВДИ,
- 1947, № 2.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1969.
- Дьяконов И. М. Тайны древних письмен//Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов//ВД И, 1982, № 3.
- Дьячков-Тарасов А. Н. В горах Большого и Малого Карачая//СМОМПК, Тифлис, 1900, вып. 28.
- 126
- Евдокимов В* В. Исследования в Карагандинской областиУ/Ар-

хеологические открытия 1981 года. М., 1983.

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1990. М., 1990, вып. 34.

Еремеев Д. Е. Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Еспоз Т. Алтын-Тепе. Анкара, 1969.

Закиев М. З. Об изучении древних тюрков и их языков//Тюркское языкознание. Материалы Всесоюзной III тюркологической конференции. Ташкент, 1985.

Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.

Зажодер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, ч. I; М., 1966, ч. 2.

Жебелев С. А. Народы Северного Причерноморья в античную ЭПОХУ//ВДИ, 1938.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века//Материалы и исследования по археологии СССР, 23. М., 1951.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VІІІ-VІІ вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР//СА, 1953, вып. XVІІІ.

Иессен А. А. Некоторые памятники VІD-YD вв. до н. э. на

Северном Кавказе//Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Иессен А. А. и Пиотровский Б. В. Моздокский могильник. Л., 1940.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского левобережья. Киев, 1968.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифы V-VI вв. до н. э. Киев, 1983.

Инал-Ипа Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.

Иордан О. Происхождении и деяниях готы. М., 1960.

Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов//Материалы XII Всесоюзной финно-угорской конференции. Ижевск, 1987.

Йетмар К. Религия Гиндикуша. М., 1986.

Исаев М. И. Осетинский язык//Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М., 1966, т. I.

Историки античности. М., 1989, д. I. Древняя Греция; т. 2. Древний Рим.

История Иранского государства и культуры. М., 1971.

История народов Востока и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975.

Кадлистов Д. П. Северное Черноморье в античную эпоху. М., 1952.

Калоев В. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 197*.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.

127

Къарачай-малкъар нарт таурухла (Сост. А. З. Холаев). Нальчик, 1966.

Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX-X вв. о Кал-казе, Армении и Азербайджане// СМОМПК. Тифлис, 1908, вып.38.

Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

Каганов Н. Ф. Хакаский фольклор. Абакан, 1963.

Кеппен П. Крымский сборник о древностях южного берега Кры-ма и гор Таврических. СПб., 1837.

Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Бал-карии. Нальчик, 1988.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949, вып. 9.

Кипшидзе И. Грамматика мингрельского - (иверского) языка. СПб., 1914.

Клапрот Г. Ю. Путешествия по Кавказу и Грузии», предприя-тые в 1807-1808 гг.//Абкиева, Нальчик, 1990.

Кляппорный С. Д. Древнетюркские рунические памятники. М.,

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. з. на Южном Буге. Киев 1986.

Козенкова В. И. О границах западного варианта Кобанской культуры//СА, 1981, №3. ,

Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989.

Козенкова В. И., Найдено А. В. Кобанский могильник близ Исправной//СА, 1980, №1.

Кокиев Г. А* Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926.

Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и временном расселении балкарцев и карачаевцев на нынешней территории//Социалистическая Кабардино-Балкария, 1941, 28 января. .

Коков Дж. Н. Шахнурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик/ 1974.

Коковцев FL К. Бврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке//Из истории докапиталистических формации. М.-Л., 1933.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Коробова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и КазахстанаX/Мезолит СССР. М., 1989.

Косвен М. О. Очерки истории первобытного общества. М., 1957.

Крижевская Л. Я; Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., Й77. ^^

Крупное В. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крюков М В. «Люди», «Настоящие люди» (К проблеме исторической типологии этнических самоназваний) .//Этническая ономастика. М., 1984- ' >

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. \par

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кудаев М. Зеленчукокая надпись X/Коммунизмге жол, 1965, 14 февраля (на катрач.-балк. языке).

Кузнецова Т. Им Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот, Тит Ливии. М., 1984.

Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища/ /С А, 1963, N* 1.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

Кузнецов В. А. Аланы в X-XII вв. Орджоникидзе, 1971.

128

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Куклина И. В. Этногеография Скифии по данным античных источников. Л., 1985.

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899..

Культура древних .скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.

Культурное наследие Востока '(Проблемы, поиски, суждения). Л., 1985.

Кшибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984.

Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (От палеолита до IX*). М., 1979.

Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия., 1986. *

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л. И. Этнография Кавказа, Л., 1982.

Лавров Л. И. Этнографические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М. 1966.

Лазарев Я. О. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859.

Лайпанов К. Т. Карачаево-балкарский нартский эпос//Лайпанов К. Т., Суюнчев А. А., Хубиев М. А. Къарачай литература. Черкесск, 1961.

Лайпанов К. Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин/ /Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Лайпанов К. Т. К вопросу о государственности карачаевского народа//Юйге игилик, 1982, № 6.

Лайпанов К. Т. Происхождение карачаево-балкарского народа//Карачай, 1991, 12 сентября.

-Лайпанов К. Т. Карачаевцы: кто они?//Къарачай, 1992, 21, 24, 26 ноября, №№ 131-133; 1993, 30 января, №11 (на кара ч.-бал к. яз.)/

Лайпанов К. Т. Къарачай тукъум тамгъала (Карачаевские фамильные тамги)//Къарачай, 1993, 23 февраля, № 22 (на карач.-балк. яз.).

Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

Лаппо-Данилевский С. А. Скифские древности//Записки отделения русской славянской археологии Русского археографического общества. СПб., 1887, т. IV.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб, т. 1, ч. 1; СПб., 1896, т. 1, ч. 2. СПб, 1904, т. 2, ч. 1; СПб., 1906, т. 2, ч. 2 (См. также: Вестник древней истории, 1947, № №2-4; 1949, №3).

Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972. -

Левин М. Г. К вопросу о древнейшем населении Сибири//СЭ, 1950, № 3.

Липец В. С. Меч из редкой бронзы//СЭ, 1978, № 2.

Лордкипанидзе Г. А. История древней Колхиды. Тбилиси, 1970.

Луконин Г. В. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.

"Лурье С. Я. История древней Греции. Л., 1940, ч. 1.

Любин В. П. Памятники скифской эпохи в Карачаево-Черкессии/ /Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историч. Ставрополь, 1964, вып 4.

Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

9 Заказ №1487

129

Маккуни Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.

Ростов-на-Дону, 1983.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.

- Марков Г. Е. Кочевники Азии (Структура хозяйства и общественной организации). М., 1976.
- Марковин *В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.
- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя* культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Материальная культура. Под ред С. А.Арутюнова. М., 1989, вып. 3.
- Матюшин Г. Н. Мезолит - Южного Приуралья/Мезолит СССР, М., 1989.
- Махмуд Кашгарский. Девону лугатит тюрк. Ташкент, 1960, т. 1; 1961, т. 2; 1963, »т. 3.
- Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси,' 1959.
- Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»//Известия отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1902, т. IV, кн. 2.
- Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села . Николаевка. М., 1975.
- Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Под ред. акад. А. Н. Кононова. Л., 1979.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н. Я. Из истории древнеямных племен/ХПроблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

- Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV-II тысячелетий до новой эры в Циркумпантийской зоне//Древний1 Восток.Этнокультурные связи. М., 1988.
- Мещерский Н. А. История иудейской войны в древнерусском периоде. М.-Л., 1958.
- Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974.
- Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1987, ч. 3.
- Миллер В. Ф. Язык осетин. М.-Л., 1962.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, т. 1.
- Минаева Т. М. К 'истории алан в верховьях Кубани по археологическим данным, Ставрополь, 1971.
- Мищенко Г. Ф. К вопросу о царских скифахX/Киевская старина. Киев, 1884, т. 9.
- Могильников В. А. Тюрки//Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. * '
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Москалев А. А. Национально-языковое строительство в КНР <80-е годы). М., 1992.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
- Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
- Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XII-XVIII вв. Грозный, 1977.
- Мурзин В. Ю. Скифская архаика Причерноморья. Киев, 1984.
- Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.

- Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
- Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982.
- Мусукаев А. И. К истокам фамилий. Предания и легенды. Нальчик, 1992.
- Мусукаев А. И., Лершиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
- Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981.
- Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Кара чая. Нальчик, 1970. .
- Мизиев И. М. Два кургана из селений Кишпек и Кызбурун
3//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984, т. 1.
- Мизиев И. М. Шаги к истокам 'этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- Мизиев И. М. История рядом. Нальчик, 1990.
- Мизиев И. М. О создателях майкопской культуры//СА, М., 1990 а, №4.
- Мизиев И. М. Тринадцать слов из языка скифов//Азербайджан филология месялары. Баку, 1991, вып. 3.
- Мизиев И. М. Об исторических именах «Таргитай» и «Аспарух»//Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности Международный конгресс по алтаистике. Ташкент, 1986 а.
- Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Кара-

чая XIII-XVII вв. Нальчик, 1991 а.

Мизиев И. М. Этногеографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев//Этнография и современность. Нальчик, 1984.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.

Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1982.

Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

Немет Юлиус. Ди Тюркише-Монгалише Гипотезе. Вена, 1912.

Немет Юлиус. Ди иншрифтен дес шатсе фон Начицен-Миклош. Лейпциг, 1932.

Немет Юлиус. Список слов на языке ясов-венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.

Немет Юлиус. Социальные проблемы тюркского языкознания Венгрии//Вопросы языкознания. М., 1963, N96.

Немировский А. И. Мифы древней Эллады. М., 1992.

-Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе// Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Нечаева Л. Г. Некоторые вопросы этногенеза в эпоху средневековья на территории Кара чая//Тезисы докладов годичной научной

сессии. 1969 г. Л., 1969.

Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

Никифор. Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времен после царствования Маврикия//Византийский временник. М., 1950, т. 3.

9* 131

Николаева Н. А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции Майкопской культуры в археологической культуре /Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа (Межвузовский сборник ст.). Орджоникидзе, 1982.

Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе//Катакомбные культуры Северного Кавказа (Межвуз, сб. ст.). Орджоникидзе, 1981.

Никольский М. В. Клинообразные надписи в Закавказье // Материалы по археологии Кавказа М., 1896, вып. 5.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Никонов В. А. Этнонимика М., 1970.

Новое в археологии Северного Кавказа. М., 198ф.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.

Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя// История СССР, 1982.

Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. М., 1991.

Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока//Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1941.

Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. М.-Л., 1966.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья// МИА, М.-Л., 1974, вып. 43.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974.

«» Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.

Окладников А. П. Окладникова Е. А.. Древние рисунки Кызыл-Кел я. Новосибирск, 1985.

Окладникова Е. А. Граффиты Кара-Оюка, Восточный Алтай// Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988.

Ольдероге Д. А. Эпигамия. М., 1983.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М., 1991.

Ономастика. М., 1969.

Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состояний (Переведено с китайского монахом Иакинфом). СПб., 1829, ч. 1-2.

О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев 22-26 июня 1959 г. Нальчик, 1960.

Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

Опыт обоснования теории скифско-сарматского происхождения туркменского народа на краниалогических и этнологических данных//Известия «Средазкостариса». Ташкент, 1926, вып. 1.

Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

Очерки общ,ей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960.

Павленко Н. И. Историческая наука в прошлом и настоящем (Некоторые размышления вслух// (История СССР, М., 1991, №4.

Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Патканов К. П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Корейскому// Журнал министерства народного просвещения СПб., 1883.

132

Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982.

Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе/ /Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983, №23.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. Хроника Захария Ритора. М.-Л., 1941.

Пигулевская Н. В. Византия на пути в Индию. М.-Л., 1951.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.

Пиотровский Б. Б. Скифы и Урарту. Ереван, 1978.

Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток/ /СА, 19. М.,

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских

степях/ /Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1958.

Плетнева С. А. От кочевой к городам. М., 1967.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.

Плетнева С. А. Средневековые кочевники. М., 1982.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Погребова М. Н. Закавказье и его связи , с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

Плиний. Естественная история/ /АИСК. Нальчик, 1990.

Помпоний Мела. Землеописание/ /АИСК. Нальчик, 1990.

Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения приенисейского края. Красноярск, 1992, тт. 1-2.

Проблемы истории и культуры Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1991.

Проблемы тюркологии и востоковедения. Казань, 1964.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и _Рубрука. М., 1057.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1888—1905.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб, 1866, т. 1; СПб, 1878, т. IV.

- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рашид ад- Дин. Сборник летописей. ту.-Л., 1952, т. 1; 1960, т.
- Рёдер Д. Г., Черкасова Е. А. История древнего мира. М., 1985.
- Рейнекс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. СПб., 1797, т. 2.
- Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- Ростовцев М. Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
- Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.
- Руденко С. И. Башкиры. М., 1975.
- Руденко С. И. Культура племен Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960.
- , Руденко С. И. Культура хуннов и Ноилинские курганы. М., 1962.
- 133
- Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
- Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы//СА, 1970, №2.
- Рыбаков В. А. Геродотова скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
- Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.
- Самойлович А. Н. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926.

- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Самоковасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
- Сарткожа улий Каржаубай. Гуннское письмо//Алем. Алма-Ата, 1991, вып. 1.
- Саттаров Г. Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.
- Сафронов В. А. Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе//Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлеченный из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном). М.-Л., 1941, тт. 1-2.
- Северный Кавказ в древности и средневековье. М., 1980.
- Севортян Е. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Семенов-Тяныпанский. Географическо-статистический словарь Российской империи. * СПб., 1865, т. 2.
- Серебренников В. А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии//Вопросы истории тюркских языков. Ашхабад, 1966.
- Серебрякова М. Н. К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок//Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М., 1992.
- Сидоров Е. Н. Этноним «Саха»//Этническая ономастика. М., 1984.

- Симокатта Феофилакт. История. М., 1957.
- Сиротенко В. Т* Взаимоотношения гуннов и Римской империй/Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1959, т. 12, вып. 4.
- Скифия и Алтай. Культура и искусство скифов и ранних кочевников. Л.-М., 1966.
- Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Скифский мир. Киев, 1975.
- Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.
- Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
- Смирнов А. П. Рецензия на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в средние века»//СА, 1971, №1.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб, 1887.
- Смирнов К. ф. Савроматы. М., 1964.
- Смирнов К* Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1989.
- Смирнов К. Фм Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Солин. Сборник достопримечательностей//АЙСК. Нальчик, 1990.
- 134
- Степи Евразии в эпоху средневековья//Археология СССР. М.,

1981.

Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного

Зауралья. М., 1972.

Страбон. География. М., 1964.

Струве В. В. Древний Восток М., 1936.

Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Сулейменов Олжас. Аз и Я. Алма-Ата, 1975; изд-е 2-е, 1991.

Сысоев В. М. Кара чай в географическом, бытовом и историческом . отношении/ХСМОМПК, Тифлис, 1913, вып. 43.

Сум П. В. Исторические рассуждения о славянах. М., 1848.

Страленберг в Сибири//Сибирский вестник, 1888.

Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М., 1989. '

Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Тацит. Анналы истории//АИСК. Нальчик, 1990.

Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.

Телегин Д. Я. Основные черты хронологии среднестоговской культуры эпохи меди//Доклады советских археологов на VII международной конференции доисториков. М., 1966.

'Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-Xвв. до н. э. М., 1977.

- Тот Т., Фирнштейн В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.
- Трубачев О. Н. Старая Скифия Геродота (IV, 99) и славяне: лингвистический аспект//Вопросы языкознания, 1979, №4.
- Трубачев О. Н. Индорики в Северном Причерноморье: источники. Интерпретация. Реконструкция//Вопросы языкознания, 1981, №2.
- Урусбиев С. А. Сказание о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области//СМОМПК, 1880, вып. 1.
- Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарский Фольклор. Черкесск, 1979.
- Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881, вып. 10.
- Ученые записки Императорской Академии Наук по 1 и 3 отделениям. СПб., 1855, т. 3, вып. 6.
- Фавстос Бузант. История Армении. Ереван, 1953.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967-1973, тт. 1-3.
- Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Федоров Я. А. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории//Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая. Черкесск, 1974, вып. 6.
- Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
- Федоров Я. А. Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. , •

Федоров Я. Ам Эльканов У. Ю. Раннесредневековые памятники
Верхнего Прикубанья//Археология и этнография Карачаево-Черкесии.
Черкесск, 1979.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под вла-
стью Золотой Орды. М., 1966, ч. 1.

135

Фелицын Е. Д. Археологическая карта Кубанской области. М.,
1882.

Флавий Иосиф. Иудейские древности//ВДИ, 1947, №4.

Формозов А. А. Каменный век и энеолит на Кубани. М., 1965.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972>

Хабичев М. А. Карачаево-балкарский язык//Тюркские языки.
М., 1966.

Хабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в алан-
ских катакомбах//СТ, 1970, № 2. -

Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование.
Черкесск, 1971.

Хабичев М. А. О рунах и тамгах//Ростовски^ университет. Фило-
логические труды. Серия языкознание. Ростов-на-Дону, 1972, вып. 1.

Хабичев М. А. О рунических надписях/ /Леннини байраггы.
1974, 23 января (на карач.-балк. яз.).

Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кав-
каза. Черкесск, 1980.

«Хабичев М. А. К гидронимике Кара чая и Бал карий. Нальчик,
1982.

Хабичев М. А. Некоторые итоги дешифровки западнотюркских

рунических надписей//Анализы текстов по истории татарского литературного языка. Казань, 1987.

Хабичев М. А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989;

Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

Хаджиев Х-М> И. К топонимике Карачая. Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия историческая. Ставрополь, 1970 а, вып. 6.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. Автореф. докт. дисс. М., 1971.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1973.

Хазанов А .М. Легенда о происхождении «скифов (Геродот, IV,5-7)//Скифский мир. Киев, 1975.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 198[^].

Халиков А. Х. Пятьсот русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али-Ахмеда Бен Омар ибн Даста. СПб., 1869.

Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов//Византийский временник, т. 62.

Хенних Рихард. Неведомые земли. М., 1961, тт. 1-2.

Холаев А. З. Дебет Златоликий и его друзья (карачаево-балкарский нартский эпос). Нальчик, 1973./

- Холаев А. З. Карачаево-балкарский эпос. Нальчик, 1974.
- Хоренский Моисей (Хоренаци Мовсес). История Армении, перевод Н.А. Эмина. М., 1893.
- Цагаева А. Дз. Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, ч. 1; Орджоникидзе, 1975, ч. 2.
- Цагаева А. Дз. Тюрко-монгольский слой в топонимике Северной Осетии//Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972, № 5.
- Хоммель Ф. Этнологис унд Географие дес Алтен Ориенте (Этнология и гаография Древнего Востока). Мюнхен* 1926.
- Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- 136
- Цветаева Г. А. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968.
- Чайльд Гордон. Прогресс и археология. М., 1948.
- Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев ,1984.
- Черненко Е. В. Скифский доспех, Киев 1968.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960.
- Черников С. С. Загадки Золотого кургана. М., 1965.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек,
- Чегем П//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984, т. 1.
- Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневе-

ковой археологии Центрального Кавказа//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987, т. 3.

Чистякова Е. В. Русский историк А. Лызлов и его книга «Скифская история»//Вестник истории мировой литературы. М., 1961, № 1.

Членова Н. Л. Хронология памятников Карасукской эпохи. М., 1972.

Членова Н. Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы/Усредняя Азия и ее соседи в древности и средние века. М., 1981.

Членова Н. Л. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: обсуждение//Народы Азии и Африки, 1980, № 6.

Членова Н. Л. Татарские лошади/О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху/ //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981 а.

Чурсин Г. Ф. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков//! Всесоюзный тюркологический съезд. Стенографический отчет. Баку, 1926.

Шаманов И. М. Древнетюркское верховное божество Тёнгри (Тейри) в Карачае и Балкарии//Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культура). Черкесск, 1982.

Шанаев Г. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925, вып. 1.

Шелов Д. Б. .Царь Атей//Нумизматика и сфрагистика. Киев,

1956, т. 2.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н. э. М.,

1970.

Ширалиев М. Ш. Асадуллаев С. Г. Советская тюркская фило-

логия и задачи журнала «Советская тюркология»//Советская тюрко-

логия, 1970, №1.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.,

1978. •

Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях из Саркеля —

Белой Вежи//МИА, 75, М., 1959.

Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов

X-XVIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.,

1970.

Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной

Европе// СТ, 1971, № 4.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских

языков (Имя) .Л., 1977.

' 137

Элысанов У. Ю. Раскопки древнего «круга» на Нижне-Архыз-

ском городище/ /Вопросы средневековой археологии Северного Кавка-

за. Черкесск, 1988.

Энеолит СССР. М., 1986.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1986.

Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и

межтюркские основы на гласные). М., 1974, т. 1, 2; М., 1980,

т. 3. ', '

Этническая ономастика. М., 1984.

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.

М., 1981.

Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Эрмитов М. Этногенез и формирование узбекского народа. Ташкент, 1968.

Эйхвальд Э. И. О древнейших обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в Южной России по Геродоту// Библиотека для чтения. СПб, 1838, кн. 27, отд. 3.

Эйхвальд Эдуард. Альте Географие. Берлин. 1839 (на нем. яз.).

Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона)//ВДИ, 1987, №1.

Юсифов Ю. Б. Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане//Кавказско-ближневосточный сборник VIII. Тбилиси, 1988.

Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика' как исторический источник исследования этногенеза казанских та-тар//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов среднего Поволжья. Казань, 1971.

Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. ^

Якубовский Ю. А. О русско-казахских и русско-кавказских отношениях в 1X-XV вв.//Известия АН СССР. М., 1946, т. 3, № 5.

Ямпольский З. И. Древняя Албания. III-I вв. до н. э. Баку 1902..- ,.

Ямпольский З. И. Древнейшие сведения о тюрках в зоне

Азербайджана//Ученые записки Азербайджанского госуниверситета.

Серия языка и литературы. Баку, 1966, №2.

Ямпольский З. И. О тюрках, V в. -до нашей эры// Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Серия языка и литературы. Баку, 1970, № № 5-6. '

Ямпольский З. И. Об этническом составе Каспианы//Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Серия истории и философии. Баку, 1971, №1.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1968.

Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.

Национальные словари

Караимско-русско-польский словарь М., 1974.

Карачаево-оалкарско-русский словарь. М., 1989.

Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Коми-русский словарь. Сыктывкар, 1948.

Кумыкско-русский словарь. М., 1962.

Ногайско-русский словарь. М., 1963.

Татарско-русский словарь. М., 1966.

Турецко-русский словарь. М., 1977.

Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

Чувашско-русский словарь. Баку, 1956.

www.turklib.uz

www.turklib.ru